

Голос ненависти

Шая Воронкова

Кайрис никогда не думала, что возьмет в руки меч. Что убьет. Восемнадцатая весна должна была стать для нее лучшим из дней, но вместо этого стерла всю жизнь в мелкую труху. Но когда все разрушено, не остается ничего, кроме как отстраивать заново. Обрезать волосы, переодеться в мужчину, примкнуть к наемным убийцам и самой стать чудовищем, чтобы больше никогда их не бояться. Только вот путь воина никому не дается легко, и молодому волчонку придется тягаться не только с кроликами, но и с матерыми волками. Раньше Кайрис бы просто сдалась, но не теперь. Невозможно остановиться, когда тебе поет сталь, и это — голос ненависти.

Проходят года, наши тени растут вместе с нами,
И мы становимся теми, кого ненавидели сами.
Неизвестный сказитель.

718 год, Посадник, 10

Он тащит ее, а она вырывается и кусает грязную ладонь. В нос ударяет запах земли и навоза, во рту горчит, будто полынь жевала. Когда он прижимает ее к шершавой стене трактира, царапая щеку деревом, и дышит перегаром в шею, голова запрокидывается, и Джелика видит звезды, похожие на осколки разбившегося зеркала: холодные и безразличные. Ветер щиплет кожу и голые плечи. Чужая рука грубо дергает за косу, наматывает вокруг ладони и тянет, будто строптивую кобылицу.

Как скоро ее хватятся?

Она кусает ладонь снова и снова, но с каждым разом слабее, словно ночное небо выпивает всю ее силу. Надо бежать, но ноги дрожат, и Джелика задыхается. Упрямо жмурится, лишь бы не слышать чужое бормотание, не чувствовать прикосновений. Сжимается, дергаясь в последний раз, и безвольно повисает, как тряпичная кукла. Вот вверх ползет подол юбки, вот слышится смешок — и, внезапно, резкий вскрик, прервавшийся на середине.

Коса, никем больше не удерживаемая, падает, а потом и вовсе сползает по плечам, и когда мягкие волоски щекочут шею, Джелику передергивает. Рухнув на колени, она стискивает плечи руками. Где-то рядом начинает выть собака.

— Ну все, тише. Этот ублюдок тебя больше не тронет.

Джелика оборачивается, тонко пискнув, и собака замолкает. Только потом она понимает, что выла сама, а в тот миг просто долго смотрит на грузное тело, скрючившееся на земле. Высокая угловатая тень склоняется над ним, пиная носком сапога, но оно безвольно дергается от удара и опять замирает. Джелика поднимает глаза выше, прижавшись спиной к стене. Небо над головой кажется слишком огромным и тяжелым.

В двух шагах от нее кто-то стоит. Сперва Джелика принимает силуэт за мужчину и пугается — настолько грубое и жесткое лицо она видит. Но, несмотря на некрасивые черты, подобающие воину, перед ней стоит женщина. Она подходит ближе и протягивает Джелике узкую полоску стали.

— Отомсти. Убей его, — ее голос сильный и звонкий, как вьюга.

Но Джелика не слушает, только смотрит на изящную рукоять клинка. А потом отскакивает, будто чужая мозолистая рука держит за горло ядовитую змею.

— Нет, я так не могу! Я никогда не...

Женщина равнодушно пожимает плечами и, повернувшись к Джелике спиной, склоняется над землей. Раздается странный чавкающий звук, потом еще и еще. Когда она выпрямляется вновь, кинжала в ее руках больше нет, и Джелика рада, что из-за темноты не может разглядеть чужие ладони как следует.

— Я тоже так говорила.

Голубые глаза спокойны, но есть что-то жуткое, звериное в этом взгляде. Наверное, поэтому, когда женщина начинает рассказывать, Джелика верит каждому ее слову.

Глава 1. Праздник весны

695 год, Оттепельник, 1

Каждый раз, когда матушка слишком резко проводит по волосам гребешком, Кайрис мелко вздрагивает, но не смеет противиться. Пахнет свежим хлебом и чем-то, чего не передать словами: хоть до весны и остался еще один день, она уже чувствуется в воздухе. Кайрис опускает голову и пытается представить, как выглядит. Почти видит: выбеленная мукой кожа, угольные узоры на щеках и лбу, больше похожие на резкие росчерки, остающиеся на дереве после удара ножом. Матушка дергает ее за волосы.

— Не вертись, женщина должна быть терпеливой.

Кайрис послушно выпрямляется и больше не двигается. Сильнее всего хочется сбегать к озеру, наклониться и долго-долго смотреть на девушку, в которой так сложно узнать себя. Кайрис тянется рукой к шее, на которой висит вырезанная из светлого дерева птица, и осторожно поглаживает ее. Матушка велела никогда не снимать, иначе богиня разгневается. Пальцы то и дело кидаются проверять. Обычно она даже не вспоминает о птице, но сегодня — другой день.

Сегодня она празднует свою восемнадцатую весну. Сегодня вся деревня соберется, чтобы задобрить богиню после суровой зимы. Сегодня...

Матушка вплетает ей в косы чаячьи перья, которые старейшина привез специально для праздника из города. Когда последнее вплетено, матушка начинает оборачивать косы вокруг макушки. Кожу головы тянет — у матушки слишком жесткая рука. Матушка в последний раз поправляет косы и отступает на шаг.

Кайрис поднимается. Шелестит белоснежный подол платья, щекоча голые ноги. Поднимает вверх руки, и широкие длинные рукава хлопают как на ветру. Взмах, еще взмах. Сердце подпрыгивает от восторга: что бы ни было потом, сегодня она свободна. Матушка потуже затягивает на ее талии пояс, расшитый морскими волнами. Кайрис потирает пальцы — вспоминается, как они болели после ночи работы.

— Быстрых крыльев, — матушка оглядывает Кайрис и напутствует. — Не вздумай даже глядеть на парней. Женщина должна быть скромной.

— Попутного ветра, — отвечает Кайрис, не особо ее слушая.

Раздается стук, и в окно кто-то заглядывает — красавица-Велиса. Кайрис машет подружке и спешит к выходу, не в силах сдержать широкой улыбки. Матушка недовольно поджимает губы вместо прощания.

Дорожку до дома старейшины усеивают красные ягоды. Кайрис ступает прямо по ним босыми ногами, чувствуя, как их тонкая кожица лопается и в стороны брызжет соком. По бокам от дорожки — неровные ряды деревенских, от детей до стариков. В воздухе стоят крики, смех, нежная трель свистулек в виде птичек, с которыми носятся дети, перестукивание трещоток.

Пройдя половину дороги, Кайрис слышит, как запевают где-то за спиной. Песня гортанная, медленная и тягучая, будто покачивание морских волн. По крайней мере, так рассказывают путники. Кайрис представляет море, как огромное озеро. Она слышала даже, что солнце успеет пять раз опуститься и подняться, а ты так и не достигнешь другого берега, но верится в это слабо. Как столько воды удерживается вместе?

Становясь все громче и громче, голоса замолкают, когда Кайрис доходит до конца

красной дорожки. Она делает еще пару шагов и останавливается перед широким круглым алтарем. Кладет на него ладони — дерево теплое от солнца — и опускается на колени. На гладкой поверхности вырезаны нужные слова, Кайрис чувствует их подушечками пальцев — глубокие выемки, изрезавшие алтарь. Но ей не нужно подсказок — она знает все наизусть.

— О, белокрылая Кай, обрати взгляд на детей своих, усьмири моря, украти ветра, уведи зиму...

Деревянные статуи пяти птиц, сыновей богини, будто внемлют ей со своих мест вокруг алтаря. Люди вокруг вторят эхом. Кайрис пытается разобрать голос матушки, но сбивается и перестает прислушиваться. Когда последнее слово слетает с губ, Кайрис открывает глаза. Вытаскивает перо из волос, царапнув по щеке, и опускает его на алтарь. Стоит ей подняться, как мимо проносится ветер. Все ждут, и Кайрис чувствует тяжелые взгляды у себя на спине. Перо колышется, чуть сдвигаясь к краю, но все-таки замирает.

Люди раздражаются радостными выкриками: эта весна будет теплой, а лето — щедрым. Богиня приняла дар. Кайрис оборачивается и каждому, кто подходит к ней, преподносит перо из своих кос, чтобы тот возложил его на алтарь. Некоторые обращаются с дарами и к священным птахам: кто просит у Ази богатства, кто молит Ари защитить от зла. Когда улыбающаяся Велиса протягивает руку, перьев остается совсем мало. Глядя, как она опускается на колени и едва заметно шевелит губами, произнося молитву, Кайрис понимает, что Велиса — последняя, а значит, до вечера Кайрис свободна.

Подруга не задерживается слишком долго — почти сразу вскакивает на ноги, хватая Кайрис и тянет за собой. Они проносятся мимо старого музыканта, дергающего струны кэллы, мимо парней, соревнующихся в стрельбе по треснувшему глиняному кувшину, и мимо стайки кур. Велиса тащит к дальнему концу деревни, сразу ясно, к кому — к ворожее.

Здесь, на окраине, только ее дом и стоит, совсем один. Темный и тяжелый домишко будто сбит из камня. Стены кажутся холодными, только пробивающиеся сквозь ступени одуванчики желтеют, как маленькие солнышки. Ворожея сидит на пороге. Вот уж кому на поклон не нужно — богиня и так не отвернется.

— Погадайте нам, дэр Крия, — просит Велиса, чуть поклонившись.

Ворожея кивает. Крия совсем не похожа на старуху, хотя при ней не только матушка росла, а и бабка тоже. Едва заметные морщины, тонкие нежные пальцы, как у благородной, и глаза дикой птицы, серые-серые. Говорят, все ворожеи такие: молчаливые, прозорливые и сильные. Чтобы играть с огнем, нужна очень грубая кожа. А чтобы им управлять...

Крия встает, и костяные браслеты на ее руках позвякивают. Она уходит в дом и возвращается с грубой каменной чашей, наполненной водой до краев. И как эти тонкие руки могут ее удержать? Ворожея снова садится на порог и водружает чашу себе на колени, не расплескав при этом ни капли. Велиса нетерпеливо топчется на месте.

— Подходи, Чайка, будешь первой, — манит Крия.

Кайрис, надеясь, что Велиса побыстрее наиграется и можно будет уйти, недоверчиво клонит голову набок, но все же подходит. Видеть будущее в воде чудно, но ворожеи говорят с ветром и читают по звериным шагам, как по книге. В этой силе не принято сомневаться. Кайрис вздыхает. По воде проходит легкая рябь, но тут же исчезает. Слышась наставлений ворожеи, Кайрис зачерпывает горсть влажной земли. Немного колеблется, а потом резко бросает в чашу.

Вода брызжет в стороны, оросив руки мелкими каплями, и мутнеет. В центре вспыхивает темное пятно и расплзается, пока не окрашивает воду полностью. Кайрис

смотрит, как очарованная. Крия склоняется над чашей, ее жесткие волосы закрывают лицо, кончики намокают, коснувшись воды. Ворожея молчит, только губы подрагивают. Тишина затягивается, и страх холодит Кайрис спину. Крия зачерпывает воду, и по ее ладони стекают грязные струи.

— Я умру? — невольно шепчет Кайрис.

— Нет, — Крия поднимается на ноги и выплескивает воду. — Твоей смерти я не вижу.

— Это же хорошо? — говорит Велиса, беззаботно улыбаясь, но тут же замолкает под взглядом ворожеи.

— Не стоит волноваться, Кайрис, — говорит Крия мягко, будто успокаивая. — А теперь иди. И ты иди, Велиса-лиса. Не гадаешь мне сегодня.

Только и остается, что послушаться и выкинуть странное предсказание из головы вместе с поселившимся на затылке холодком. Солнце поднимается на середину неба, и все начинают готовиться к главной части праздника. Расчищают землю и собирают хворост для «чайкиного» костра, благословляют пищу у алтаря. Чаще всего это птичий хлеб — плоские лепешки с узорами перьев. Молодые девушки приносят первоцветы — для мешочков на удачу. Кайрис тоже сделает такой следующей весной и зашьет в подол зимней юбки.

Велиса уходит вместе с остальными девушками — гадать по венкам. Кайрис с легкой тоской смотрит им вслед, но сегодня ее место тут. Пара мужчин покрепче начинает складывать на расчищенной площадке хворост небольшими кучками, чтобы образовать круг. Работа тянется медленно, и Кайрис устало опирается об алтарь, все еще теплый от солнца. Как-то разом накатывает странная сонливость. Голову обволакивает туманом, она тяжелеет, и веки сами собой опускаются. Кайрис закрывает глаза вроде бы всего на миг, тут же открыв от чьих-то осторожных потряхиваний.

— Что ты видела? — спрашивает старейшина.

Мужчина стоит, внимательно вглядываясь в лицо слезящимися глазами, и Кайрис понимает, что успела заснуть. Она растерянно моргает. Солнце успело скрыться, не видно даже золотистой полоски на горизонте. Все уже тут, встали незамкнутым кольцом вокруг алтаря, только ее и ждут.

— Что ты видела? — настойчиво повторяет старейшина.

Мысли ворочаются в голове медленно, как лопасти старой мельницы, но до нее доходит, что он говорит про поверье. Мол, когда Чайка стоит у алтаря, ожидая вечера, с ней обязательно заговорит богиня. И как теперь объяснить, что просто от усталости сморило?

— Я... видела мешки, полные зерна, — находится Кайрис.

Старейшина довольно крякает и отходит. От вранья как-то не по себе, но иначе он решил бы, что Кайрис — плохая Чайка. Внутри едва заметно колет обидой: почему богиня действительно не заговорила? Прошлая Чайка много рассказала. Тоже врал? Тем временем сложенные кучкой ветви начинают поджигать. Дым взвивается вверх сизой лентой. На сердце как-то тяжело, но Кайрис уговаривает себя успокоиться. Надевает черную деревянную маску с грубым изгибом клюва, берет в руки протянутый букет.

От дыма начинает кружиться голова, и недавние страхи и переживания отступают. Кайрис уверенно расправляет плечи, окинув взглядом толпу, похожую на единое существо, — и выходит из круга. Осталось обойти всю деревню, вернуться и, наконец, станцевать. Проходя мимо пустых домов, Кайрис вспоминает движения, украдкой повторяя их на ходу. Букет с первоцветами невольно выписывает в воздухе плавные линии, следуя за рукой. Оказавшись на краю деревни, она поворачивается, и сердце замирает от восхищения.

Кажется, будто сейчас весь мир принадлежит ей одной.

По пальцам течет сок, источаемый стеблями. Кайрис начинает делать круг по краю деревни, считая шаги — просто чтобы немного успокоить рвущийся наружу восторг. Небо такое огромное — взглядом не охватить. Звезды поблескивают, будто огни костров. Она так засматривается, что даже не замечает, как доходит до места, от которого начала свой путь. Вокруг уже совсем темно — кажется, недавно было отлично все видно, а теперь едва можно различить свои ноги.

Кайрис делает глубокий вдох и свободной рукой тянется к завязкам, чтобы стащить маску с головы. Когда она уже почти распутывает узел, что-то стискивает запястье, и резкий рывок сшибает с ног.

Букет первоцветов падает на землю, брызнув в стороны синими лепестками.

Глава 2. Опасная ложь

695 год, Оттепельник, 8

Шаг — и она оказывается в объятиях лесного озера.

Вода обжигает плечи, спину, стекает по груди, и... неожиданно стынет, будто Кайрис смогла ее потушить. От холода собственное дыхание замирает в горле. Пальцы вздрагивают, и она самыми кончиками касается губ. Вода еще слишком холодная — на нее богиня обратит свой взгляд в последнюю очередь. Но, быть может, если искупаться в ней, удастся серьезно заболеть? И если Кайрис не выздоровеет, в этом не будет ее вины. Черные мысли заполняют голову, и она трясет ею, отчего мелкие брызги расходятся в стороны веером. Но как бы Кайрис ни пыталась не думать, не удастся избавиться от малодушного «так было бы лучше».

Кайрис стоит, поглаживая пятнышки-синяки, усыпавшие руки, кольцами обхватившие запястье, и не знает, какие из них оставил отец, а какие — этот. Вздрагивает. Может, эти, продолговатые — когда заламывал руки? Или кляксу чуть выше локтя — билась, как бабочка в стакане, пытаюсь вырваться. Или эти? Кайрис впивается в кожу ногтями, оставляя красные полосы. На ранах бусинками проступает кровь. Кажется, что иначе не вытравить эту грязь, которая не смывается водой, не стереть следы чужих прикосновений. Решимость, на мгновение вспыхнувшая внутри, пропадает, и Кайрис опускает руки. Холодная вода щиплет кожу.

Воспоминания встают перед глазами сами собой, сколько бы она их ни гнала.

Вот качается и ухаёт вниз ночное небо, вот смазывается сияние звезд, плывет оранжевыми пятнами. Дергаются, будто руки сломанной куклы, тени, и чужая, слишком широкая, заслоняет собой все остальное. Кайрис помнит, что замечает эту тень прежде, чем мужские руки хватают ее за запястье, выворачивая кисть, и волочат по влажной земле.

В конюшне стоит запах сена, лошадей и почему-то горячего молока. Слышно тяжело вздыхающего коня за стеной, топот чужих сапог и глухие хлопки ударяющихся о бок ножен. Сперва Кайрис даже не сопротивляется, позволяя бросить себя на стог сена в углу. До последнего хочет верить, что это все — глупая шутка, и даже убеждает себя в этом до тех пор, пока маска не слетает, с шелестом упав на землю. Когда вокруг воцаряется душный полумрак, Кайрис будто просыпается, широко распахнув глаза, и начинает молотить по чужой спине кулаками.

— Пусти!

Получается сдавленно — от страха в горле встает ком, и голос ей не подчиняется. Незнакомец наваливается сверху, зажимая грязной ладонью рот. От него пахнет дорожной пылью и потом — как от путника. Крик превращается в невнятное мычание, и легкие горят от недостатка воздуха.

— Заткнись.

Мысли стучат в висках в такт бешено бьющегося сердца. Если только она успеет выбежать и громко позовет на помощь... Откуда-то издали доносится музыка и ритмичные постукивания, и осознание впивается в разум холодными иглами. Никто не услышит. Не во время праздника. Кайрис пытается отпихнуть чужака, но только путается в складках платья. От собственной беспомощности становится дурно. Незнакомец твякюще смеется, наблюдая за ее потугами. Кайрис с трудом освобождает голову и выкрикивает единственное, что, как

ей кажется, может его остановить:

— Если тронешь меня, богиня...

Чужак почти по-звериному задирает голову, расхохотавшись, и его кадык дергается в слабом свете.

— Не скули, — цедит он, задирая подол юбки. — Я верую в Магнеса и никаких оципанных куриц не боюсь.

Раздается звон ударившейся о землю пряжки, и мир раскалывается надвое.

Даже сейчас Кайрис помнит каждое слово — так крепко они врезаются в память. Наверное, потому что именно в это мгновение огонек надежды, качнувшись, окончательно гаснет. Другой бог, чужой, он не поможет. И тогда Кайрис цепенеет, будто теряет контроль над своим телом, перестает быть его хозяйкой. В уголках глаз набухают слезы и катятся по щекам. Кажется, она молится, просит спасти ее, защитить — остальные воспоминания перепутаны, как клубок ниток, и Кайрис не может в них разобраться. Все смешалось — боль, липкие щупальца ужаса, ворочающиеся в низу живота, чужие прикосновения, тошнота, слова молитвы, тяжесть чужого тела. Этого одновременно слишком мало — и слишком много.

Где-то в кронах деревьев вскрикивает птица, и Кайрис вздрагивает. Звук больше похож на плач, и он почти сразу затихает — не определить, откуда прозвучал. Она все еще стоит посреди озера, окоченевшая от ледяной воды. Пальцы еле шевелятся. Воспоминания медленно блекнут, уступая место холоду, но Кайрис знает, что это ненадолго. Опустив голову, она бредет в сторону берега.

Ей так и не удастся вспомнить, как в ту ночь она шла обратно.

После щелчка расстегиваемого ремня все воспоминания идут обрывками: вот жар и тяжесть, вот мокрые щеки и горячий лоб. Она бредет по деревне, и собственные руки и ноги кажутся чугунными. Живот будто раздирает дикая кошка, но боль как чужая, и Кайрис молчит. Ноги сами ведут ее мимо черных провалов окон. Кайрис продолжает идти только потому, что не может остановиться.

Скоро темнота чуть светлеет, и становится слышно, как трещит огонь, выплясывая на толстых поленьях, как хлопают в ладоши и ударяют по струнам. Люди и всполохи костров сливаются в сплошное кольцо. Кайрис делает шаг за шагом, и каждый — будто маленькая смерть. Пламя разрастается, алые языки переплетаются с голубоватой дымкой, и люди хлопают все быстрее и громче.

Огонь будто змея, танцующая под дудку.

Танец... какая-то мысль проскальзывает в голове, и лавина боли тут же обрушивается на тело. Нет. Кайрис обнимает себя руками, будто укрывается в невидимом коконе. Хлопки убыстряются, сливаясь в сплошной гул. Сделав последний шаг, она выходит в круг и внезапно останавливается. Оранжевый свет и жар костров обволакивает, и Кайрис будто видит себя со стороны. Она стоит в самом центре. Растрепанные и спутанные волосы с торчащей из них соломой падают на голые плечи, расплзающаяся ткань обнажает кожу, а на ветру качаются рукава, похожие на ободранные птичьи крылья.

Вокруг разом становится тихо, и это оглушает. Все вокруг смотрят на нее, не спуская глаз, и кажется, что презрение и гнев навсегда застывают на их лицах.

Поэтому, возвращаясь из леса, Кайрис старается ни с кем не пересечься. Богиня будто смеется над ней — в самих дверях Кайрис сталкивается с матушкой. Та тут же обругивает, называя «ленивой бездельницей», и протягивает пустое ведро, морщась, когда Кайрис тянется к нему и рукава задираются, обнажив синяки на запястьях. Кайрис сжимается под ее

взглядом — вдруг ударит, как в ту ночь, когда кричала про позор, а отец таскал за косы. Но матушка только отворачивается, нахмутив брови. Кайрис хватается ведро и идет к колодцу.

Воздух теплый и пахнет весной, но Кайрис кутается в длинный шерстяной платок, и он колет ей плечи. Она идет и смотрит только себе под ноги, вздрагивая каждый раз, когда слышит голоса и смех за спиной. Мимо проносятся дети, поднимая облака пыли, и Кайрис невольно закашливается. Она ускоряет шаг, жалея, что не может передвигаться бегом: в прошлый раз, когда так делала, запнулась и разодрала коленку. На боль плевать, но криков дома было...

Уже подходя к колодцу, Кайрис натывается на чью-то спину. Мужской голос поминает Зилая, и она каменеет, роняя ведро. Чужое лицо расплывается перед глазами, а течение времени на мгновение замедляется, чтобы тут же возобновить бег. Паренек-крепыш, в чью спину Кайрис врезалась, бросает на нее мимолетный взгляд и, сплюнув, уходит. Ткань липнет к взмокшей спине. Это не тот. Конечно, не тот. Показалось. Кайрис прислоняется к колодцу, и поднимающаяся с его дна прохлада едва ли может остудить горячую кожу. Сбившаяся у колодца кучка молодых девушек ее будто не замечает.

— Да пустоголовая. Так маменька говорит. Хорошо, что наш дом не рядом рядом, — тараторит курноса.

— Погодь хвастать. Не твой ли миленький живет всего в паре шагов от нее? Будешь постоянно слушать этот жуткий вой, — посмеивается в ответ ее подруга.

— Да ну тебя!

Девушки заливаются смехом, обмениваясь шутливыми тычками. Кайрис вздрагивает, но отводит глаза в сторону. С нее хватит. Нащупав ведро, она медленно поднимает его, придерживая платок другой рукой.

— А ты почему молчишь, Велиса? Небось, защищать ее будешь?

— Да нет, с чего бы? — раздается знакомый голос. — Не после того, как она на празднике загуляла. Наверняка с пьяницей каким, нормальный парень не позарился бы.

Ведро выскальзывает, и слышно, как оно плюхается на дно колодца, порождая гулкое эхо. Не замечая этого, Кайрис оборачивается, да так резко, что коса хлещет по щеке. Велиса стоит рядом с двумя другими девушками, раскрасневшимися от смеха, и улыбается. Их взгляды пересекаются, и Кайрис не видит в чужом ничего, кроме равнодушия. Велиса смотрит на нее с превосходством.

— Это неправда! — выпаливает Кайрис, будто пытаюсь оправдаться.

Велиса только отворачивается, вздернув подбородок. Курноса наклоняется и шепчет ей что-то на ухо, отчего обе девушки хихикают, поглядывая на Кайрис. Глаза начинает щипать, и она бросается прочь, позабыв про ведро.

695 год, Посадник, 11

Кайрис сидит на пороге дома и наблюдает за бурой птицей, чистящей перья во дворе. Сидеть жестко, да и платье пачкается, но все равно лучше, чем в доме, замкнутой четырьмя стенами. В пятнах света танцует пыль. Птица прыгает по земле, временами хлопая крыльями. Кайрис считает взмахи, не в силах побороть охватившее ее чувство безразличия. Раз, два. Надо было все рассказать еще тогда, но от одной мысли становится тошно. Три, четыре. Птица склевывает что-то с земли. Кайрис приглядывается и успевает заметить, как в остром клюве исчезает червяк. Надо было говорить правду, а теперь, даже если расскажет, никто все равно не поверит. Пять, шесть.

Вильнув хвостом, птица взлетает и медленно растворяется в небе. Кайрис смотрит ей

вслед, пока та не превращается в маленькое пятнышко. Точно такое же, только намного больше, расплывается по полу в тот вечер после того, как отец разбивает кувшин. Дзынь — и глиняные осколки летят в стороны, а под ногами разливается вода. Отец задел стол, взмахивая рукой, и теперь черепки валяются по всему полу. Его слишком смуглая для этих мест кожа выглядит совсем черной. Сейчас отец кажется ей чудовищем. Лучше бы осталась один на один с толпой, из которой тот ее вырвал. Сор из избы не пожелал выносить.

— Почему ты в таком виде?! — выкрикивает отец, и его ноздри гневно подрагивают.

За его спиной стоит побледневшая матушка, плотно сжав губы — только скрещенные руки слабо дрожат. Больше всего Кайрис хочется уткнуться в ее плечо, спрятаться в объятиях, как в детстве, но между ними — красное от злости лицо отца. Кайрис беззвучно открывает и закрывает рот, не в силах выдавить из себя ни звука.

— Кайрис! Почему ты молчишь? — отец шевелит желваками. Видно, как вздуваются вены у него на шее — будто у быка.

— Там... — голос охрип, и Кайрис машинально хватается за горло. Каждый слог приходится с усилием проталкивать сквозь зубы. — ...был мужчина, и...

От одной мысли о том, что придется все рассказать, к горлу подкатывает тошнота, и слова не идут — приходится переждать. Кайрис опирается о стол, глубоко дыша и надеясь, что ее никто не услышал, но матушка бледнеет еще сильнее. Кайрис собирается с духом, но договорить ей так и не удается — щеку обжигает ударом, и голова качается назад.

— Ты была с мужчиной? Во время обряда?!

Кайрис вскрикивает — удар валит ее на пол, и острые края осколков впиваются в кожу сквозь одежду. Отец нависает черной тенью, и его сжатый кулак угрожающе трясется в воздухе. Из глаз брызжут слезы, и Кайрис зажимает горящую огнем щеку.

— С кем? Гремор? Севир? — начинает перечислять отец. — Вертис?

Она молчит, прижимая холодную ладонь к коже. Голова гудит, будто огромный колокол, и чем сильнее повышает голос отец, тем громче этот звон. Отец вновь заносит руку для удара, и Кайрис видит, как матушка за его спиной дергается, будто пытаясь остановить, но в итоге остается на месте. Губа лопается, и по подбородку течет струйка крови. Хочется возразить, закричать, оправдаться, но тогда придется выложить все. Внутренности Кайрис будто стягивает узлом, и она продолжает молчать.

— Так это правда? — спрашивает матушка дрожащим голосом.

Все внутри рвется воспротивиться, но тут отец вновь выбрасывает вперед руку. Страх — то ли перед новой болью, то ли перед словами, которые придется сказать, — захватывает целиком. Прежде, чем отец хватается за косы, Кайрис кивает. Слезы катятся по щекам, но вместе с этим ее охватывает и облегчение. Теперь-то все оставят ее в покое и ни о чем рассказывать не придется. Увидев этот кивок, матушка отворачивается, припав к отцовскому плечу. Пелена застилает Кайрис глаза, но она продолжает сидеть, не успев до конца осознать, что только что сделала.

Вдруг снаружи раздается звук опрокинутой бочки. Отец кидается к окну и распахивает ставни. Кайрис утирает глаза, но все, что она успевает заметить — это стремительно мелькнувшая тень. На следующий день о случившемся знает вся деревня, и сказанную ложь уже никак не исправить.

Нога соскальзывает, когда Кайрис спускается с последней ступени, и она падает, выронив лучину. Огонек вспыхивает красным и потухает. Потирая ушибленное место, Кайрис вглядывается в темноту, но без лучины совсем ничего не видно. Споро поднявшись

по ступеням, Кайрис пытается нащупать проем, но натывается ладонью на преграду. Толкает дверь, но та только вздрагивает на петлях, не открываясь. Похоже, захлопнулась.

— Эй! — Кайрис прикивает к двери подпола, чуть дрожа от холода. — Я здесь! Матушка?

Ответа нет — только какое-то странное попискивание в углу. Сердце испуганно сжимается, и Кайрис начинает молотить сильнее — до ноющих костяшек пальцев. Как это она недоглядела? Последний раз взмахнув рукой, Кайрис опускается на корточки. Можно, конечно, постараться поискать лучину, но зажечь ее все равно нечем, да и в такой темноте ноги на раз-два переломаешь. Лучше подождать, пока кто-то вернется и отопрет. Закутавшись в платок и опираясь лопатками о следующую ступень, Кайрис зябко съезживается. Странные шорохи и шелест почему-то начинают убаюкивать — сказываются бессонные ночи, а еще вспоминается детство. Как сестрицы запирали ее в погребе, а матушка отпирала дверь и успокаивала Кайрис, уткнувшись ей в живот.

Хорошее было время, пока сестры не вышли замуж, одна за другой повыскакивав из гнезда. А потом Кайрис стала Чайкой. Почти заснув, она вздрагивает, впечатавшись плечом в стену. Сверху раздаются тихие шаги. Кайрис тянется к двери, но рука замирает, так и не ударив. Людей сверху оказывается двое. И эта твердая поступь может принадлежать только одному человеку.

— Такую замуж не возьмут. Порченная, — говорит отец раздраженно.

— Да кто бы на нее и так позарился? Ленивая, нерасторопная — не жена, а обуза, — матушка делает пару шагов и застывает на месте. — Отдать бы в служанки, да кому такая неумеха нужна?

— Но соседи-то косятся. Надо бы ее куда-то спровадить, пока не поздно.

На Кайрис внезапно будто обрушивается весь холод, царящий в подполе, и она, оступившись, съезжает по ступеням и задевает что-то рукой. Раздается звон, и голоса наверху затихают. Дверь подпола со скрипом открывается, и упавший вниз квадратик света на пару мгновений ослепляет Кайрис. Будто зверь, гонимый охотничьими собаками, она выскакивает в проем и, хлопнув дверью, выбегает из дома. Ветер тут же бросает в лицо горсть пыли. Заслонившись от него ладонью, Кайрис бредет прочь, не разбирая дороги. Ноги сами приводят ее к знакомому дому — к, похоже, единственному оставшемуся другу. Кайрис останавливается и переводит дыхание. Прощмыгнув под окном, она обходит дом кругом и тихо свистит.

Притулившись к стене, на земле лежит темная гора, похожая на кучу углей, и то вздымается, то опадает. Когда Кайрис подходит ближе, пес вострит уши, и похожий на обрубленную дубинку хвост чуть вздрагивает. Кайрис наклоняется, широко разводя руки, и тихо шепчет:

— Костолом.

Пес вытягивается стрелой, а потом начинает медленно подниматься. Костолом всегда напоминал скорее бешеного медведя, только пробудившегося от спячки, чем собаку, и все равно Кайрис доверчиво тянется ему навстречу. Зверюга, однажды разодравшая дикого волка, не могла терпеть никого, кроме хозяина — но Кайрис всегда была исключением. Может, потому что звери любили ее, а может, потому что она лечила Костолома, когда тот был еще щенком, — но пес всегда с готовностью подставлял под ее руку свою массивную голову.

Кайрис протягивает к нему пальцы, уже мечтая, как уткнется лицом в густую шерсть.

Звякает цепь, кожаный ошейник стягивает толстую собачью шею. Пес поворачивается, и его глаза отблескивают красным в свете солнца. Кайрис выставляет вперед раскрытую ладонь, чтобы Костолом ткнулся в нее холодным носом. Тихие, как кошачьи, шаги поглощает земля. Под кожей пса перекачиваются мышцы, и Костолом, все так же не произнося ни звука, приближается к ней на чуть согнутых лапах.

По спине пробегают мурашки, и Кайрис резко понимает — что-то не так. Он не виляет хвостом — обрубок даже не вздрагивает. Дергаются точеные ноздри, и пес слегка обнажает пожелтевшие клыки. Костолом не бежит, повизгивая, и не плетется лениво — он крадется, как охотник, и пружинит лапы, будто собирается прыгнуть. Костолом... не узнает ее?

Кайрис широко распахивает глаза и в этот же миг слышит рык. Все внутри поджимается, и она вскакивает на ноги, случайно наступая на подол платья. Раздается треск рвущейся ткани, и земля взлетает вверх. От удара в глазах темнеет, и Кайрис неожиданно остро понимает, что подошла слишком близко и длины цепи как раз хватит, чтобы челюсти пса сомкнулись на ее горле. Звенья с шелестом волочатся по земле. Надо отползти, но Кайрис опять охватывает онемение. Ногами не пошевелить.

Пес дыбит шерсть на загривке, и из его распахнутой пасти вырывается глухой рев. Прижавшись к земле, зверь прыгает. Мгновения растягиваются, чтобы тут же полететь стрелой. Черная тень висит в воздухе, и грубая рука хватается цепь, дернув ее назад. Кузнец, ругаясь, как моряк, увлакивает сопротивляющегося пса прочь. Кайрис нескоро находит в себе силы, чтобы подняться на дрожащие ноги. Она отряхивает подол, с грустью глядя на висящую неровным куском ткань. Сейчас, когда страх утихает и Кайрис приходит в себя, его сменяет обида. Последнее живое существо, которое было на ее стороне, Кайрис просто не узнало. Но почему? Но на странное поведение пса не находится ответа.

695 год, Посадник, 23

Жизнь напоминает Кайрис затянувшийся кошмар, и теперь он перетекает и на сны. Там Костолом точно так же готовится для прыжка, но кузнец не приходит ее спасать. Собачье тело приминает Кайрис, и удар вышибает весь воздух вместе с криком. От запаха псины щиплет глаза. Кайрис ничего не видит, кроме темноты, и чувствует только острую боль. Это длится почти вечность, а потом темнота резко становится другой.

Тело обволакивает душный воздух. Лошадь за стеной то и дело всхрапывает и беспокойно перебирает копытами. Солома под Кайрис шуршит и колет спину, но единственное, что она ощущает, это чужие прикосновения. Лица чужака не видно, как и четких очертаний — только черная нависающая тень. В шорохах и шелесте ей чудится непрекращающийся звук чужого смеха.

Несмотря на ужас попавшего в ловушку животного, Кайрис не может пошевелиться. Что бы ни делала, сон не меняется. Тревожные тени мелькают перед глазами, раз за разом прокручивая одни и те же воспоминания: запах конского навоза и человеческого пота, тяжесть, давящая на грудь. Кайрис будто раз за разом погружается все глубже в болото, проваливаясь в мутную густую жижу.

Из горла вырывается крик, и Кайрис резко вскакивает на ноги, крупно дрожа. Стоит раннее утро, и в щель между ставнями пробивается тонкий розоватый луч. Одежда вся промокла и сбилась на животе. Кайрис вертит головой, как дикая лошадь, медленно осознавая, кто она и где находится. Спать больше не хочется, хотя выспавшейся она себя не чувствует, скорее заболевшей. Кое-как приведя себя в порядок, Кайрис тащится на кухню.

Пытаясь хоть как-то отвлечься, она впервые спустя долгое время берется за вышивку.

Матушка даже не начинает ругаться, застав ее сторбившейся над белым полотном. Может, надеется продать потом — именно вышивкой Кайрис заработала себе на приданое. Пара полотенец и сейчас на стене висит: вот красочные голуби, вот гроздь роз, вот кобыла с жеребенком в высокой траве. Такие ровные стежки даже у Велисы не выходили — только что с этого теперь?

Солнце уже успевает полностью встать, а Кайрис так и не удаётся доделать даже первый цветок. Стежки получаются не такими. Красные лепестки выходят неровными и кривыми, как будто вышивал ребенок. То нитка порвется, то игла выпадет из скользких пальцев. Кайрис цыкает и сразу же морщится, глядя на красную каплю, набухшую на коже. Укололась. Такого даже во время обучения ни разу не было. Она так и смотрит на выступившую кровь, пока со стороны двери не раздаётся шум. Матушка идет открывать. Облизнув палец, Кайрис засовывает его в рот. На языке едва-едва ощущается металлический привкус.

Голоса в коридоре становятся громче, и Кайрис с досадой откладывает в сторону ткань, сложив пополам, и втыкает в нее иголку. Может быть, она никогда не закончит этот рисунок, потому что теперь он ощущается словно чужим.

— Проходите, я мерку сниму.

Кайрис вздыхает. Опять кто-то рубаху хочет или платье. Она сжимает висящую на шее птичку в ладони, прося у богини, чтобы это была женщина. Иногда ей хочется, чтобы матушка сломала палец, как прошлая портниха, и больше никто не приходил к ним в дом. Но это дурная мысль, и тошно от того, что она засела в голове. Кайрис закусывает губу.

— Сюда. Что в столице слышно?

— Все по-старому, только начальника стражи повесили, — отвечает грубый голос.

Все-таки мужчина. Кайрис стискивает подол платья. Наверное, стоит посидеть пока во дворе. Она уже собирается подняться со стула, как другая мысль ударяет в голову стрелой, и Кайрис замирает. Голос смутно знакомый, будто она уже слышала его, но это точно не кто-то из местных. Кайрис морщит лоб, прислушиваясь. Матушка пропускает незнакомца вперед и заходит следом, неодобрительно покосившись на Кайрис, и тут мир раскалывается вдребезги. Она не видела его лица. И ни за что бы не узнала теперь, в чистой и опрятной одежде.

Сердце сжимается до боли, и Кайрис кажется, что сознание вот-вот ее покинет. Она никогда не знала, что можно бояться так сильно. В детстве, когда дикий волк забрел в деревню и матушка захлопнула дверь прямо перед его оскаленной мордой... даже тогда не было настолько страшно, что отнималось дыхание и темнело в глазах.

За это краткое мгновение, пока Кайрис цепенеет, чужое лицо отпечатывается в памяти. Загорелая, как у многих зенийцев, кожа. Ярко-синие глаза. Короткие мягкие волосы. Она бы ни за что его не узнала, если бы не голос. Кайрис с трудом поднимается на ноги, все еще не отводя взгляда, как кролик — от змеи. Чужак вздергивает бровь — то ли притворяется, то ли действительно не разглядел ее тогда в темноте. Он чуть тянет за ворот рубашки, и Кайрис замечает продолговатое родимое пятно на его шее. Почему-то это оказывается последней каплей — отшатнувшись в сторону и ударившись о стол локтем, Кайрис выскакивает наружу и плотно закрывает дверь, прижавшись к ней спиной. Матушка только и бросает ей вслед: «Дурная девка». Грудь ходит ходуном, и животный порыв убраться как можно дальше все-таки пересиливает остатки разума.

Будто собака, поджавшая хвост, Кайрис устремляется к лесу.

Глава 3. Горький мед

695 год, Посадник, 23

Веки Крии слабо подрагивают, когда в тишине раздается звон колокольчика.

Звук тонкий и чистый, даже приятный, но она напрягается. Встает, покручивая браслеты на запястье, и подходит к массивному столу. Солнечные пятна падают на бок каменной чаши и просвечивают темную воду. По поверхности проходит рябь, и широкие круги расходятся один за другим, с каждым разом — все чаще. В чашу погружен колокольчик. Он лежит на самом дне, то и дело вздрагивая. И хотя ничего не должно быть слышно, его звон такой же четкий, как если бы тот висел над самым ухом. Крия тянет за ленточку, медленно вытягивая колокольчик из воды, пока он, совершенно сухой, не оказывается на ее ладони. Кладет на стол и, закатав рукав, погружает руку в ледяную воду, касаясь кончиками пальцев дна.

Рука мгновенно немеет, только кожу слабо покалывает. Распущенные волосы щекочут шею. Крия прикусывает губу, колеблясь: колокольчик звенел в последний раз той весной, когда на тракте умирал безбожник, правда, намного громче. Его даже мотыляло из стороны в сторону. Но в этот раз то, что заставляет колокольчик звенеть, совсем рядом.

— Всплеск энергии. Кто-то колдует, — Крия моргает и поправляет сама себя. — Нет. Слишком слабо. Кто-то только начинает пробуждаться.

Пока это только эхо, отголосок будущей силы, но за молнией всегда следует гром, поэтому Крия хмурится, свободной рукой сложив пальцы в защитный знак. Сосредоточившись, она начинает перебирать воду, словно музыкант — струны. Сила поддается ей неохотно, будто сама богиня противится, не давая заглянуть. Крия вздыхает — она не любит подминать силу под себя, предпочитая плыть по течению, но другого выбора нет.

Крия опускает свободную руку в карман, схватив щепотку перемолотых красных листьев, и бросает в чашу. Порошок тает, едва коснувшись поверхности, но вода становится все светлее и светлее, пока не начинает напоминать молоко. Взгляд мутнеет, будто подергиваясь туманом, и Крия позволяет себе упасть в видение и раствориться. Тут же выныривает обратно, но уже не в собственном доме, а где-то высоко над лесом. Крия прислушивается к своим чувствам. Совсем рядом будто бьется огромное сердце. Крия тянется к нему, и ее дергает вниз, сквозь ветви и густую листву, отпустив только над самой поляной.

Сперва она видит только красное марево и переплетения стальных нитей, но стоит сфокусировать взгляд, как все пропадает. Посреди поляны на коленях стоит сторбленная фигура. Сквозь ветви падают расплывчатые пятна света, покрывая тени неровными дырами. Солнечные лучи скачут на согнутых плечах и оголенной шее. Крия узнает ее: Кайрис, та бедная девочка, которую недоглядела. Ее юбка вся в складках, задралась так, что видно синяк на ноге, а спина мелко подрагивает. Кайрис горбится еще сильнее, и ее пальцы впиваются в землю, комкая молодую траву.

Издорванные руки дрожат от напряжения. Кайрис запрокидывает голову так сильно, что Крия видит ее расширившиеся зрачки, и кричит, будто дикий зверь. Согнутые пальцы вспарывают землю. Крия невольно отшатывается: она чувствует, как воздух плывет от силы, окружающей изломанную фигуру, будто ураган. Странно. На миг Крие кажется, что она

видит совсем другого человека, можно сказать — незнакомца. Искаженное болью лицо ей знакомо, но вот то, что скрывается за ним... Кайрис швыряет комья земли в стороны, вытирая пальцы о траву. Она затихла и теперь только шумно дышит, обнимает себя за плечи.

Крия чувствует себя как ребенок, решивший разломать снежную бабу и внезапно ударившийся о камень. Она привыкла ощущать от Кайрис успокаивающее тепло, но теперь его нет. Не удивительно, что Костолом ее не признал — животные чувствуют такие вещи даже лучше, чем ворожеи. Теперь же ничего, кроме злого жара и стали, не осталось. Крия смотрит, как девушка поднимается, едва удерживаясь на ногах, и хватается за ствол растущего рядом дерева.

Глядя удаляющейся фигуре вслед, Крия думает, что ошиблась, когда решила не вмешиваться в ее судьбу. То, что она видела во время гадания, было слишком похоже на дурной сон. Ворожеи никогда не рассказывают таких предсказаний. Наверное, зря. Но теперь уж точно нельзя пускать все на самотек — надо понять истоки этой силы и удержать ее от разрушений. Крия тянется вверх, все дальше и дальше от земли. Просыпается от видения она с тяжелым камнем на сердце.

Кайрис месит тесто, когда из-за двери слышатся мягкие шаги, а следом за ними — вежливый стук. Она невольно напрягается, сжав пальцы, и кожа становится липкой. Посыпав сверху немного муки, Кайрис чихает и продолжает свою работу, не оборачиваясь и стараясь делать вид, что ей все равно. Только руки сами собой так сильно месят тесто, что, похоже, оно получится в самый раз как матушка любит. Скривившись, Кайрис все-таки бросает тесто на столе, осторожно выглядывая из-за двери.

Фигуру гостя заслоняет матушкина прямая спина.

— Легкого полета, дэр Крия, — голос матушки сладкий, как мед.

Ворожея? Кайрис ежится и трет грудь — резко начинает колоть. Знала ли дэр Крия, что произойдет, и просто не сказала? Или не знала? В любом случае, ворожее делать в доме швеи нечего — они ведь и одежду себе сами шьют. Вздохнув, Кайрис наклоняется сильнее и прищуривается, но все еще ничего не может рассмотреть. Присутствие ворожеи напрягает. Был бы тут отец, не пустил бы на порог, и раньше Кайрис его за это осуждала... Но, вспоминая предсказание в чаше, Кайрис уже не так уверена. Может, отец и прав: ворожеи приносят только беды. Она отвлекается и слишком сильно выступает из-за угла, поэтому матушка ее замечает. Качает головой и шикает:

— Кайрис! Сюда, быстро! — и сразу же обращается к ворожее. — Простите ее, негодную.

А голос-то, голос — так в уши и льется. Кайрис поджимает губы, но послушно подходит ближе. Ну почему ее не хотят просто оставить в покое? Матушка подгоняет, помахивая кухонным полотенцем, и Кайрис все ниже опускает голову. Желание повернуть время вспять в такие моменты ощущается как никогда остро. Крия смотрит на нее, но будто насквозь, и от этого взгляда не по себе. Кайрис отворачивается и просто ждет. Послушно, как овечка на веревочке.

— Дэр Крия хотела поговорить с тобой.

Матушка пихает в бок локтем, попав аккуратно по синяку. Кайрис вздрагивает, и ей приходится уткнуться взглядом в крашеные бусы на шее ворожеи — смотреть ей в глаза нет сил. Матушка пихает еще раз и, наконец-то, чуть отступает.

— Кайрис, я хочу взять тебя в помощницы, — манера говорить у Крии напоминает течение реки — мягкое, но непреклонное. — Что ты думаешь насчет этого?

От удивления Кайрис все-таки поднимает голову. Крия не улыбается даже глазами, только смотрит устало, будто на мгновение богиня отступила в сторону и все прожитые года легли ворожее на плечи, но это длится всего мгновение. Стоит ему пройти, и Крия опять кажется едва задетой течением времени.

— Что? — Кайрис моргает и повторяет еще раз. — Что?

Какая же глупость — такое предлагать. Кто ж пойдет к ворожее с такой помощницей? Что-то внутри восстает против одной этой мысли, и Кайрис готовится ответить отказом, даже открывает рот, но сказать ничего не успевает. Матушка начинает улыбаться, но на ее жестком и строгом лице улыбка смотрится как гримаса. Матушка подхватывает Кайрис под руку и, повернув, легко пихает в спину. Кайрис делает шаг и оборачивается. Она еще не до конца понимает, что происходит, но во рту становится горько от обиды. Под тяжелым взглядом матушки Кайрис удаляется обратно, к тесту и собственной беспомощности.

Замерев у дверного косяка, она слышит, как матушка говорит:

— Да, так будет лучше.

Кайрис никогда раньше бы не подумала, что можно отречься от своего ребенка таким сладким голосом.

Матушка сшивает выкройку, и иголка танцует в ее руках, как девица на свадьбе. Лицо матушки напоминает грубую глиняную маску: губы плотно сжаты, подбородок выпячен, лоб сморщен. Как и всегда, когда она приняла окончательное решение. Перекусив нить зубами, матушка откладывает иглу в сторону и говорит:

— Не смей пререкаться. Завтра же отправишься к дэр Крие. Радуйся, что она берет е помощницы такую дуреху, как ты.

Кайрис, хмуро сидящая у окна и наблюдающая, как две курицы не могут поделить червяка, сжимает пальцы.

— Я не пойду.

Матушкины губы белеют. Она откладывает рубаху, которую шила, и утыкается в Кайрис взглядом. Выбившаяся из косы прядь падает ей на лоб, но матушка этого будто даже не замечает.

— Благодарю богиню за такую удачу! Замуж не возьмут — так хоть какую-то пользу принесешь.

— Но я не хочу.

Кайрис говорит это себе под нос, но выходит недостаточно тихо, и матушка слышит. Ее лицо идет красными пятнами от гнева. Кайрис невольно сжимается, глядя сквозь опущенные ресницы на собственные сцепленные пальцы.

— А чего хочешь? Валяться на сене с подзаборными пьяницами? — матушка кривится от отвращения. — К дэр Крие отправишься утром, как только встанешь.

К горлу подкатывает комок — страх мешается вместе с обидой, встав в глотке камнем, и Кайрис хватается только на то, чтоб покачать головой. У нее уходят несколько мучительных мгновений и последние силы, чтобы как-то совладать с голосом:

— Нет!

Матушка резко подскакивает на ноги, хлопнув по столу раскрытой ладонью и сбросив на пол недошитую рубаху вместе с нитками и иголками. Кайрис вздрагивает, вжавшись в стену лопатками. Чужое лицо искажается, сквозь знакомые черты проступает печать гнева, глаза лихорадочно блестят.

— Замолчи! Я тебя кормила, на своем горбу все годы перла, чтобы ты опозорила нас на

всю деревню! — каждое слово как пощечина, и под конец матушка уже просто кричит.

Когда она выдыхается, Кайрис понимает, что успела зажмуриться и зажать уши руками, съезжившись в своем углу.

— Матушка... — шепчет она, медленно поднимая глаза.

И не узнает в этой разозленной жесткой женщине родного человека, которым она когда-то была. Чужачка. Кайрис поднимается на ноги, все еще не спеша отрывать спину от стены, и боком движется прочь, в свою комнату, то и дело смаргивая выступающие слезы. Хватит. Матушке была нужна идеальная дочь — а такую вот, неправильную, она выкинет, как неудавшийся пирог. Слышится шорох юбок — матушка садится обратно, подбирая рубашку с пола.

— Можешь забрать свое венчалное платье, — будто бы нехотя добавляет она, не встречаясь с Кайрис взглядом.

Когда матушка отворачивается, в ее молчании ясно читается «хотя зачем оно тебе теперь».

Добравшись до двери, Кайрис захлопывает ее со всей силой, на которую способна, и устало прислоняется спиной, прислушиваясь. Какая-то ее часть надеется разобрать там матушкины шаги, но их не следует. По мере того, как дыхание успокаивается и слезы высыхают, обида превращается в мрачную решимость. Платье, значит? Будет тебе платье. Бросившись к шкафу, Кайрис вываливает оттуда всю одежду скопом, чтобы достать до аккуратного свертка в самой глубине. Она разворачивает его и расправляет платье на вытянутых руках. Идеальный крой, яркая вышивка, стоившая ночей работы и исколотых пальцев. Каждый стежок сделан с любовью, но сейчас чем дальше Кайрис на него смотрит, тем сильнее в ее груди разрастается жар гнева.

Она швыряет платье на кровать и достает ножницы, не зная толком, делает это назло матушке или же самой себе. Раз ей никогда не воспользоваться этим платьем, то оно не смеет существовать. Кайрис стискивает рукоять. Первый надрез оказывается самым сложным, но одновременно и самым приятным. Кайрис отсекает широкие рукава, распарывает синюю нить, заставив витой узор в виде волн распуститься. Разрушать — не шить, поэтому чтоб уничтожить то, что создавалось месяцами, хватает всего нескольких щелчков ножницами.

Кайрис распаляется, ее движения становятся все более рваными и резкими. Под конец обида внутри нее достигает пика, и в глазах темнеет. Когда Кайрис приходит в себя, то понимает, что уже давно беспорядочно кромсает драные ошметки. Вот и кончилась сказка. Кайрис сбрасывает их на пол. Тяжело дыша, она с каким-то злым удовлетворением наблюдает, как они падают, будто птичьи перья. В голове стоит звенящая пустота.

Кайрис опускается на пол и садится, подтянув колени к подбородку. На смену злости приходит отрешенность. Кажется, что она сидит над грудой обрезков всего пару мгновений, но успевает взойти и скрыться луна, а потом на закате начинает дребезжать рассвет. Стоит взойти солнцу, как Кайрис выскользывает в утреннюю прохладу, ни с кем не попрощавшись — будто вместе с платьем обрезала последнюю нить, соединяющую ее с домом.

Трава и листва вокруг блестят от утренней росы. Когда Кайрис подходит к дому ворожеи, та сидит на пороге, как и в день праздника, будто приросла к ступеням. Можно почти поверить, что Крия не вставала с них с того самого дня, если бы Кайрис не видела ее у себя дома собственными глазами. Дома... это слово теперь звучит, как чужое, и Кайрис отгоняет непрощенные воспоминания. Ворожея кивает и легко поднимается на ноги —

вспархивает, будто мотылек. Кидает на Кайрис мимолетный взгляд и отворачивается.

— Проходи.

Кайрис идет следом, чувствуя себя в высшей степени заболевшей, будто простуженной. Ей больше не хочется ничего, кроме как свернуться клубком на кровати и не двигаться. Но никто не даст ей такой возможности. Пригнувшись, Кайрис проходит в дверной проем, впервые оказавшись внутри дома ворожеи и невольно осматриваясь по сторонам.

Про ворожей рассказывают всякое. Но в доме Крии нет ни волчьих голов, ни вороньих когтей, ни пучков трав, развешанных под потолком. Не видно даже оберегов, которые так любит Велиса. Стены темные из-за дерева, из которого сделаны, поэтому вырезанные местами символы Кайрис различает не сразу. Зато замечает, насколько везде чисто.

Крия приводит ее на кухню и останавливается, выждав, пока Кайрис оглядится. Становится странно, что у столь уважаемой женщины так мало вещей: грубо сколоченный стол, табурет, очаг... Из приоткрытого окна веет холодом, и Кайрис потирает голые плечи.

— Спать будешь тут, я постелю тебе и дам, чем укрыться, — говорит Крия, и ее птичьи глаза на миг прикрываются. — Твои обязанности обговорим позже. Жди меня здесь, я скоро вернусь.

И уходит, оставив Кайрис в замешательстве. Сколько же ей лет, этой Крие? Голос не дрожит и совсем не похож на старческий, спина прямая, поступь уверенная, а морщины скорее напоминают паутинки-трещинки на застывшей поверхности лужи. Еще немного побродив, но не найдя ничего интересного, Кайрис возвращается в выделенную ей комнату и опускается на покачнувшийся табурет, устремив взгляд в окно. Может быть, матушка пройдет мимо? Хотя, зачем ей?

«Обнажать меня без боя — какой позор».

Кайрис вздрагивает. Послышалось? Станный лязгающий голос прозвучал совсем рядом, будто над ухом, но слова разобрать удастся с трудом — будто прислушиваешься к человеку, находящемуся слишком далеко. Наверное, ветер принес отголосок чужой беседы. Кайрис вздыхает, теребя платье — в доме ворожеи совершенно неуютно. Голые стены, полупустая кухня, громоздкие вещи. Начинает казаться, что Крия вообще не живет здесь, а только приходит посидеть на ступенях и погреться в свете солнца. Если бы не такая чистота, Кайрис бы легко в это поверила.

«...как далеко... прекрасные и веселые времена...»

В этот раз голос звучит чуть громче, но обрывками, будто кто-то говорит сквозь подушку. Кайрис чуть не подсакивает на месте и начинает вертеть головой. Ее сердце начинает больно биться о ребра от страха. Да нет, вокруг слишком тихо. Если бы чужак вошел в дом, было бы слышно. Может, кто-то стоит под окном? От порыва ветра кожа рук покрывается мурашками, и Кайрис поднимается на ноги — давно пора закрыть ставни. Прежде чем сделать это, она с опаской выглядывает наружу, но замечает только чьего-то петуха, методично расклевывающего землю.

— Кыш! — Кайрис машет в его сторону рукой. — Пшел отсюда!

Забредет еще в лес, ищи потом. Петух, заклокотав, пару раз хлопает крыльями, но устремляется обратно в деревню. Потянув за выемку, Кайрис плотно прикрывает ставни, оставляя только маленькую щелочку, и успокаивается.

«Давно я не пробовал теплой крови — все горький сок травы».

В этот раз голос звучит так отчетливо, будто говорящий стоит за ее спиной. Кайрис оборачивается на ослабевших ногах. Пусто. Что за бред?! Не может же вор так шуметь в

чужом доме, да и не полезет он к ворожее, поостережется. Разве что мальчишка какой. Проспорил друзьям и теперь дурачится. Кайрис делает глубокий вдох и начинает красться к спальне. Надо прогнать его, иначе ворожея решит, что это Кайрис рылась в ее вещах. Не хватало, чтобы ее звали еще и воровкой.

Дощатый пол скрипит и будто стонет от каждого шага. Когда Кайрис только пришла, это не отвлекало, но теперь каждый шаг кажется слишком громким. Шумное дыхание прорывается сквозь сомкнутые зубы. Кайрис старается ступать, не касаясь пола пятками и зажимая рот ладонью. Чем ближе она подходит к двери, тем сильнее сомневается, что поступает правильно. Может быть, все-таки послышалось? Кайрис пару мгновений стоит, решаясь дернуть за ручку и глубоко дыша. Наконец, она одним рывком распахивает дверь, чтоб не дать себе передумать, и видит...

...никого. Крепко сбитая кровать из светлого дерева, белые занавеси, на которых вышиты странные знаки, сундук, окованный потемневшим железом. И ничего больше. Даже каменной гадальной чаши и трав не видно. Кайрис хмурится и уже собирается уйти, пока Крия не вернулась и не застала ее здесь, как слышит голос опять. Очень громко и одновременно как-то размыто, будто пытается разобрать речь чужеземца.

«Как же я скучаю по свисту ветра и влажным брызгам в воздухе.»

Здесь! Кайрис залетает внутрь и испуганно оглядывается, готовая сорваться с места в любой момент. Она напряженно сжимает кулаки, вертясь во все стороны, но от быстрых движений мир смазывается и разглядеть ничего толком не удастся. Не остается ничего другого, кроме как остановиться и отдышаться. Кайрис замирает, напряженно вслушиваясь в тишину. Неужели богиня все-таки наказала ее безумием?

Пока Кайрис пытается прийти в себя, взгляд сам собой начинает бродить по комнате. Что-то не дает просто уйти и оставить все, как есть. Тогда-то она и замечает нож, лежащий на кровати. Кайрис подходит ближе, чтобы получше рассмотреть, и понимает, что это скорее серп — плавный изгиб, тонкое матовое лезвие и резная рукоять. Кайрис никогда не была знатоком, но выглядит нож дорогим. Зачем он Крие? Таким траву для лекарств срезать — то же самое, что запрягать в плуг породистого жеребца.

«Чужая жизнь... на острие...»

Кайрис широко распахивает глаза. Она вдруг понимает. Этот голос сильный, острый и в то же время какой-то лязгающий. Он чем-то похож на голос Крии, но намного более приземленный, что ли, не успевший лишиться страсти. А еще он будто заывает. Серп не блестит, хотя свет солнца падает на него, разливаясь по кровати. Догадка, мелькнувшая в сознании, звучит абсурдно. Так ведь не бывает?

Кайрис охватывает странное волнение, и ее пальцы начинают подрагивать. Прижав их к груди, она склоняется над серпом, пытаясь получше его рассмотреть. Все-таки он слишком красивый — не похож на те, которыми срезают сено. Кайрис склоняется ниже, и дыхание замирает на губах. Интересно, насколько удобна эта рукоять? А какая она на ощупь? Гладкая, как змеиная кожа, или шершавая, как дерево? Пальцы будто сами собой устремляются вперед, с трудом преодолевая воздух. Желание схватить ими серп.

«Сердце... разрывающееся на части...»

Все тише и тише. Кайрис кусает губы, наклоняясь еще сильнее, но голос гаснет, словно свеча на ветру. И это отзывается таким сильным сожалением и жаждой в груди, что весь остальной мир отступает на задний план. Остается только голос и желание. Ну же, еще чуть-чуть! Кайрис выбрасывает руки вперед, чтобы сжать их на рукояти и этим касанием

продлить льющися, будто песня, слова.

— Стой!

Кто-то хватает ее за запястье и дергает назад. Кайрис вскрикивает и только потом оглядывается, чтобы натолкнуться на хмурающуюся Крию. Моргает — раз, другой, будто только очнулась, — и с непониманием смотрит на свою руку, застывшую в воздухе, так и не коснувшись оружия. Что произошло? Но в голове только звенящая пустота и отголоски затихающего эха чужого голоса.

— Что ты здесь делаешь?

Крия отпускает ее и берет серп в руки, придирчиво пробежавшись по нему глазами. Потом чуть кивает и слаженным движением убирает его в ножны, которые успела достать так быстро, что Кайрис не заметила, откуда. Кайрис сглатывает, но не может выдать ни слова. Она и сама не может объяснить, зачем сунулась в чужую спальню. Крия задумчиво взвешивает ножны в руке и вешает их на крючок.

— Запомни, девочка, в этом доме есть одно нерушимое правило: никогда ничего не трогай без моего разрешения. Даже не заходи сюда, — говорит она строго, — если хочешь остаться с тем же количеством конечностей.

Глаза Крии сужаются, и морщины на лбу становятся глубже и заметнее, чем обычно. Этот холодный гнев такой же сильный и неотвратимый, как дикая стихия. Кайрис кивает, чувствуя, как по спине бегут мурашки. После того, что произошло, ей и самой не хочется сюда соваться.

695 год, Земляничник, 11

Крия гоняет ее строже, чем командир в армии. Ругает за не туда поставленные тарелки, за плохую готовку, за то, что картошку кинула после моркови, а не наоборот, за грязные пятна на платье и за то, что Кайрис пугается других людей, будто дикая кошка. Теперь Кайрис скучает по тихой жизни с матушкой, которой достаточно было не попадаться на глаза. С Крией такой номер не проходит: она находит Кайрис везде, где бы та не пряталась, будто действительно спрашивает у жуков или травы. Одно хорошо: за день Кайрис так выматывается, что она падает и тут же засыпает, успев урвать себе немного сна прежде, чем разум захватят кошмары.

Стоит сомкнуть глаза — и Кайрис опять возвращается в ночь своей восемнадцатой весны. Жаркая темнота, мечущиеся тени и ощущения, засасывающие все глубже в болото, заставляют раз за разом продираться сквозь липкую паутину сна и просыпаться с криком, разбитой и раздавленной, чтобы на следующую ночь все начиналось сначала. Вконец вымотавшись, Кайрис решает стащить что-то из запасов Крии. Та понемногу учит ее определять травы, поэтому с определением сложностей быть не должно. Пару раз Кайрис это спасает, пока она не попадается.

Крия ловит ее, когда Кайрис пытается проскользнуть в маленькую кладовую — три шага вперед и один в сторону, — где хранятся цветы, травы, крысиные хвосты и волчьи когти, порошки из костей, ягоды, пепел и мох. Просто хватает за юбку и качает головой.

— А я-то думаю, куда травы пропадают. Они стоят больше, чем вся эта деревня, девочка. Не стоило пускать тебя в кладовую.

Кайрис вырывается и скрещивает руки на груди. Крия еще немного ждет ответа, но в итоге просто вздыхает и, оглядев ее цепким взглядом, говорит:

— Раз уж ты тут, сходи-ка и отнеси Мойре ее настойку от кашля.

Крия заскакивает в кладовую, и из-за двери вырывается резкий пряный воздух, от

которого начинает зудеть в носу. Кайрис морщится. Она уже почти привыкла, хотя все еще закрывает нос рукавом, прежде чем зайти внутрь. Пошелестев свертками, Крия выныривает и протягивает глиняную посудину с пробкой в тонком горлышке. Пристально глядит прямо в глаза, заставив поежиться.

— Скажи Мойре, пусть перельет, а эту мне принесешь. Только смотри — не забудь. И чтоб не задерживалась — туда и обратно, не вздумай по всей деревне скакать.

Скажет еще, да будь воля Кайрис, она бы совсем из дома не выходила, но выбора нет. Взяв настойку, она спешит уйти прежде, чем ворожея вспомнит еще о каких-то наставлениях. Зачем Крия вообще взяла ее к себе, если постоянно всем недовольна?

Дом Мойры находится почти на другом конце деревни, поэтому Кайрис идет тенью, прячась у заборов или за телегами. Меньше всего ей хочется с кем-то пересечься: и так от чужих взглядов хоть вся в платок замотайся, все равно — будто голая. Кайрис так напряженно выбирает дорогу, что не замечает, как ослабляет хватку, и бутылка с настойкой катится по земле, чудом не расколовшись.

Кайрис ойкает и бросается за ней, стараясь поймать, но не успевает — бутылка закатывается в старый прохудившийся сарай. Одно хорошо: ничейный, только кошки то и дело забираются вовнутрь и гоняют крыс. По двору носятся мальчишки, поднимая облака пыли и показывая на нее пальцами. Кайрис стискивает кулаки и, придерживавшись за косяк, проходит внутрь. Свет попадает в сарай неровными пятнами, поэтому она почти сразу спотыкается о деревянный обломок. Кое-как устояв, Кайрис начинает шарить глазами в поисках бутылки, но ту будто корова языком слизала. Приходится опуститься на колени — Крия голову оторвет, если она потеряет настойку. Да где же она? Руки становятся серыми от слоя пыли и грязи. Кайрис чихает, когда пытается откинуть волосы с лица, и в этот миг дверь с громким грохотом захлопывается.

Глава 4. Тошнота

695 год, Земляничник, 11

Она ведь не могла сама захлопнуться?

Кайрис вскакивает на ноги и приникает к двери. За ней слышится какая-то возня и перешептывание детских голосов. Паршивцы! Кайрис размахивается и пихает дверь плечом, вогнав в кожу парочку занос. От удара обветшавшая стена дрожит, и дверь дергается из стороны в сторону. Шум снаружи становится громче, и удается различить гаденький смех.

— Эй! Откройте!

Кайрис наваливается на дверь всем телом, почти повиснув на ручке, но она так и не поддается, только скрипит, будто расстроенный инструмент. Как же они ее закрыли? Ни замка, ни щеколды-то нет. Кайрис поджимает губы, представляя, как ей попадет от Крии за потерянную настойку и за долгое отсутствие. Да что ж за день-то такой!

Внезапно щеки опалает жаром, и, захваченная яростью, Кайрис принимается молотить по двери ладонями, не чувствуя боли. Все страхи, обиды, жестокие слова наслаиваются одно на другое, заставляя вкладывать все больше и больше силы, пока Кайрис не выдыхается. Кажется, ее бешенство распугивает мальчишек — смех прерывается, и Кайрис, прислонившаяся к двери разгоряченным лбом, слышит удаляющийся топот и какие-то бессвязные выкрики, пока все не затихает.

— Сученьши, — бормочет она и тут же зажимает ладонью рот, испугавшись собственных слов.

Матушка была бы недовольна... Кайрис опускается на корточки, обхватывая голову руками. Зачем она продолжает об этом волноваться — не иначе как по привычке. Лучше бы поискать эту посудину с настойкой от кашля для Мойры. Ладно матушка — недовольство Крии сулит намного больше неприятностей. Кайрис вздыхает и опять опускается на колени, вымазывая юбку в грязи. Куда настойка могла подеваться? Не исчезла же, в самом деле.

Руки запоздало начинает покалывать, поэтому поиск идет небыстро. И Кайрис так им занята, что не замечает, как дверь отворяется и хлопает, приложившись о стену. Оборачивается только когда солнечный свет ударяет в спину, захлестнув желтым руки. Внутрь, чуть склонив голову, заглядывает Алесий, сынок сапожника. Легкие как пух одуванчика волосы опадают ему на глаза.

— Выходи, — зовет он, посматривая на Кайрис.

Она вздрагивает, невольно выставив перед собой руки в защитном жесте.

— Не подходи ко мне! — выпаливает она.

Алесий моргает и успокаивающе улыбается, делая шаг вперед.

— Я не трону тебя, не переживай, — говорит он, но большие глаза как-то странно, будто алчно блестят.

Кайрис скачет взглядом по его напряженно изогнутым губам, по лицу, по протянутой руке. Алесий ее младше, однако он хоть и маленький, но мужчина. А значит — опасный. Кайрис рвано вздыхает, пытаясь успокоиться, когда парень легко наклоняется, будто собираясь схватить ее своей широкой ладонью. Кайрис мигом оказывается на ногах и, пихнув Алесия в бок, выскакивает за дверь. Парень так и остается стоять, пока Кайрис быстрым шагом идет по деревне, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Уж лучше пусть Крия оторвет ей голову и сделает из нее чучело, чем оставаться рядом с распускающим руки

Алесиём. Хотя скорее уж Крия ее на снадобье пустит.

695 год, Земляничник, 15

Кожа горит огнем. Кто-то хватает ее за руки, таща сквозь густую темноту, и прикосновения обжигают. Кайрис ворочается в пространстве, пытаясь вырваться, но тело ее не слушается, а чужая фигура сбивает с ног, и они падают на землю, продолжая возиться уже там. Вокруг ничего не видно, а над ухом виснет чужое тяжелое дыхание. Кайрис уворачивается — ее сил хватает только на то, чтоб выгнуться, как готовый сломаться ивовый прут, уходя от прикосновений. Чужая фигура давит на грудь, и, когда это становится нестерпимо, Кайрис широко распахивает глаза, рванувшись вперед, и ее рот искривляется, чтобы застыть на выдохе.

В глаза брызжет яркий свет. Сперва Кайрис кажется, будто она ослепла. Зажмурившись и стерев выступившие на лбу капли тыльной стороной ладони, она вытирает рот. Спина вся взмокла. Привыкнув к свету, Кайрис понимает, что сейчас раннее утро. Меж закрытых ставен просачивается золотистая полоса, падая аккуратно на ее лицо. Кайрис все еще дышит часто-часто и глубоко, грудь ее дрожит, как у загнанной лошади. Заснуть больше не выйдет. Она порывисто встает на ноги и подходит к окну. Распахивает ставни. Пару минут она стоит, высунув голову, чувствуя, как ветер холодит взмокшую кожу, а потом неохотно идет к столу.

Крия, как и всегда, оставила там деревянную кружку, над которой поднимается едва заметный пар, источая сладковатый запах. Все-таки в чем-то ворожеей быть хорошо — коровы нет, а молоко ей все равно носят. Кайрис берет кружку в руки, чувствуя слабое тепло — молоко еще не успело остыть. Она осторожно, чтобы не расплескать, подносит ее к губам.

С низа живота вдруг поднимается тошнотворная волна, прошибая до слез. Кружка выпадает из рук Кайрис, но та только зажимает рукой рот и сглатывает подступившую горечь. Кружка с грохотом закатывается под стол и останавливается, а молоко растекается неровной белой лужей. Кайрис сглатывает, растерянно глядя себе под ноги, и ее медленно охватывает осознание. Когда в последний раз у нее была «женская хворь»? А когда должна была быть? И этот едва намечающийся животик — он потому, что Кайрис поправилась, или...

Мысли все сильнее мрачнеют с каждым мгновением, будто небо, на которое набегают грозные тучи, закрывая собой все.

Первые пару дней она уговаривает себя, что это просто совпадение. Просто не желает верить, но мысли просачиваются тонкими щупальцами, незаметно укореняясь в сознании. На третий день сила воли, удерживающая сомнения, дает трещину. Кайрис начинает мутить от одного лишь запаха любой еды — молока, сыра, супа. Намного сильнее, чем поначалу. Весь день давясь сухими лепешками, она доходит до того, чтобы хотя бы обдумать мысль о просьбе помощи у Крии. В то мгновение Кайрис как раз катает эту идею так и эдак, перебирая горох, когда ворожея возвращается, и не одна.

Следом за Крией, придерживая сползающую косынку, входит девица. Кайрис узнает Давию. Гостья взволнованно мнет край темной юбки. Крия кивает Кайрис и машет рукой — выгоняет, значит. Кайрис поднимается, но задерживается, разглядывая лицо Давии. Не то чтобы оно было каким-то особенным, но... У Давии есть все, что она потеряла. Дом. Семья Красота. Даже муж. Кайрис украдкой сжимает кулаки, и перед ее глазами вдруг мелькает картинка: рука, впечатавшаяся в румяное женское лицо. Кайрис вздрагивает и, мотнув головой, выходит вон.

В коридоре она прижимается к холодной стене спиной, растерянно глядя на

поддрагивающие руки. Что это было только что? Видение меркнет, и ему на смену приходит усталость. Взгляд сам собой утыкается в дверь кухни. Поколебавшись пару минут, Кайрис так и не может перебороть любопытства. Она опускается на колени, стараясь не шуметь, и заглядывает в щель — похоже, Крия прикрыла дверь не очень плотно.

Часть разговора она успела пропустить — Крия показывает Давии глиняную посудину, похожую на кружку без ручки, и говорит:

— Опорожнись сюда и добавь каплю сока ластоцвета. Если станет красным, значит, ты носишь дитя.

Давия не спешит брать предложенное.

— Это точно сработает?

— Давай решай быстрее, у меня еще много дел, — Крия говорит таким безразличным голосом, что не понятно, волнуют ли ее эти дела хоть самую малость.

Но Давия быстро хватает посудину и направляется к двери. Кайрис отпрыгивает, как ошпаренная, и заскакивает за угол, чтобы быстрым шагом пройти во двор. Сердце грохочет в ушах, не желая успокаиваться после такого открытия. Неужели — так просто? Тогда и с Крией общаться не придется — надо только найти листья ластоцвета.

На плечо ложится мягкая ладонь. Кайрис вздрагивает и оборачивается. Крия глядит своими пронзительными глазами, и от пронизательности в них становится не по себе. Неужели догадалась? Да нет, откуда бы?

— Ты что-то хотела?

Кайрис делает шаг, чтобы ладонь соскользнула с плеча, а потом медленно качает головой.

— Нет.

Ластоцвет — довольно часто встречающаяся в лесу трава, поэтому в кладовую лезть не приходится. Кайрис разглядывает разделенные на три листочки, похожие на ласточкины лапки. Она бы не рискнула искать их сама, если б Крия не показала ей до этого целую полянку ластоцвета — он на многие зелья идет. И сейчас, пока ворожеи нет, Кайрис быстренько выжимает листки над глиняной чашей. Сок — прозрачный и липкий — течет по пальцам. Попала ли хоть капля — не видно, поэтому Кайрис на всякий случай как следует трет листки подушечками пальцев. Закончив, она подставляет чашу солнечным лучам и задерживает дыхание.

Цвет не изменится. Он просто не может. Он не изменится, и все будет хорошо. Слова, как молитва, слетают с губ, пока Кайрис считает до пятнадцати, непрерывно глядя в чашу. Сперва ничего не происходит, и Кайрис успевает выдохнуть, когда замечает странные бурые капельки, расплывающиеся по ровной глади. Она приглядывается. В мутной желтой жидкости прорастают прожилки, расходятся вширь и вдруг словно вспыхивают. Кайрис держит в руках чашу, будто полную крови — светлой, разбавленной водой, но крови. И лучше бы это правда была кровь.

Сознание словно пропадает, и в голове остается только звенящая пустота. Кайрис медленно, одеревеневшей рукой, ставит чашу на подоконник. Решение вдруг становится для нее кристально ясным — как прямая дорога — и остальные движения Кайрис выполняет механически, словно заведенная игрушка. Несколько шагов, поворот, за угол, маленькая дверь с черной ручкой, ящик прямо впереди, схватить нужные травы, повернуться, закрыть дверь, выйти. Какой-то другой человек, не она, делает все это быстро и по-военному скупно.

На кухне Кайрис достает ступку и растирает сушеную мякоть в деревянной миске, все

так же не проронив ни слова. Будто смотрит со стороны, как пальцы в ссадинах и мозолях методично перетирают порошок. Когда он становится однородным, заливает водой, которую принесла для обеда, и в голове будто щелкает. Эмоции прорываются, как вода сквозь плотину.

Руки начинают мелко дрожать, и Кайрис подносит их к глазам, сжимая и разжимая пальцы. Она носит ребенка. Нет, не так. Это не ребенок, это чудовище, которое надо уничтожить. Рука сама собой дергается к животу и останавливается, так и не коснувшись. Кайрис стискивает плечи, внезапно ощутив себя грязной, и тянется к чаше. Хорошо, что Крия пыталась учить ее по началу. И как делать яд, способный выправить этого монстра, тоже показала. Все будет хорошо. Главное — выпить все. Кайрис подносит чашу к губам и открывает рот. Это может убить ее, но чудовище не выживет тоже. От чаши пахнет резко и остро — дыхание перехватывает. Обхватывая край губами, Кайрис думает только об одном: не пролить бы ни капли. Но она не успевает сделать и глотка.

— Не смей!

Запястье заламывает болью, и яд частично выплескивается на рубаху и на пол, расплываясь небольшой лужей. А чаша в одно мгновение оказывается в руках ворожеи. Крия стоит и смотрит, как хищная птица на кролика. В любой другой момент Кайрис бы вжала голову в плечи, но сейчас ее трясет.

— Отдай! — в голосе перемешиваются злость и унижительная мольба.

Крия подходит к окну и на ее глазах выплескивает оставшееся содержимое чаши — одним взмахом, не оставляя надежды. С грохотом ставит чашу на стол. Кайрис стонет, закрывая лицо руками.

— Не вздумай. Не вздумай, слышишь? Богиня тебя никогда не простит.

Кайрис не видит ее лица. Красная пелена застилает собой весь мир, будто горячее марево. В каком-то странном порыве она бросается на Крию — прямо так, выставив вперед руку с растопыренными пальцами. Но даже не добегает — запинаясь и падает на пол, заходясь в рыданиях. Слезы скатываются по щекам, скапливаясь на подбородке и падая на грудь. Когда они заканчиваются, ворожеи в комнате уже нет.

695 год, Щедрик, 27

Больше Крия не отпускает ее из дому, а на кладовую вешает замок. Ключ от него ворожея носит на шее, в остальной связке — такой тяжелой, что то и дело чудится: шея вот-вот переломится. Сперва Кайрис вынашивает планы по краже ключа, но потом ей становится не до этого. Кажется, будто ребенок тоже ее ненавидит и пытается убить. Сначала Кайрис просто тошнит, и спится еще хуже, чем обычно. Она мечется всю ночь, проваливаясь и выныривая, будто крыса в бочке с затхлой водой, и засыпает только под утро, когда первые лучи проникают сквозь ставни. Дитя выматывает ее, будто болезнь.

Однажды, правда, в момент улучшения Кайрис удается сбежать. Крия так спешит к чьему-то непутевому ребенку, попавшему в капкан, что забывает закрыть дверь. Кайрис тут же выскальзывает вон, но далеко пройти не успевает и сталкивается с Алесием. Она тут же замирает, не в силах совладать со страхом. Алесий откидывает с лица свои тонкие волосы и спрашивает:

— Что случилось? — он быстро оглядывает ее, лихорадочно дрожащую. — Тебя что, бьют?

Кайрис прячет руки в заживших царапинах за спину и мотает головой.

— Все в порядке. Можешь мне рассказать.

Алесий делает шаг навстречу и протягивает руку — маленькую, совсем как у мальчишки. Кайрис пятится. Этот бегающий взгляд напрягает ее, заставляя, как зверь, желать спрятаться. Она оборачивается и быстро идет обратно, не успокоившись, пока не запирает за собой дверь. Сейчас, когда она и передвигается с трудом, Кайрис слишком легкая мишень. Все мужчины одинаковы. Нельзя доверять никому. Кое-как восстановив дыхание, она зарекается выходить наружу. А потом пропадает всякое желание.

Начинает тянуть и ныть поясница, силы будто вытекают из нее до последней капли. Зато больше не тошнит — наоборот, Кайрис ест так, будто несколько лет питалась только водой с хлебом. Собственное тело истощает ее. Кайрис становится тяжело делать все: дышать, двигаться, спать — буквально жить. Она думает, что хуже не будет. А потом оно начинает толкаться.

695 год, Похолодник, 2

Когда слышит голос в этот раз, сперва даже не понимает, что все происходит наяву — Крия все-таки сжалилась и дала ей какой-то сонный отвар. Сон от лекарств выходит беспокойным, иногда вспыхивая сумрачными видениями, и Кайрис сперва думает, что попала в одно из них. Лежит, придавленная тяжестью собственного тела — живот, похожий на переспелый водянистый плод, давит, и грудь не вздымается, а лишь слабо дрожит. Почти засыпая, Кайрис опять различает тихий шепот.

«Эй, очнись. Я же знаю, что ты меня слышишь.»

Осторожно повернув голову, Кайрис шевелит пересохшими губами — ужасно хочется пить. И совершенно не хочется двигаться с места.

«Переверни меня немедленно. Быстро! Эта старуха опять меня бросила.»

Голос неуловимо знакомый — будто пытаешься узнать зверя по его тени. Кайрис чуть шевелится, пытаясь разогнать путы сна, и обнаруживает, что лежит на кровати Крии, которой рядом не видно. Жесткие доски врезаются в спину, но это все равно лучше, чем солома, так что Кайрис не спешит вставать, вместо этого смежив веки и наслаждаясь затишьем. Рядом раздается лязганье.

«Да встань ты уже!»

Кайрис вздрагивает. Тень обретает четкие очертания, и она узнает странный голос, который слышала, когда впервые попала в дом Крии. Сердце как-то странно сжимается: не то от страха, не то от предвкушения, — и Кайрис садится, опершись ладонями о кровать. Перед глазами вспыхивают белые пятна, перемешиваясь с черными и красными точками. Выдыхая сквозь плотно сжатые зубы, Кайрис морщится от тяжести, сковавшей тело, и упирается ногами в пол. Собравшись с силами, она наконец встает, кривясь от боли в позвоночнике.

В спальне все так же чисто и пусто: только кровать, занавески да пустые ножны на крючке. Кайрис оглядывается внимательнее и замечает его: серп лежит на сундуке, балансируя на самом краю. Кайрис осторожно касается его кончиками пальцев, чувствуя, как начинают ныть мышцы — полностью согнуться не выходит, приходится тянуть руку. По телу словно проходит мягкая ласковая волна — будто теплый ветерок. И Кайрис слышит — в этот раз так ясно и четко, совсем как собственные мысли.

«Наконец-то. А теперь переверни меня побыстрее, а лучше положи в ножны.»

Кайрис отдергивает руку как от огня. Опять мерещится? Или она вконец обезумела? Серебристый серп кажется красивым, но опасным: как дикий зверь в клетке. И его нестерпимо хочется коснуться еще раз. Кайрис опасно тянется к серпу, смыкая пальцы

вокруг деревянной рукояти. Слабость, давно ставшая частью жизни, мешает обдумать поступок, прежде чем совершить. От прикосновения к оружию пробирает, заставив мурашки пробежаться под кожей. Кайрис моргает и медленно движется к ножнам. Снимает их, осторожно вгоняет серп внутрь, но рукоять не отпускает. Сон это или морок — не важно. Сил бороться с этим нет, поэтому остается просто плыть по течению.

— Кто ты? — спрашивает Кайрис неуверенно.

В горле мгновенно пересыхает. Мутная пелена перед глазами и не собирается исчезать.

— Мое имя — Улыбка змея, — чудится усталый вздох. — И Крии стоит проявить побольше уважения за то, что она может брать меня в руки.

Голос будто обретает плотность, зазвучав так же четко, как человеческий. Кайрис едва не роняет серп от удивления, но, подумав, сильнее сжимает пальцы. Оружие не способно говорить. А значит, она спит или бредит, и все не по-настоящему. И Кайрис принимает правила игры.

— Ты говорящий? Ты и с Крией говоришь?

Слышится мелкий перезвон, будто кто-то трясет кошель с монетами. Смех.

— Нет. Ты должна благодарить судьбу за шанс говорить со мной, — и прежде, чем Кайрис успеет задать следующий вопрос, продолжает: — Наконец-то она оставила меня в покое! А то все режь эту траву и режь, а она же липкая и совершенно холодная.

Если не пытаться сопротивляться, этот морок вскоре рассеется — так Кайрис себя успокаивает, продолжая вести странный диалог с серпом, кто бы мог подумать.

— Стой, а где она вообще? Если не в лесу, то...

— В доме старейшины, где и все остальные, конечно же. Иногда даже моей старухе приходится окунаться в мирские дела. Да ты ведь не знаешь об этом! Так и быть, буду великодушен и расскажу тебе.

А тон такой, будто говоришь с принцем или вообще королем. Кайрис даже становится смешно, но она сдерживается и садится на кровать, готовая слушать.

— А тебе-то откуда знать?

Несколько мгновений в ответ ничего не слышно, и Кайрис уже думает, что серп обиделся или она окончательно проснулась, но тут серп медленно отвечает:

— Я подслушал, — и, не дав возможности обдумать это, начинает рассказывать: — Обсуждают казнь. На закате в городе повесят кого-то из деревни. Какого-то Алесия...

— Алесия, — шепчет Кайрис одними губами.

Ее внезапно будто в прорубь окунули — так потрясло услышанное. Мысли про бред и неправду забываются, и Кайрис слушает серп, затаив дыхание.

— Точно. Так и знал, что с дураком что-то случится. Помогал бежать убийце — наверняка кто-то наплел о его невиновности, а потом сам же и страже сдал. Этот Алесий такой наивный — как ребенок.

— Но он же не наивный! Наоборот — хитрец, — выпаливает Кайрис, вспомнив свои опасения.

Опять раздается перезвон, в этот раз громче — серп конкретно так развеселился.

— Нашла хитреца. Кому он навредит, этот Алесий, кроме самого себя?

В голосе сквозит презрение, и Кайрис выпускает рукоять, позволив ей упасть на колени. И смотрит вперед немигающим взглядом. Воспоминания проносятся перед глазами, и теперь, когда страх не затмевает их, Кайрис понимает, что Алесий ничего плохого ей не делал. Значит, он правда хотел помочь? И ей, когда отпирал дверь и спрашивал, откуда

синяки... и какому-то незнакомому преступнику. Что-то колет кожу в районе груди, и Кайрис опускает голову. На глаза попадает деревянная птица — знак богини, оберег. Пальцы нащупывают его и вдруг с силой стискивают.

Если оберег Кай должен спасти, почему же все это происходит? Почему Богиня отворачивается от своих детей? Пальцы двигаются выше, нащупывая тонкую нить. Почему-то очень ярко вспыхивает перед глазами Алесий: волосы, похожие на пух одуванчика, глаза доверчивого олененка и сжатые от волнения губы. Он не задумывал плохое, он боялся — за нее и что может напугать ее. Как Кайрис могла быть такой слепой? Под пальцами бьется венка на шее. Голос серпа затих, и остается только тишина.

За что, богиня? Ладно она, Кайрис, виновата сама, но этот мальчишка? Почему ты обрекаешь на смерть его, а не душегуба, выбравшегося на свободу, и не предателя, откупившегося Алесием от стражи? Слегка повернув голову, Кайрис видит, как сквозь занавески бьет красноватый закатный свет. Она медленно поднимается и подходит к окну, так и не отнимая руку от шеи. Свет брызжет на нее, как кровь, когда Кайрис отодвигает занавески. На душе горько и темно, несмотря на разгорающийся на горизонте костер.

Ты обрекаешь на смерть того, кто кинулся помогать даже такой грешнице, как она? Мелькает перед глазами светлое мальчишеское лицо. Мелькает и пропадает. Кайрис дергает вниз, резанув по коже, и тонкая нить лопаается. Миг — и деревянная птица зажата в ладони. Кайрис молилась, Кайрис чтילה, Кайрис верила и преклонялась. Но молитва не спасла ее. Пусть тогда спасает злость.

— Я отрекаюсь от тебя!

Выходит неожиданно громко. Замахнувшись, Кайрис вкладывает в это все оставшиеся силы. Деревянная птица мелькает белым и улетает в окно, упав в пыль и грязь. И тут силы покидают Кайрис. Она едва стоит на ослабевших ногах. Мир в глазах медленно меркнет. Вот и все. Ничего не осталось от девочки, предвкушающей свою восемнадцатую весну. Кайрис только что сломала последний мост собственными руками.

Красный свет на горизонте гаснет, потухая. Легкий ветер касается щек, и глаза начинает щипать. Кайрис делает маленький вдох, глядя, как сереет небо, и вдруг тело захлестывает болью. Едва не задохнувшись от спазма в животе, она пытается устоять и вдруг чувствует, как что-то теплое течет по ногам. Тело уводит в сторону, и она тянется ухватиться за что-то, чувствуя, как падает, но только рвет занавеску. Темные волны, схлестнувшись, смыкаются прямо над головой.

Боль. То режущая, то тянущая боль пронзает насквозь. Кайрис будто тонет, то выныривая, чтобы глотнуть воздуха, то ухает на самое дно. В редкие мгновения, когда она приходит в сознание, уши закладывает от собственного крика, от которого ужасно саднит горло. Стены и потолок кружатся, то размываясь, то становясь резкими. От запаха каких-то трав слезятся глаза. Крия мелькает где-то рядом, но Кайрис не слышит ее, только видит, как шевелятся чужие губы. Время застывает. А потом перемежающийся с темнотой бред сменяет полнейшее ничто.

В следующий раз, когда Кайрис приходит в себя, вокруг совершенно тихо. Она лежит, не открывая глаз и чувствуя вместе со слабостью непривычную легкость. Не понимает, от чего проснулась — не слышно ни лая собак, ни шума. Полежав еще немного, Кайрис сдвигает руку и вдруг понимает — что-то не так. Какая-то странная пустота на месте живота. Кайрис вздыхает и вдруг резко садится на кровати.

Воспоминания проносятся перед глазами. Кайрис принимается лихорадочно щупать

плоский живот, четко чувствуя его сквозь тонкую ткань рубашки. Его нет! Грудь затапливает радостью, почти сразу сменившуюся тревогой. Если живота нет, это значит... Кайрис с замирающим сердцем оглядывается по сторонам. Может, не выжил? Мысль отзывается надеждой, и Кайрис поднимается, чуть качнувшись и схватившись за кровать. Перед глазами какой-то мутный туман. Похоже, она не должна была очнуться так рано — эта горечь и сухость во рту, тяжесть тела и туман слишком знакомы. Крия дала ей снотворный отвар, но не рассчитала, и теперь приходится продирается сквозь дрему, едва стоя от слабости.

Кайрис ползет на кухню, надеясь, что Крия не будет донимать, если столкнется с ней в коридоре. Но ворожеи, похоже, нет. Внутри тепло — Крия закрыла ставни и будто напихала чего-то в щели. От жаркого душного воздуха становится трудно дышать. Кайрис обмахивается руками и осматривается: вот бы Крия принесла воду или хотя бы молоко. Сделав еще пару шагов, Кайрис и натывается взглядом на него.

Сверток из плотной ткани лежит прямо на столе. Как-то отстраненно думается, что только ворожея, которой никогда не стать матерью, могла положить ребенка на кухонный стол. А потом осознание резко ударяет, заставляя отступить на шаг. Сердце колотится часто-часто, и, приложив ладонь к груди, Кайрис чувствует каждый удар пальцами. С мучительным, болезненным любопытством она делает шаг за шагом, пока не склоняется над столом.

Монстр спит — маленькое лицо, едва видимое среди складок, совершенно гладкое. Кожа смуглая, будто карамель. Кайрис знает, что глаза его будут синими, а скулы — острыми и выпирающими. Маленькое тельце ворочается, сдвинувшись в сторону, и Кайрис видит то, от чего ярость поднимается в ней пламенной волной. Продолговатое родимое пятно на шее — точно такое же, как у отца.

Становится трудно дышать. Ненависть обрушивается на нее, будто рухнувшая скала, и Кайрис со злостью впивается в детское лицо глазами. Воспоминания захватывают ее так стремительно, будто все произошло вчера. И этот монстр, будто навсегда закрепивший их, не должен существовать. Может, если он исчезнет, Кайрис станет от них свободной? Руки сами собой тянутся к маленькому тельцу, хотя она еще сама не знает, что собирается делать, когда они достигнут цели. Только начинает отдаленно видеть единственное верное решение. Нужно завершить то, что она не успела сделать, когда Крия отняла яд.

В глазах плывет и двоится. Кайрис наклоняется, вдыхая запах молока, и почти смыкает пальцы в кольцо. Что-то хватает ее за плечи — жестко, больно — и дергает назад, прочь от стола. Она вскрикивает, пытаясь вырваться, но сил еще мало, и она обвисает в руках ворожеи. Крия пихает ее к кровати и разжимает пальцы, дав упасть на мятые простыни. Ворожея смотрит на то, как Кайрис барахтается, и на ее спокойном лице проступает что-то сродни отвращению. Всего на мгновение, но Кайрис хватается и этого. Она затихает, повесив голову.

— Отнесешь к храму в городе и оставишь, — чеканит Крия, и в ее голосе чудится что-то человеческое.

Но лишь миг — и ворожея опять становится совершенно спокойной, собранной и отстраненной, как и всегда. Кайрис бросает на сверток последний взгляд и отворачивается, сжав губы в тонкую ниточку. Ну и пусть. Пусть монстр страдает в маленькой келье. Кайрис оставит его, если ворожее так угодно, и забудет, как дурной сон. И, повзрослев, монстр уж точно не поблагодарит богиню за то, что та не подарила ему легкую смерть в младенчестве.

Так что, когда Крия сажает ее в телегу Давии, собравшейся с мужем на рынок, Кайрис

не сопротивляется. На улице начинает ощущимо холодать, так что приходится закутаться поплотнее. Небо кажется прозрачным, как лед, а солнце маленьким и далеким. Еще чуть-чуть — и выпадет первый снег.

Монстр в руках спит, будто чувствуя, что не стоит испытывать чужое терпение. Кайрис представляет на месте него полено, и поездка становится чуть менее невыносимой. Она впервые выбирается в город, но от бывшего предвкушения ничего не остается. Только желание поскорее со всем покончить. Кайрис так глубоко уходит в свои мысли, что не замечает, как Давия оборачивается.

— Везешь, чтобы богиня отметила его своим крылом? — нервно улыбнувшись, спрашивает она — наверняка из вежливости. — Как его зовут?

Зовут? Кайрис морщится — она не собиралась давать монстру имя. Но теперь, когда Давия спросила, гаденькая мысль проскальзывает в голове. Почему бы и нет. Кайрис улыбается. Он будет ненавидеть свое имя.

— Его зовут Конрий, — отвечает она, с болезненным удовольствием подмечая, как вытягивается чужое лицо.

Ну конечно, она ведь только что назвала ребенка ублюдком. Но разве это не правда? Давия бледнеет и собирается что-то сказать, но муж одергивает ее, неодобрительно покосившись на Кайрис, и остальную часть пути они едут молча, так и не заговорив, даже когда высаживают у храма. Город запоминается Кайрис шумной крикливой толпой и нависающими над дорогой зданиями. Ее быстро начинает мутить от такого большого количества людей, еще и монстр начинает ворочаться в руках. С трудом протолкавшись через площадь, Кайрис задирает голову.

Храм огромен: он больше дома старейшины — да и больше, чем все городские дома тоже. Уходит ввысь, царапая крышей небо. Стены, выложенные разноцветными камнями, обкатанными морем, будто бы влажно блестят на солнце. У деревянных кормушек возятся голуби и воробьи: город находится слишком далеко от моря, чтобы приманить воплощения богини, как это бывает в портовых. Над входом Кайрис видит фигурку чайки, выдолбленную из белого камня. Кайрис по привычке тянет руку к деревянной птице на шее и натывается на голую кожу. Так, значит, это был не морок? Тем лучше — учитывая, что она собирается совершить.

Поднявшись по ступеням к самой двери, Кайрис кладет шевелящийся сверток на пол и макает пальцы в черный порошок внутри деревянной чаши, стоящей на специальной подставке — перед входом в храм им мажут щеки и лоб. Но Кайрис четко и медленно выводит на нежной младенческой коже всего одно слово: Конрий. И не может сдержать злорадной улыбки. Теперь его не назовут по-другому. Не посмеют — кто же переступит через обычай? Неожиданно ей становится горько и одновременно весело. Не такой судьбы она когда-то хотела себе или своему ребенку, но боги решили за нее. Кайрис наклоняется и с отращением целует младенца в лоб, будто заверяя только что сделанное. Из рта вырывается белесое облачко пара.

Вытерев губы тыльной стороной ладони, Кайрис встает и идет прочь, не оборачиваясь. С каждым шагом чувствует, как расслабляется туго натянутая струна в груди, будто каждая оставленная позади ступень приближает Кайрис к свободе. И вместе с этим приходит спокойствие. И все-таки, раз отречение от богини ей не приснилось, надо проверить и ту историю про Алесия. А потом уже Кайрис решит, уйти ли, растаяв в огромном городе, или вернуться.

Глава 5. Как танцует сталь

695 год, Похолодник, 4

Когда, спросив у торговки шерстью, она узнает, что казнь и правда была, — почти не удивляется. Только остро колет в груди: колет и пропадает. Кайрис стоит еще несколько мгновений, не шевелясь, а когда женщина окликает ее, поворачивается и медленно идет к воротам, где ее должны будут забрать Давия со своим мужем.

В голове крутится только одна мысль: это все правда. Не бред, не морок, не безумие. Серп говорил с ней, но не ясно, почему Крия никогда не упоминала, что он колдовской. Даже во всех сказаниях и легендах о ворожеях нет ни слова о говорящем оружии. Что это: живая душа, вплавленная в металл, или человек, превращенный в оружие заклятием? Проталкиваясь сквозь толпу, Кайрис думает, как легко было бы в ней навсегда затеряться, но что-то удерживает, не давая на это решиться. Она не может уйти, не разобравшись с Улыбкой Змея. Пока не может.

Обратно едут совершенно молча: похоже, Давия только сейчас понимает, к чему была вся эта поездка, когда не видит этого ворочающегося свертка у Кайрис в руках. И стоило бы что-то чувствовать, но Кайрис одолевает полное безразличие. Только говорящий серп остается единственным, что вызывает интерес, но он больше не откликается, и с каждым разом Кайрис приходит в комнату все реже и реже, а потом и вовсе перестает. И собственная жизнь перестает ее интересовать окончательно. А потом вновь наступает весна.

696 год, Посадник, 6

У дома кузнеца мальчишки кидаются камнями в Костолома. Кричат, подначивая друг друга, и кривляются. Кайрис видит, как тяжело вздымаются бока огромного пса, когда тот прыгает, пытаясь достать обидчиков, но только клацает в воздухе зубами. Цепь натягивается до предела и дергает его обратно, прямо в пыль. Кажется, что звенья в любой момент лопнут, но пока что они держатся.

Самый крупный из мальчишек поднимает с земли камень и взвешивает на руке, а потом понимает, что Кайрис смотрит. Он останавливается, ожидая ее реакции, но Кайрис только безразлично скользит по собаке взглядом, и мальчишка успокаивается. Пихнув одного из своих подельников в бок, он замахивается и отправляет снаряд в полет. Просвистев в воздухе, камень ударяется псу прямо в лоб. Костолом рычит, обнажив зубы, поднимается на лапы, но второй мальчишка следует примеру приятеля. Пес дергается, срывается на скулеж и, прижавшись к земле, прыгает.

Его огромное черное тело мелькает перед глазами Кайрис, но та даже не моргает. Цепь звякает, и рухнувший на землю Костолом заходится хрипом. Зверь не способен понять, что металл сильнее. Мальчишки хохочут, но все равно немного отступают. Знают, что стоит подойти ближе — и собачьих зубов не избежать. В пса опять летят камни, и он начинает пятиться. Люди могут спрятаться, а ему — некуда. В темных глазах мелькает что-то почти человеческое.

Дверь отворяется, и наружу выходит недовольный кузнец. Мальчишки тут же роняют камни и кидаются врассыпную, пока вслед им летят ругательства. Когда они убегают слишком далеко, кузнец чешет затылок и оглядывается. Наткнувшись взглядом на Кайрис, он сплевывает и уходит, бормоча себе что-то под нос. Кайрис бросает на Костолома последний взгляд и продолжает свой путь.

В ней не осталось ни капли сочувствия для пса. Тем более, Кайрис и так здесь слишком задержалась, а Крия не любит ждать. По пути она чуть не врезается в Велису. Та кривит рот в улыбке и собирается что-то сказать, но Кайрис не останавливается и даже не оборачивается. Какая разница? Это все не имеет значения.

Крия оказывается на кухне — вместе с одним из деревенских мужиков, который объясняет что-то про то, что у него не кашель, а чей-то наклик. Духи, мол, злые одолевают. Крия слушает молча, не меняясь в лице, и Кайрис отлично знает, что поступит она, конечно же, по-своему. Кайрис равнодушно здоровается с мужчиной и тут же перестает его замечать, обращаясь к ворожее:

— Дэр Крия, Селия благодарит за настойку и просит еще каких-то трав, чтобы крыс отпугивать.

Крия кивает.

— Отлично. Отнеси ей ядуницу, только пусть много не кладет. И не задерживайся, — говорит она, даже не обернувшись и продолжая выслушивать мужика.

Кайрис вздыхает, но у нее нет никакого выбора, кроме как послушаться. Если она выполнит и это поручение, можно будет подремать до обеда, все равно Крия будет занята. Только надо идти побыстрее... Приближаясь все ближе к дому старейшины, Кайрис начинает замечать, что сегодня в деревне необычайно шумно илюдно. Прямо напротив здания собралась целая толпа, шум чужих голосов такой громкий, что слышно издалека. Кайрис невольно замедляет шаг, пытаясь понять, что происходит.

Пару мгновений она задумчиво глядит на толпу, а потом, поколебавшись, начинает пробиваться вперед. На нее шикают, кто-то даже поминает Зилая, но Кайрис не останавливается, пока не оказывается в первых рядах. Разглядев, что происходит внутри кольца, она невольно застывает от удивления. В центре круга танцует жилистый парень с бритой головой — гибкий, как прут. На нем нет ничего, кроме широких, чуть закатанных до колен штанов: грудь и ноги обнажены, поэтому отлично видно перекачивающиеся мышцы. В руках танцора мелькают, сверкая на солнце, два узких легких меча. Кайрис не верит своим глазам. Она чуть наклоняется к стоящему рядом парню и спрашивает:

— Что здесь делает Танцующий с Мечами?

Парень смотрит на нее недовольно и даже брезгливо, но, видимо, ему тоже хочется почесать языком.

— Ты что, не знаешь? — отвечает он, явно радуясь, что может первым рассказать эту новость. — У него прошлой ночью лошадь издохла. Вот старейшина и разрешил остаться — даже лошадь одолжить обещал, если мастер представление покажет.

Тут танцующий кувыркается через голову, заставив толпу восторженно загудеть, и парень тут же забывает о Кайрис. Она тоже переводит взгляд на мастера, и его то плавные, то резкие движения очаровывают ее, приковав к себе все внимание. Кайрис никогда раньше не видела подобного. Мечи в чужих руках порхают, точно крылья, так непринужденно двигаясь в воздухе, будто танцор управляет ими силой мысли, не чувствуя веса. Временами, когда танцор ускоряется, его руки движутся так быстро, что изящные взмахи сливаются одну линию, которая вьется по воздуху, словно лента. А стоит парню замедлиться, как мечи будто застывают, рассекая воздух, как масло. От этого невольно захватывает дух. Кожа танцора вся блестит от пота, а в воздух то и дело взметаются облака пыли, но он ни разу не сбивается.

Кайрис смотрит, будто даже перестав моргать. Что-то делается с ее сердцем — оно начинает колотиться в ритме танца, то ускоряясь, то замедляя свой стук, и от этого кружится

голова. И именно потому, что Кайрис наблюдает так внимательно, на один миг ей удается поймать взгляд танцора — и он, пожалуй, навсегда отпечатывается в памяти. В глубине чужих глаз будто взмывают искры и плещется сила вперемешку с шальным весельем. Когда бродячие барды пели о пламенных взглядах, Кайрис не могла понять, что они имели в виду. Но четко поняла это сейчас. Кажется, вместо крови в венах танцора течет настоящее пламя.

Время словно останавливается, и Кайрис не может разобрать, как долго смотрит на этот танец. Чужая дикая и жестокая красота захватывает ее настолько, что она будто и дышать забывает. Когда танцор, пронесшись ураганом, в котором мелькают полосы стали, кувыркается спиной назад и замирает с возведенными над головой клинками, Кайрис не сразу понимает, что его выступление окончилось. Грудь парня вздымается тяжело и сильно, как у лошади, бежавшей галопом, но, несмотря на это, он улыбается. Облизнув губы, танцор кланяется, но толпа еще пару мгновений молчит, прежде чем взорваться восторженным ревом и хлопками.

Кайрис моргает, медленно приходя в себя. Она стоит, прижав руки в груди и чувствуя, как продолжает неровно биться сердце. Щеки горят, и жар перекидывается на все остальное тело. Впервые за долгое время она не чувствует ни усталости, ни страха, даже появляется странное желание вернуться в дом и вышить танцующего парня. Кайрис жадно вдыхает воздух, чуть не закашлявшись от висящей в нем пыли, как вдруг кто-то задевает ее плечом, и незнакомое чувство тут же тает. Кайрис досадливо опускает голову: ощущает, как возвращаются безразличие и усталость, — и плетется к дому Селии, надеясь, что не задержалась слишком надолго.

Где-то совсем рядом вздыхает, фыркая, лошадь. Беспокойно переступает с места на место, цокот копыт так и стоит в жарком воздухе, который будто обволакивает кожу плотной пленкой. Кайрис почти ничего не видит в мутной темноте — только дергающиеся тени и фигуру, закрывающую от нее все — дверь, стены, потолок. Чужая тяжесть давит на грудь, мешая нормально вдохнуть, но пошевелиться совершенно невозможно, даже когда чужие пальцы дергают за ткань платья, и та с треском рвется. Все это повторяется. Снова и снова, будто какое-то проклятие. Вкус крови во рту, боль и полная беспомощность.

Кайрис рвано вздыхает, и воздух с хрипом втягивается меж зубов, но так и замирает, не достигнув легких, трепыхаясь на губах, будто влажная марля. От страха скручивает внутренности, но она не чувствует ни пальцев, ни конечностей, и может только смотреть, как чужая фигура нависает сверху, как впивается ногтями в кожу и смеется, будто демон. Прикосновения оставляют на коже липкую дорожку, и Кайрис готова кричать от поглощающего ее сознание ужаса и биться в чужих руках, будто пойманная птица, но ее тело ей не принадлежит. Когда же это кончится? Если бы можно было хоть что-то сделать... Если бы...

Голова кружится, и перед глазами мелькают яркие всполохи. И Кайрис погружается вглубь сознания, пытаясь хоть как-то отстраниться и нащупать то, на что можно отвлечься, притупив чувства. Она делает это каждый раз, но обычно словно бьется о закрытую дверь, вновь и вновь возвращаясь к фигуре и темноте. Но в этот раз что-то меняется, и память подбрасывает какие-то цветные картинки: взмывающие в воздух лезвия, пыль, солнечные блики, скачущие по стали, будто языки пламени. Кажется, она где-то это видела. Вот только где?

Грудь сдавливает от навалившегося чужого веса, но теперь Кайрис этого будто не замечает: она пытается ухватиться за воспоминания, разглядеть получше, и из темноты

проступает силуэт парня, танцующего с двумя мечами в руках. Воспоминание словно будит что-то в груди, и жар расходится волной по всему телу, пока не захватывает и голову. Теперь уже конюшня становится ненастоящей, а танцор все четче и четче предстает перед глазами. Сердце начинает стучать в ритм его дикому танцу, и Кайрис на какое-то мгновение отчетливо ощущает другой запах пыли в воздухе. Резко втягивает его носом и неожиданно ощущает, что тело вновь ее слушается.

Она осторожно шевелит рукой, и пальцы подрагивают, подчиняясь все охотнее и охотнее с каждым мгновением. Кайрис резко вырывается, необычайно легко столкнув чужое тело и вскочив на ноги. Страх медленно разжимает свои когти, совсем пропав от нахлынувшей волны энергии. Впившись в темную фигуру глазами, Кайрис вдруг бросается вперед и смыкает пальцы на чужой шее. Чудовище дергается, но внезапно оказывается слабым и каким-то... напуганным? Сопротивляется так бессильно, что Кайрис этого почти не замечает, продолжая стискивать и стискивать пальцы. Глаза застилает пелена, и злая радость будоражит кровь сильнее алкоголя.

Кайрис впивается в чужую кожу ногтями и, услышав сиплый стон, сжимает горло еще сильнее. С губ тени срывается резкий хрип, оборвавшийся присвистом, и Кайрис, сама не замечая, начинает смеяться. Тень издает смазанные булькающие звуки, и они только подкидывают дров в костер злости. Что-то темное, всколыхнувшись в груди, захватывает все мысли Кайрис, заставляя душить чужую фигуру, не останавливаясь. Душит все сильнее и не разжимает начинающие неметь пальцы — даже когда тело обмякает и повисает в ее руках. Пальцы все еще впиваются в кожу, будто когти дикого зверя, и по ним начинает течь кровь — горячая и скользкая. Все это — улыбка, смех — болезненное и неправильное. Но если выбирать между этим и собственным бессилием — тут и думать нечего.

Кажется, тень шевелится все реже и реже, пока не обмякает окончательно. Раздается влажный хруст, и Кайрис резко распахивает глаза. Над головой расплывается свод потолка, будто покачиваясь туда-сюда. Она лежит, не шевелясь и вслушиваясь в ночные шорохи, пытаясь как следует запомнить только что испытанные чувства. Запомнить, каково это — когда нет страха. Но чем дольше она лежит, тем быстрее это ощущение тает, оставляя после себя пустоту. Значит, это был сон? Всего лишь сон? Поморщившись от досады, Кайрис резко садится на кровати, сжав челюсть. Нет. Она не может опять все потерять. Она готова жить ради одного только шанса, что этот сон повторится.

В тот же день Кайрис впервые просит у Крии иглу и ткань. Когда начинает вышивать спустя столько времени, с непривычки роняет иголку — раз, другой — но не бросает. В этот раз на белом полотне нет ни летних цветов, ни диковинных птиц: из-под руки Кайрис появляются алые всполохи, блеск стали и темные фигуры, танцующие уже иной танец. Тот, который может быть уродливым и грязным, потому что сражаются они не за признательность публики, даже не за свою жизнь, а за чужую смерть.

Чем дольше Кайрис вышивает, тем быстрее и точнее становятся ее движения, спеша запечатлеть не то фантазию, не то недостижимую мечту. Кайрис выплескивает всю накопившуюся злость, свой восторг от танца мечника, свою новообетенную жажду. Закончив, она долго разглядывает полотно на вытянутых руках, в итоге оставшись довольна результатом. Это совсем не похоже на старые работы, но рисунок кажется живым — вот-вот запахнет пылью и раздастся звон стали. Налюбовавшись, Кайрис складывает полотно и прячет его подальше, не в силах избавиться от ощущения, что ее посвятили в какую — то тайну.

И если тогда, стоя перед храмом, она поняла, что разрушила последний мост, то сейчас строит новый, и никто не знает, куда он приведет.

696 год, Посадник, 19

После того дня жизнь Кайрис становится бесконечным ожиданием, но сон больше не повторяется. Кошмары тоже пропадают — теперь Кайрис с трудом может вспомнить, снилось ли ей что-то вообще. Совсем недавно она готова была руку на отсечение за это отдать, а сейчас не находит себе места. Тот сон будто разворошил в груди осиное гнездо, и Зилай его знает, кого осы ужалят первыми: окружающих или саму Кайрис. Однажды она все-таки набирается смелости и спрашивает Крию про ее серп. Они как раз сидят и перебирают запасы ворожеи, а серп лежит рядом на стуле.

— Он такой странный. Будто не очень удобный для сбора трав, — подает голос Кайрис.

— Мой серп создан для битв, — Крия почему-то выглядит настороженной. — Так что ты права.

Ворожея припечатывает пронизательным взглядом и опять склоняется над засушенным пучком. Кайрис нерешительно мнет свой в пальцах.

— Я слышала, — говорит она, подбирая слова и чуть покусывая губу от нетерпения, — что все воины из легенд давали оружиею имена.

— Что тебя удивляет, девочка? — уголки губ ворожеи дергаются будто нервно, но тут же расслабляются, и ее лицо опять начинает напоминать маску. — Это даже дети знают. Воины и сейчас так делают, и не только они. Имя моего серпа — Улыбка Змея.

И Кайрис едва не выкрикивает: «я знаю». Просто — чтобы Крия впервые удивилась и восхитилась ею. Но вместо этого приходится придержать язык и кивнуть. В этот раз Кайрис даже почти не удивляется. Похоже, серп и правда заколдованный, но Крия, конечно же, ни за что об этом не расскажет. Почему же серп не хочет говорить с Кайрис опять? Это бы хоть как-то скрасило ожидание.

Но солнце поднимается и падает за горизонт, а долгожданный сон все не повторяется. Поэтому, когда Крия отправляет ее отнести мазь Крысятнице, Кайрис не чувствует ничего, кроме раздражения. Проходя по деревне, она то и дело пинает комья земли и гоняет кур со свиньями, но настроения это не улучшает. Дом Крысятницы виден издали и — возможно, из-за жаркого марева — кажется совсем хрупким, а стены тонкими, будто тряпичными.

Кайрис проходит внутрь, заставляя себя не морщиться от запаха крысиного помета и прелого сена. Доски под ее ногами прогибаются, словно вот-вот развалятся. Крысятница сидит на кухне за столом, сгорбившись так, что кончик белой ленты в волосах, почти неотличимой от седых прядей, елозит по скатерти. Услышав шаги, она поднимает голову с худым подбородком и узким длинным носом. Кайрис не знает, что старуха делала до того, как она пришла, но смутно догадывается: морщинистые пальцы перебирают шелуху, роясь в глубокой глиняной миске.

— А, Кайрис. Присядь. Я почти закончила.

Кайрис делает пару шагов, но остается стоять. Ножки табуретов такие тонкие, что явно выдержат только вес сухонькой Крысятницы. Пока та копается в шелухе, Кайрис оглядывается, но вокруг нет ничего интересного: какой-то ссохшийся веник под потолком, посеревшее полотенце с красными угловатыми цветами, полупустой мешок в углу.

Вдруг мимо проносится что-то серое и, быстро вскарабкавшись по юбке Крысятницы, забирается на стол. Кайрис все же кривится. Крыса облизывает лапки и проводит ими за ушами. Ее грязно-розовый хвост, дрогнув, замирает, как и все тельце — только глаза блестят.

Старуха довольно улыбается. Кайрис отворачивается — меньше всего ей хочется любоваться причиной клички безумной старухи. Хотя таковой она совсем не выглядит — слишком ясные глаза.

Закончив, старуха медленно поднимается с табурета, и кажется, будто она скрипит, как старое дерево на ветру. Крыса прыгает ей на плечо и устраивается там, свесив хвост. Кайрис ждет, пока Крысятница сходит за деньгами, притоптывая ногой от нетерпения, но старуха, как назло, тщательно отсчитывает каждую монету.

— Видала Танцующего с Мечами? — вдруг спрашивает она, склонившись над столом.

Кайрис вздыхает, готовая собственными руками вырвать монеты и убежать, но только кивает, стараясь дышать сквозь зубы. О, Зилай, как же тут воняет! Воздух стоит тяжелый и душный, а жара только усиливает наполняющие его ароматы.

— Мы начали забывать, что такое настоящие танцы с мечами... Вот раньше-то его только наемники танцевали.

— Наемники? — Кайрис переспрашивает машинально, разглядывая собственные ногти на руках.

Глаза Крысятницы подергивает мечтательная дымка, и она погружается в воспоминания, устремив взгляд куда-то на потолок.

— Да. Только те, кто продает свою жизнь и меч, могут исполнить его правильно.

Кайрис слабо дергает плечом, дожидаясь, когда старуха наконец отдаст ей деньги, но та не спешит, продолжая буравить своими блестящими глазами, будто чего-то ждет. Понимая, что та не оставит ее в покое, Кайрис спрашивает:

— И почему же?

Выходит намного более заинтересованно, чем хотелось бы: разговор невольно начинает увлекать. Все-таки тот парень с мечами оставил слишком яркое впечатление, чтоб оставаться безразличной. Крысятница начинает рассказывать, медленно поглаживая зверька на своих плечах костяшками пальцев.

— Наемник всегда победит благородного, как усердно бы того не учили. Как волк загрызет пса. Сейчас уже все не то... совершенно не то...

Кайрис невольно фыркает.

— Что, не осталось наемников?

Крысятница, улыбнувшись, опускает голову.

— Наемники были и будут, как и войны. Но как танцевать разрешили всем — выступать стали все бродяги и странники. Неплохо, но совсем не так.

Кайрис чуть вытягивает шею и спрашивает слишком быстро, выдавая свою заинтересованность:

— И кто может стать наемником?

— Кто угодно. Только сначала нужно учиться...

Крысятница рассеянно смотрит на стол и сгребает монеты в горсть, чтобы протянуть их Кайрис. Та соображает не сразу. Заторможенно отдает мазь и, спрятав монеты в мешочек на поясе, отправляется обратно. Сердце бьется часто-часто, будто птичка в клетке, потому что Кайрис внезапно осеняет. Зачем ждать сна, чтобы вновь испытать радость боя, если есть путь намного проще? Она станет самой сильной, насладиться этим, а потом, однажды, сможет и отомстить. Ей нечего терять, потому что у нее ничего и нет, а смерть Кайрис давно не пугает. Если это плата — она готова платить.

В доме почти оглушающая тишина. Настолько, что, если уронить иголку, этот звук

прогремит в голове колоколом.

Кайрис стоит напротив окна, и слабый ветер колышет занавески, искажая вышитые на них символы, и проникает внутрь, обжигая своим касанием лицо. Почти пугающе тихо. Даже за окном слышно только, как слабо шелестят листья. Кажется, Кайрис даже может различить суматошное биение собственного сердца, почти болезненно ударяющегося о ребра. Она стоит, прикрыв глаза, и веки мелко дрожат, как и пальцы, сжимающие деревянную рукоять ножа. Самого обычного, кухонного, которым режут хлеб и чистят картошку. Кайрис делает глубокий вдох, и он застывает на ее губах. Может, еще есть время передумать?

Пальцы крепко сжимаются вокруг рукояти, и она понимает, что уже давно все решила. Лезвие скользит вверх, следуя за ее рукой, мимо груди, мимо шеи, пока не замирает у затылка. Раз, два... главное не свернуть назад. Кайрис жмурится, натянув волосы второй рукой, и начинает резать. Сперва это получается с трудом. Рука дрожит, и нож срывается, криво скосив половину. Но, приноровившись, Кайрис начинает орудовать ножом все быстрее и быстрее, жалея, что у Крии нет ножниц. Темные пряди падают на пол витками-змеями, и ворсинки облепляют кожу. Несмотря на испытываемые неудобства, Кайрис чувствует только радость. Это следовало сделать еще давно.

Рука начинает неметь, и движения становятся рваными, но Кайрис, сцепив зубы, не останавливается, пока не укорачивает волосы почти под корень. Опустив нож на пол, Кайрис проводит ладонью по лицу — а потом, не утерпев, по затылку. Ощущение непривычное. Голова кажется какой-то легкой, а волосы топорщатся под пальцами, как собачья шерсть. Чувствуется, насколько неровно вышло, но это совсем неважно. Пару мгновений Кайрис просто улыбается, щупая голову, а потом сметает волосы в кучу и бросает в огонь, стараясь не пропустить ни пряди. Она слишком хорошо знает, что способна сделать ворожея всего с одной волосинкой.

Воздух наполняет запах жженого волоса, но Кайрис даже не морщится. Она представляет, как вернется Крия и обнаружит, что произошло. Ноги будто сами собой приводят Кайрис в спальню ворожеи. Там, воровато оглянувшись, она достает из-под подушки зеркальный осколок и пару мгновений не решается взглянуть, пока, наконец, не поднимает его на уровень глаз. Сердце подпрыгивает и ухаает вниз. Кайрис себя не узнает. Теперь, когда вместо длинных кос неровные, торчащие волосы короче мизинца, лицо стало еще грубее и угловатее. Так похоже на... мужское.

Она сглатывает, качая осколок в руках, и вдруг, сама от себя не ожидая, негромко поет: — Выгляни, девица, за порог. Матушка пусть косы заплетет. Не проси ты странствий и дорог. Ведь твой милый рядышком живет.

Незнакомец в зеркале повторяет за ней, и от этого мурашки бегут по спине: такое же чувство, как от очень похожих на настоящих людей деревянных статуй — вроде как человек, но что-то не так. И одновременно с этим чужак в зеркале завораживает. Кайрис никогда не могла похвастаться хорошим голосом, но сейчас она даже не замечает, как некрасиво ее пение.

— Не держать тебе, девица, меч. После битвы пива не попить. Будешь ты очаг хранить, беречь. И под сердцем дитяtko носить.

Голос выходит хриплый и какой-то низкий. Кайрис и сама не помнит, откуда знает эту песню. Но продолжает петь, не отрывая взгляда от медленно шевелящихся губ:

— Каждому по жизни свой удел. И судьбы своей не изменить. Кто-то бился, кто-то

койку грел. Было так и вечно тому быть.

Песня кончается, оставив привкус горечи. Кайрис прикрывает глаза и убирает зеркало обратно под подушку. Ей никогда никому не греть койку — разве что его собственной кровью. Поэтому она повоюет за свою судьбу.

Кажется, словно песня ставит точку: остальные сборы проходят быстро, без лишних движений и эмоций. Кайрис забирает старую сумку для трав, которую Крия оставила в доме — пусть денег Крия не хранит на видном месте, некоторые травы всегда можно дорого продать. Правда, Крия все еще не сняла замок с кладовки, но теперь Кайрис не нужно вести себя хорошо, поэтому она просто срывает его, повредив петли, на которых тот держится, и набивает полную сумку. Потом заворачивает в кусок ткани лепешку и немного сыра в дорогу — и склянку с водой, за неимением фляги.

Теперь остается только выскользнуть наружу и добраться пешком до города. Ну и мужскую одежду раздобыть не помешает. От вынужденного притворства как-то не по себе, но Кайрис не дает себе усомниться. Если единственный способ овладеть мечом — это выглядеть, как мужчина, то у нее нет другого выхода. Зато она испытает это будоражащее чувство из сна наяву и больше никогда не будет беззащитной. Теперь главное — уйти раньше, чем вернется Крия.

Кайрис обвязывает голову платком, перекидывает сумку через плечо и легко касается висящего в ножнах серпа кончиками пальцев. Она могла бы забрать его, но он слишком приметный, да и красть вещь ворожеи — быть совсем уж дураком. Потому она просто гладит сталь. Говорит с каким-то дурачеством:

— Прощай, Улыбка Змея.

И на мгновение Кайрис кажется, что она слышит немного язвительное: «удачи».

Глава 6. Пыль дорог

696 год, Посадник, 21

Выскользнув из дома, Кайрис скрывается в лесу и направляется в сторону города — то приближаясь к тракту, то удаляясь от него, чтобы не свернуть с пути. Старается не заходить слишком глубоко и первое время вздрагивает от любого шороха в кустах, но потом привыкает. Когда солнце повисает ровно на середине неба, она в очередной раз приближается к тракту, выглядывая из-за деревьев, и вдруг замечает вставшую телегу.

Кайрис опускается на корточки и всматривается, прижимаясь к стволу. Пальцы, опирающиеся о кору, чуть дрожат. Возле телеги никого не видно. Кайрис замечает, что та накренилась на один бок — похоже, сломалось колесо. В самой телеге лежат какие-то мешки, прикрытые тряпками. Кайрис делает глубокий вдох и медленно тянется вперед, вытягивая шею. Один край тряпки сбил, и из-под него виднеется то, от чего сердце ударяется о ребра, как молот: в телеге лежит куча мужской одежды. Рубахи, штаны. Неужели все будет так... просто?

Застыв на корточках, Кайрис медлит, не решаясь выйти. Наконец, она собирает всю волю в кулак и осторожно выбирается из-за дерева. У телеги все еще никого: может, пошли искать помощи. Выждав еще немного, Кайрис начинает двигаться к телеге, осторожно раздвигая руками кусты, и останавливается только когда касается шершавого бока рукой. Воздух словно застывает в горле, и она, потянувшись рукой вовнутрь, хватая рубашку и дергает.

Раздается шорох, и тряпки начинают шевелиться, будто под ними ворочается огромный зверь. Кайрис охватывает такой ступор, что она невольно замирает вместо того, чтобы схватить рубаху и дать деру. Тряпки сползают, и со дна телеги поднимается, прислоняясь к ней спиной, молодая девушка. Тоненькая, как травинка, и с очень сонными глазами. Жмурится и замечает Кайрис.

Они смотрят друг на друга долго, не моргая, и страх в глазах Кайрис отражается как в воде, усиленный во много раз. Губы девушки дергаются, она уже готовится закричать, но Кайрис продолжает стоять, глядя на ее живот. Вздувшийся, будто переспелый плод, округлый, плотно обтянутый платьем. Жар в груди сменяется ледяными иглами. Пальцы разжимаются, и Кайрис принимается бежать еще до того, как с губ девушки срывается крик. Как она могла подумать, что кто-то оставит телегу одну? Наверняка муж девушки пошел за помощью, тут ведь корчма совсем рядом.

Только отбежав на достаточное расстояние и забившись за кусты, Кайрис позволяет себе остановиться. Успокаивается еще не скоро: сидит, сжав плечи руками, и дышит часто-часто, пока не приходит в себя. Стоит страху отступить, как она перестает понимать, что именно ее так сильно испугало: опасность быть пойманной или сама беременность? Так или иначе, Кайрис не решается больше выходить к тракту и остается сидеть на месте до наступления ночи.

Когда темнота черной птицей падает на лес, очертив ветви так, что они начинают казаться медвежьими лапами, Кайрис поднимается с земли. Дерево, под которым она сидела, ночью видится просто огромным. Теперь наконец-то можно выйти на дорогу: Кайрис не встретит никого из деревни, кто бы возвращался из города домой. Где-то совсем близко должна быть та самая корчма, и тогда Кайрис сможет переночевать. Платить ей

нечем, но можно попытаться забраться в конюшню...

От этой мысли внутренности скручивает, но Кайрис сдерживается, сцепив зубы. Или возле конюшни прятаться, не важно. Она уже начинает сомневаться, что стоит куда-то идти: может, надо просто залезть на дерево прямо здесь? Но привязать себя, как делают путешественники, нечем, а на земле можно попасться на глаза дикому зверю. По крайней мере, так обычно говорят. Кайрис мотает головой, прогоняя лишние мысли. Ладно. Она просто посидит у стен и погрееется, а потом вернется в лес. Вдруг удастся услышать что-то интересное? Кайрис вздыхает, понимая, что ей просто жутко оставаться в лесу ночью. Все эти рассказы про слуг Зилая, выбирающихся из своих укрытий в темноте и нападающих на путников... и неспособных пробраться в человеческое жилище, охраняемое богиней.

Так или иначе, Кайрис выходит на дорогу, напряженно осматриваясь по сторонам. Корчма показывается довольно скоро. Ставни закрыты, но сквозь них пробивается теплый желтоватый свет. Кайрис даже не пытается сунуться внутрь: у нее нет денег, да и женщина, путешествующая в одиночку, привлечет слишком много внимания.

В конюшне пахнет навозом, лошадьми и сеном — Кайрис чувствует это, стоит ей засунуть вовнутрь голову. Видно плохо, но она различает силуэт невысокой рабочей лошадки, мерно и шумно дышащей в тишине. Кайрис передергивает, и она ежится, отступив от входа на пару шагов и тихо, чтобы не быть замеченной, идет мимо стены, пока не оказывается достаточно далеко от двери. Там Кайрис садится, прислоняясь к теплему дереву спиной, и достает из сумки лепешку. Отломив половину, откусывает кусочек от сыра и начинает быстро есть, стараясь побыстрее разделаться с пищей, чтоб никто не застал врасплох. Вот бы раздобыть еще сыра...

Кайрис сглатывает, и тут воспоминания вереницей картинок подкидывают ту самую ночь. Вспоминается почему-то не боль и страх, не огонь праздничных костров и даже не конюшня, а кусочек черствой лепешки, которую ей кинула матушка, когда она попросила поесть после того громкого скандала. Интересно, что сказал старейшина? Чтобы все продолжили праздник? И что люди думали до утра — до того, как Велиса растрепала всем то, что подслушала?

Кайрис начинает жевать медленнее, в конце концов остановившись и буравя недоеденную лепешку взглядом. Может, и стоило сказать правду, но она сама выбрала молчать, потому что правда была невыносимой. Да и что это могло бы изменить? Кайрис проглатывает последний кусок лепешки, почти запихивая его в себя, и облокачивается головой о стену. Может, это все злая шутка богини, но Кайрис еще повоюет за право жить так, как хочет. Глаза сами закрываются, и она позволяет себе немного подремать, прежде чем опять идти. Мысли в голове текут вяло и медленно, пока не замолкают вовсе.

Будто прямо над ухом раздается болезненный хрип, и Кайрис резко распахивает глаза. По коже словно проводят ледяными иглами. Она сперва застывает, а потом медленно поднимается на ноги, вслушиваясь в каждый шорох. Обнаружить сейчас неожиданного соседа было бы не очень радостно. Звук раздается вновь, переходя в какой-то стон, а Кайрис продолжает медленно двигаться вдоль стены. Теперь она четко слышит, что он доносится из конюшни. На конюха не очень похоже — уж скорее какой бродяга забрался внутрь, чтоб поспать.

Кайрис доходит до двери и осторожно выглядывает из-за угла, чувствуя, как кровь стучит у нее в висках. Внутри темно, но эта темнота шевелится, как живая: вздымаются бока спящего коня, дрожит свет луны, скользят неясные тени. Кайрис напряженно выжидает.

Вскоре хрип раздаётся опять, и она видит, как колыхается небольшая кучка сена. Наверное, действительно бродяга. Она уже собирается уходить, как вдруг стон обрывается резко, как крик подбитой птицы. Сено вздымается, и на землю вываливается что-то темное и мягкое. Нерешительно потоптавшись на пороге, Кайрис делает глубокий вдох и задерживает дыхание, чтобы не чувствовать запаха. Любопытство тянет ее за собой в темноту конюшни.

Дальнейшие события происходят одно за другим с безумной скоростью. Незнакомец вскакивает на ноги и, прежде чем Кайрис успевает среагировать, бросается вперед. Его пальцы сжимаются на ее плечах, впиваясь так сильно, что руки сводит от боли. Кайрис вскрикивает и дергается, но хватка сжимается только сильнее. В нос ударяет запах немывтого тела. От страха все внутри мгновенно холодеет, и Кайрис распахивает рот, чтобы закричать, но вместо этого пытается сделать хотя бы один вдох. Незнакомец вздергивает голову, качнувшись вперед, и вдруг очень отчетливо говорит:

— Это все боги... проклятые боги, слышишь?

Кайрис пытается вывернуться, но чужие руки держат ее слишком крепко. Что-то в чужом голосе заставляет повторять попытки раз за разом, несмотря на их безуспешность. Кайрис напрягает все мышцы и дергается опять, и в этот раз ей удается: она отскакивает, пятясь, пока не оказывается у двери и там снова замирает. Глаза выхватывают обмякшее тело, лежащее на полу — похоже, незнакомец потратил все свои силы.

Пальцы, сжимающие косяк, начинают медленно расслабляться. Кайрис стоит еще долго, но тело на полу так и не начинает шевелиться. Она нервно сглатывает и, с трудом повернувшись к телу спиной, направляется прочь от кормы. Рука сама собой тянется к лямке сумки и натывается на пустоту. Кайрис останавливается, обнаружив, что привычная тяжесть испарилась. Она... неужели она обронила сумку? Вот же Зилай! Кайрис стискивает кулаки в приступе досады вперемешку со страхом, а потом резко поворачивается и бежит к корчме.

Тело все еще лежит неподвижно, словно тряпичная кукла. Поколебавшись, Кайрис проходит внутрь, готовая в любой момент дернуться в сторону двери. Без мешка она попросту умрет с голода. Ничего — сейчас по-быстрому схватит сумку и даст деру. Стараясь не вглядываться, она медленно подкрадывается к незнакомцу. С расстояния в пару шагов становится заметно, что бродяга не шевелится совсем — даже грудь неподвижна и как-то впала.

Кайрис собирается схватить сумку, но вместо этого осторожно пихает бродягу ногой, тут же машинально вжав голову в плечи. Но незнакомец не двигается. Кайрис, мелко дрожа, наклоняется ниже — сама не понимает, что толкает ее на этот поступок. Бродяга лежит совершенно расслабленно, и это выглядит даже слишком для болеющего человека. Его голова запрокинута, небритое лицо покрыто пятнами и странными узорами. Заразный поди. Кайрис кривится, подхватив сумку и готовясь отступить. Луна выходит из-за облаков, бросая янтарный отсвет на лежащего человека, и тут же становится видно, что узоры на коже бродяги — это слова. Но главное не это, а ярко-зеленые глаза, устремленные в пустоту. Такие могут быть только у...

— Безбожник! — срывается Кайрис на громкий шепот и тут же отпрыгивает, зажав рот.

Но человек не шевелится, даже будто не дышит, и Кайрис медленно успокаивается, хотя продолжает таращиться на чужое лицо. Перед ним меркнет все: начиная от ненавистного запаха конюшни до стоящего там неприятного жара. Безбожник, значит. Проклятый богами. Совершивший такой отвратительный и мерзкий поступок, что ни один бог, даже кровожадный, коварный или хитрый, не согласится ему покровительствовать. Никто, кроме

Зилая... лучше уж вообще жить без богов.

Кайрис ежится, продолжая разглядывать безбожника с каким-то болезненным любопытством. В основном лицо, внимательно всматриваясь в чужие черты. Только потому, что Кайрис так напряженно смотрит, она понимает: да безбожник же мертв! Не дышит, не дрожит, не человек — мешок с картошкой. От осознания становится не по себе, и одновременно с тем мертвец будоражит кровь, не давая перевести взгляд. Спустя пару мгновений Кайрис подмечает, что одежда на безбожнике чистая и вполне добротная. Внезапная мысль прилетает как обухом по голове, заставив замереть. Вот оно, решение, и искать ничего не надо! Но с трупа... Впрочем, в крайнем случае в ручье постирает. Сейчас не до этого: надо пользоваться возможностью.

Кайрис морщится, но заставляет себя опуститься на колени возле мертвеца — все еще опасно, но уже не дрожа. Кривится, стягивая рубаху, ботинки, штаны... повезло, что не босой. Ее мутит, и воздух приходится втягивать сквозь сжатые зубы, но Кайрис заставляет себя не думать, а делать — и старается не касаться кожи. Быстро стянув всю одежду, она не сдерживается — плюет безбожнику прямо в лицо. Скорее выплескивая свое отвращение, страх и усталость, чем злость. И от сделанного тут же становится легче. Больше не медля, Кайрис покидает конюшню и спешит в лес. Уж лучше ночевать на дереве, чем под боком у безбожника.

Еще день пешком, а потом два на телеге с торговцами, которым удастся заплатить после продажи трав, — и цель становится все ближе и ближе. Правда с травами все оказывается сложнее, чем Кайрис думала: аптекарь, стоит ей открыть рот, ляпает: «Да у тебя голос как у девчонки, парень». Мигом бросает в пот — едва ведь себя не выдала, — но она завершает сделку. Приходится срочно вспоминать знания, полученные у Крии, и буквально на коленке варить отвар, ломающий голос так, что он начинает походить на мужской, — а потом тренироваться им говорить. Это немного задерживает Кайрис, но в итоге телега довозит ее до ворот портового города.

А потом Кайрис видит море. Хотя, вернее будет сказать: море видит Голдан — молодой странствующий парень, стоящий у причала в городском порту. От Кайрис не остается даже имени. Все это: короткие, наспех выровненные у цирюльника волосы, грубое лицо, широкие штаны, кожаные ботинки и дорожный плащ из грубой плотной кожи — как будто не ее. Даже грудь плоская и кажется жесткой — перетянута полоской ткани под рубахой. Кайрис и сама не вполне верила, что это сработает, — но люди смотрят на нее и видят паренька по имени Голдан. То, что хотят видеть.

Но сейчас это неважно. Кайрис стоит и смотрит на море, влажный ледяной ветер щиплет ее кожу, бросая в лицо запах соли, рыбьих потрохов и водорослей. По коже бегут мурашки, а холод почти мгновенно пробирает до костей, несмотря на солнце, — но Кайрис долго стоит и смотрит на разверзшуюся у пирса синюю бездну, на плеск волн, облизывающих деревянные балки, будто загипнотизированная. Вода словно живая: хлюпает и шумит, шипит, пенится белым-белым, вздымается и отступает. Это действительно не похоже ни на озеро, ни на что-либо другое, что Кайрис видела: вода уходит дальше за горизонт, и охватить ее глазами не удастся. А еще Кайрис охватывает внезапное чувство свободы. Что бы ни было по ту сторону моря, там она сама будет решать свою судьбу.

А еще море — это так красиво...

Когда Кайрис наконец уходит, чтобы немного поспать в корчме, успевает стемнеть. Зато все ее сомнения будто смывает волнами вместе с песком. Ей, конечно, не обязательно

делать это: стоит уехать еще дальше от деревни, и она никогда не встретит того, кого раньше знала. Да и сейчас Кайрис и мать не признает. Но там, где другая власть, другие правила, другие боги, другое небо над головой и даже звезды, может быть, другие, намного легче взять и стать самой другим человеком.

Утром следующего дня Кайрис покидает город и Мозорию навсегда.

696 год, Посадник, 27

Она стоит на палубе, сжимая пальцами влажное дерево, и неотрывно смотрит вдаль. Ноги слегка дрожат, и Кайрис будто качается от непривычки, но почти не замечает этого из-за восторга. Теперь море — везде! И его брызги уже успели покрыть руки холодными иглами. Сегодня море светло-серое, как сталь, и почти спокойное. Кайрис глядит, как на горизонте становится все меньше тонкая темная полоска между небом и морем по мере того, как корабль отдаляется от берега. Прощай, земля, сокрытая под чаячьим крылом, которое могло ее спасти и не спасло.

Уходить с палубы не хочется, поэтому Кайрис пытается вспомнить, что она слышала о Вентонии, куда и направляется корабль. И понимает, что не знает почти ничего. Странники говорят, там всегда туманы, а все люди черноглазые и белокудрые... Все-таки срываться вот так, ничего не зная, — огромный риск. Но Кайрис к такому начинает привыкать.

Вскоре полоска земли окончательно исчезает, и остаются только небо и море, отражающие друг друга, как два зеркала. Кайрис выдыхает, вдруг понимая, что до этого мига каждая мышца ее была напряжена, и наконец-то расслабленно облокачивается о борт, немного свешиваясь за него и с наслаждением вдыхая чистый, свежий воздух. Ветер мягко ворошит короткие волосы, забираясь за ворот, но уходить с палубы совершенно не хочется.

— Эй, парень!

Кайрис вздрагивает от неожиданности и начинает было оборачиваться в поисках парня, как до нее медленно доходит. Чуть обождав для виду, она медленно поворачивает голову в сторону голоса. То, что ее действительно принимают за парня, — так непривычно. Рядом обнаруживается девчонка — нельзя точно сказать, праздновала ли она уже восемнадцатую весну. Незнакомка таращит огромные глаза, чуть приоткрыв блестящие ярко-красные губы. Из-под соскользнувшей со лба косынки выбиваются вьющиеся волосы. Кайрис чуть кивает и ждет, но девчонка молчит. Кайрис опять отворачивается к морю. Может, сразу и отстанет?

— Что интересного слышно на том берегу? — незнакомка все-таки подает голос, оказавшийся немного детским, хотя уже начавшим приобретать нотки молодой девушки.

Кайрис вздыхает. Ну почему именно к ней привязалась? Она поворачивается к морю спиной, облокотившись о бортик, и отвечает как можно спокойнее.

— Ничего не слышно.

В голосе все равно проскальзывает раздражение, но незнакомка этого будто не замечает. Девушка слегка склоняет голову и касается Кайрис рукой.

— Что-то ты слишком усталый, парень. Не хочешь отдохнуть, как причалим?

Когда она начинает гладить плечо Кайрис, та напрягается, в замешательстве шарахнувшись назад, лишь бы уйти от прикосновения. Что это с ней? Кайрис ведь... верно, мужчина. Девушка тем временем качает головой, и Кайрис замечает потемневшие серьги в ее ушах и золотистый лотос на шее — и все становится понятно. Ну надо же, Кайрис так похожа на мужчину, что на нее клюнула шлюха.

— Нет, не стоит. Я... — мямлит Кайрис, чуть не оговорившись. Взяв себя в руки, она скидывает чужие пальцы. — Я собираюсь стать наемником. Так что иди к Зилаю.

Отговорка звучит совсем невпопад, поэтому Кайрис на всякий случай делает грозное лицо. Девушка морщится и отступает на шаг. Но недовольной она выглядит не больше мгновения. Опять округляет глаза, смотрясь при этом как-то совсем глупо, и восклицает:

— Наемником! Как интересно! О! О! — девушка роется в своей дорожной сумке и достает небольшой ножик с ладонь длиной. Кайрис почти не удивляется оружию у женщины — с такой-то работой. — Покажи мне что-нибудь!

И протягивает ножик Кайрис, чуть не ткнув им в живот. Дурная девка! Гнев опалает, как не успевшие остыть угли. Кайрис выкидывает вперед руку, отталкивая нож, и случайно касается его пальцами. Тело будто пронзает молния, и она замирает.

«Эй. Руки прочь. Я же опять испачкаюсь!»

В этот раз голос совершенно отчетливый. Правда, на голос серпа он совсем не похож: тонкий, высокий, капризный, как у ребенка. Кайрис поспешно отдергивает руку и впивается в девушку глазами. Тоже ворожея? Нет, не может быть. Что же тогда? Кайрис отворачивается, собираясь уйти, но неожиданно для самой себя спрашивает:

— Как его зовут?

Сердце часто-часто бьется от волнения. Девушка хлопает глазами.

— Зубок... — говорит она, растерянно глядя на нож в своих руках.

Зубок, значит. Ощущения, возникшие от краткого прикосновения, все еще свежи в памяти, и Кайрис не может сдержать жадного взгляда.

— Из какой он стали? — она облизывает губы. — Дай поглядеть, а?

Все еще растерянная, девушка послушно протягивает нож. Кайрис хватается за него поспешнее, чем следовало бы, и, вынув из ножен, обвивает пальцами рукоять. Слегка прикрыв глаза, она вслушивается. Зубок, так? Она обращается вглубь себя, одновременно с этим мысленным усилием потянувшись к ножу, будто дергает за невидимую объединяющую их ниточку. Но все равно вздрагивает, когда тот отзывается.

— Это мое имя! Кто ты?

Кайрис не отвечает, только резко и хрипло втягивает воздух. От чего-то сердце будто стискивает стальная перчатка. Испугавшись, Кайрис прячет нож обратно и сует девушке, небрежно бросив то ли для поддержания образа, то ли прикрывая свой страх:

— Таким только картошку чистить.

И сразу уходит, чтоб не слышать ответ. Больше Кайрис девушку не видит, а потом корабль причаливает к берегу, и становится не до этого. Только одна мысль преследует Кайрис: ладно ворожея, но откуда у шлюхи зачарованный нож? И почему его голос слышит она, а не хозяйка?

Проблемы начинаются, стоит Кайрис ступить на берег.

Одновременно с тем, как ее чуть дрожащие ноги касаются земли, Кайрис замечает стражника, но успевает только опустить голову, как ее хватают за руку. Досмотр. Как же она могла забыть, что из-за войны он стал обязательным! Второй стражник проверяет спустившуюся вслед за Кайрис женщину: та задирает рукав, и окольцеванная рука чешуя блестит в лучах солнца. У мужчины следом за ней браслет оказывается кожаным, с камнем — похоже, местный.

Как говорили останавливающиеся в деревне путешественники, король приказал никого без этих вот браслетов на берег не пускать. А вот о том, что надо где-то добыть такой, Кайрис вообще не подумала. Для этого ведь в столицу ездят, по слухам... Она дергается, но вырваться из крепких рук не удается, и стражник задирает рукав, открыв голое запястье.

Сердце ухает вниз, когда Кайрис понимает, в какие неприятности попала.

Пока она ругается сквозь зубы, стражник оттаскивает ее в сторону от причалившего корабля.

— Непорядок, парень. Мне следовало бы отвести тебя в тюрьму.

В груди холодеет. Так радовалась своему побегу, что все знания вылетели из головы. Хорошо хоть стражник говорит на мозорийском, иначе вообще б худо пришлось. Хотя — какая разница? От отчаяния хочется крикнуть «так чего же медлишь?», но Кайрис только сжимает кулаки и молчит, опустив голову.

— Как твое имя? — молчание. Стражник хмурит брови. — Парень, ты что, откусил свой язык?

Он дергает Кайрис за руку, и та шипит сквозь зубы:

— Голдан.

Чужое имя слетает с языка поразительно легко.

— Бежишь от стражи? Или возомнил себя странствующим артистом? Знаешь, это не мое дело, Голдан... — Кайрис не понимает, почему стражник попусту болтает, вместо того чтобы связать ей руки, как принято. Тот тем временем добавляет, пожевав губами. — Мы могли бы договориться.

От удивления Кайрис резко вздергивает голову и сталкивается с намекающим взглядом. Он хочет денег? Она продолжает молчать, лихорадочно перебирая варианты. Как бы ни хотелось плюнуть в чужое лицо, это, возможно, ее единственный шанс уйти. Пока она думает, стражник начинает смурнеть.

— Но у меня нет денег... господин, — наконец выдавливает Кайрис, переступив через гордость.

Стражник морщится, словно она отдала ему ногу. Видно, как он колеблется, играя желваками, и тут его взгляд опускается на съехавшую с плеча сумку.

— Что там у тебя? — он нагло лезет вовнутрь рукой и вытаскивает мешочек с золотистыми цветками мереники. — Медянка? Она же стоит как мешок мяса!

Кайрис едва сдерживается, чтоб его не поправить: эти два растения похожи, как сапог и дорожный плащ. Но такая ошибка ей на руку — стоят мереника и медянка тоже совсем по-разному. Безуспешно дернув рукой снова, Кайрис говорит:

— Это все, что у меня есть, — и сама не ожидает прозвучавшего в голосе отчаяния.

Сумка трав и расшитая красным ткань — больше ничего не осталось. Она ведь собиралась продать часть трав уже здесь, в городе, чтобы было, на что жить! Стражник взвешивает мешочек на ладони, будто примериваясь.

— Лучше отдай, или у тебя не будет даже головы.

Кайрис не может быть уверена, насколько эта угроза правдивая, но у нее не остается выбора. Нельзя оказаться за решеткой. Поэтому, сжав губы, она кивает. Стражник с довольным видом выгребает почти все, что есть в сумке, и, чиркнув что-то в бумажке, которую держит в руках, удаляется. Глядя в его спину, Кайрис злорадно представляет там нож, а то и не один, и собственные мысли ее больше не пугают. Ничего, главное — что легко отделалась. Покрепче ухватив лямку сумки, чтоб не сорвали в толпе, она устремляется вглубь города.

Пока Кайрис идет по незнакомым улицам, в ее сознании крепнет мысль, что в этот раз ей просто повезло, а в следующий такого может не произойти. Нужно добыть браслет — и поскорее. Раз тут все так серьезно, можно на большие проблемы нарваться, тем более если

она собирается искать работу. И все-таки как остро чувствуется, что этот город и даже страна — чужие. Одежда, дома — все отличается. Еще и повсюду снуют крыланы. Людоптиц Кайрис видела всего раз, на картинке, привезенной торговцем — в Мории их не встретишь из-за указа короля. Ярко запомнилось, как разглядывала странное существо, стоящее на двух птичьих лапах, имеющее и руки, и крылья и все покрытое перьями. Поэтому похожие на людей существа, свободно передвигающиеся по городу, заставляли чувствовать себя неуютно.

Язык в Вентонии тоже отличался — чудной, шепчущий, похожий на шелест ветра. Правда, слышит его Кайрис нечасто: в портовых городках всегда так, а это — главный порт королевства. Она почти уверена, что ее земляков здесь много. И все же, если хочет потом уйти вглубь королевства, стоит нанять учителя по языкам...

Нанять. Все упирается в деньги, ушедшие в карманах стражника вместе с травами. Кайрис глубоко вздыхает. Ей нужно найти работу — такую, где не будут задавать вопросов — и место, где ночевать. А потом можно и поддельный браслет поискать. Наверняка такие делают: для стражников — хватит, а большего и не нужно. Не потянут же каждого оборванца к ворожее на подлинность проверять.

В первых попавшихся тавернах ей отказывают, и Кайрис сворачивает в узкую улочку, уходя все дальше от центра. Одно хорошо: по мелким разговорам Кайрис удается узнать, что город, в который она попала, называется Вессес и принадлежит герцогу Керскому, чей замок находится в центре, за внутренней стеной. Когда она сворачивает с ухоженной дорожки, дома становятся все более обветшавшими и подкошенными, а в единственном встреченном трактире Кайрис встречает хмурый мужик и тут же разворачивает.

— У нас уже есть рабочие, да покрепче тебя. Вон, Савил пошел, — он кивает в сторону сгорбившегося широкоплечего парня. — Иди ищи работу где-то еще.

Приходится просто уйти, а тем временем солнце начинает клониться вниз. Если она ничего не придумает, то ночевать придется на улице, как бродячему псу, или пытаться счастье в чужих конюшнях. Может, поискать удачи в лавке травника? Все-таки уроки Крии не прошли совсем уж зря, да и где-то рядом, кажется, как раз была одна. Не сильно веря в себя и уже раздумывая, где бы найти уголок потеплее — чтоб подальше от стражи, патрулирующей улицы, и лишних глаз — Кайрис поднимается по ступеням и почти сталкивается с мнущимся на пороге мужиком. Вот тупица, весь проход загородил!

Тот оборачивается, и Кайрис отступает на шаг, как вдруг узнает широкоплечего Савила из трактира. Савил, кинув на нее быстрый бегающий взгляд, внезапно облегченно расслабляется и подходит. Кайрис мгновенно напрягается, и только прижатые к бедру пальцы кое-как утихомиривают страх. Мужик тем временем наклоняется вперед и громким шепотом говорит:

— Эй, хочешь подзаработать? Вот, иди и купи мне ягодицу, а сдачу возьми себе. Только смотри, не пробуй меня обуть!

Кайрис глядит на блестящий серебряный кружок, потом на Савила, вздернув брови вверх от удивления. А потом ее внезапно озаряет, и Кайрис не удается подавить ухмылку.

— Хочешь вернуть мужскую силу?

Савил вздрагивает.

— Ты откуда знаешь? Рассказал кто? — его лицо медленно начинает багроветь, а мышцы напрягаются, и Кайрис говорит первое, что приходит в голову:

— Сын травника я. А змеин глаз пробовал? — и смотрит выжидающе: поймет или не

поймет? Если знает, что змеин глаз вообще от кашля, то обувь и правда не выйдет, а так... Кайрис чуть улыбается, когда Савил неуверенно мотает головой. — И правильно: дороже, а девка все равно недовольна будет. Уговорил, я тебе помогу.

И, зажав монету в кулаке, поднимается по ступеням и исчезает внутри лавки. Савил туп, как валенок, а потому Кайрис просит у травника чар-траву. Та на вид совсем как ягодница, зато стоит на порядок меньше — всего ничего. Разницу Кайрис споро складывает в кошель. Звон монет греет душу. Быстро отдав купленное и понаблюдав, как довольный Савил взвешивает мешочек на руке, Кайрис быстро прощается. Держа руку на кошеле, она удаляется прочь медленным широким шагом — чтоб ничего не заподозрил. Теперь где-то три ночи в тепле точно обеспечены — как груз с плеч. А еще в голове начинает медленно оформляться некая мысль, так что в очередной трактир Кайрис заходит почти машинально.

Выцветшая вывеска с распахнувшей пасть гадюкой и стершейся надписью «Змеиное яблоко» ничем не отличается от тех, мимо которых Кайрис уже проходила. Хозяином оказывается мужик, очень смахивающий на бывшего разбойника: жесткие волосы, похожие на собачью шерсть, лицо в шрамах — и уродливый обрубок вместо правого уха. Глядя на него, Кайрис невольно представляет себе меч с обломанным острием и стертой рукоятью. Кажется, это начинает входить в привычку... Вздохнув, она спрашивает уже обкатанное на языке и настолько же опротивевшее: «Не найдется ли работы?».

— Найдется, пожалуй. Вон — конюшни некому чистить.

Кайрис, ожидавшая очередного отказа, невольно переспрашивает. Почудилось? Но трактирщик только морщится.

— Тебе что, медведь ухо отдал, иль тупой совсем? Берешься или нет?

— Берусь, — твердо говорит Кайрис, не веря в свалившуюся на нее удачу.

И хотя до последнего кажется, что все это — затянувшееся представление, когда трактирщик, назвавшийся на вентонский манер Мелирассом, сует в руки вилы, она берет их с напускной уверенностью, хоть и едва не роняет с непривычки. Получилось! Может, много и не заплатят, но это хотя бы гарантирует, что спать на улице не придется. Теперь бы найти деньги на учителя, купить браслет и... Сгребая в одну кучу конский навоз, Кайрис вновь вспоминает случай с Савилом, и та мысль окончательно складывается. Вот он, способ быстро разжиться деньгами. Рисковый, опасный, и загреметь на виселицу можно, но стоит попытаться. Ради возможности взять оружие в руки, но уже как настоящий воин — точно стоит.

Скупать чар-траву и продавать как ягодницу — почти беспроигрышный вариант. Особенно учитывая, что пожаловаться мало кто захочет, разве что побить, но быстрые ноги кулаков не боятся. Правда, сперва Кайрис долго не решается. Скупает траву, но не пытается торговать, тем более на рынок с таким не заявишься. Только бродит после работы по улицам, будто может прочесть решение на одной из подкосившихся стен — но безрезультатно. Пока однажды ей не везет.

В очередной из дней Кайрис уже привычно прогуливается по улицам, когда взгляд что-то привлекает, и она останавливается. У одного из домов мелькает чья-то включенная голова. Кайрис запинается, остановившись — в первые мгновения чужой затылок кажется ей знакомым, поэтому Кайрис подкрадывается поближе, стараясь его подробнее рассмотреть, когда жилистая фигура вдруг исчезает — как кролик в шляпе фокусника. Кайрис непонимающе водит вокруг глазами. Облезлая кошка, пацан, высунувший в окно голову, какой-то бродяга, такой же облезлый, как и кошка... и все. Она щурится и заглядывает в

щель между домами, но там тоже оказывается пусто. Осмотревшись по сторонам и немного помявшись, Кайрис лезет внутрь.

Сразу же так сильно обдает волной сырости и тошнотворной гнили, что Кайрис зажимает нос. В щели оказывается настолько узко, что приходится втягивать живот и дышать через раз, чтобы поместиться. Будто крысиный лаз, ей богу. Медленно двигаясь вперед и внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться о какой огрызок, Кайрис добирается до конца прохода. Смесь подгнивших отходов и грязи хлюпает под подошвами ее сапог.

Ничего. Конечно, парень мог просто убежать, но что-то не дает Кайрис покоя, зудя на крае сознания. Если бы незнакомец ушел другим путем, она бы это заметила. Немного отдышавшись, Кайрис разворачивается и устремляется в обратную сторону, в этот раз щупая стену руками. Камень оказывается гладким и скользким, будто покрытым слизью, так что приходится сцепить зубы, чтобы не отдергивать руку. Кайрис делает очередной шаг, когда подошва сапога цепляется за что-то, скрытое под слоем помоев. Лишь спустя пару мгновений глаза подмечают прямо на земле очертания дверцы, похожей на дверь в погреб. Поддев край ногой, Кайрис силой распахивает ее, откинув в сторону. Раздается чавкающий звук, лязг, и перед ней открываются ступени, уходящие в темноту.

Изнутри веет холодом, тут же пронизывающим до костей. Кайрис в нерешительности гладит плечи. Ясное дело, что эта дрожь больше от страха, чем от того, что она замерзла. Но отступить поздно. Раньше бы Кайрис ни за что на такое не решилась, но сейчас только сжимает зубы и осторожно спускается вниз. Сначала слышно только звук шагов и прерывистое дыхание, но потом к нему прибавляется гомон голосов и чей-то кашель.

Ступени заканчиваются в просторном подвале, и Кайрис чуть не пролетает парочку последних, запнувшись, но кое-как удерживается на ногах и озирается. Низкий потолок, огонь в кривых козьих рогах, прикрученных к стенам, и стойкий запах горящего жира и крысиного помета. Чуть позже, приглядевшись, она замечает темные проемы в стенах — ходы, как в крысиной норе. А еще в подвале оказывается куча оборванцев, людей и крыланов: они сидят прямо на полу, раскинув перед собой какие-то плотные тряпки, на которых разложен товар, от оружия до странных снадобий. Некоторые не сидят, а бродят от торговца к торговцу. И все они, стоит Кайрис шумно спрыгнуть на пол, поворачиваются и глядят на нее.

— Пастух, ты что, не запер вход? — говорит ближайший человек с ленцой, в которой сквозит откровенная угроза.

Его говор звучит как-то странно. Кайрис не может разобрать, земляк ли он ей — светлые волосы грязные и почти все седые, зато глаза ослепительно яркие. От торговца ножнами отходит уже знакомый парень с растрепанными волосами, буркнув что-то непонятное. Подгоняемый недовольным взглядом, он медленно плетется к лестнице и исчезает.

— Что ты здесь забыл? Шпионишь для стражи?

Кайрис вздрагивает и поворачивает голову. Решение приходит мгновенно — еще до того, как сошедшие пальцы мужчины касаются рукояти меча.

— Я с товаром!

Кайрис распахивает сумку, которую — Зилай знает зачем — постоянно носила с собой, и вытаскивает горсть чар-травы. Мужчина задумчиво перебирает ее пару мгновений, а затем поднимает голову.

— Допустим. Скажи слова приветствия, и богиня пустит тебя под крыло, — говорит он и слабо улыбается, едва шевельнув уголками рта.

Холодный пот покрывает лоб и щеки. Кайрис дергается, чтобы утереть его рукой, но заставляет себя сдержаться. Мысли бешено мечутся в голове, как мыши в капкане-ловушке. Что же делать? Это наверняка какие-то кодовые слова, которые Кайрис не может знать. Она оглядывается по сторонам, надеясь, что этот жест не выглядит беспомощно. Где-то за ее спиной слышится звук шагов — возвращается Пастух.

С каждым мигмом промедления чужие взгляды остреют, будто лезвия ножей, приставленных к горлу, и надо хотя бы попытаться оправдаться, но Кайрис кажется, будто ее язык присох к нёбу. В голове стучит только одно слово: «бежать». Вдруг Пастух вновь подает голос, и они с седым перекидываются парой слов на местном языке, из которых Кайрис не разбирает ни одного.

— Пастух говорит, что видел тебя в «Змеином яблоке». Там шпиону не затесаться. Так что, пожалуй, ты просто дурачок. Все еще хочешь здесь торговать? — Кайрис кивает, переводя дух, но не спешит расслабляться. — Хорошо. Иди сюда. Я отмечу тебя знаком, чтобы не вздумал сдать нас в случае чего. Имей в виду, у тебя нет возможности отказаться.

Он приглашающе машет рукой, и Кайрис, помедлив, садится на холодный пол и протягивает правую руку. Мужчина хмыкает, доставая откуда-то здоровую иглу и два пузыря: один с мутной, второй с темно-синей жидкостью. Плеснув из первой прямо на Кайрис руку, седой хватает ее чуть выше ладони большим и указательным пальцем, да так плотно, что не отдернуть даже при всем желании. А оно растет по мере того, как игла приближается к коже, ведь с такой меткой уже не просто от стражи не откупиться, а и вовсе на допрос попасть можно. Но Кайрис только молчит, закусив внутреннюю сторону щеки, чтоб не заорать, когда запястье пронзает болью, тут же защилав от краски. Во рту появляется привкус крови. Закончив и вновь плеснув поверх мутной жидкостью, от которой остро несет алкоголем, седой довольно цыкает. Кайрис резко втягивает воздух, и из ее рта все-таки вырывается тихое шипение, когда запястье обжигает как огнем, но зато кровь перестает идти, а боль медленно утихает.

Приходится какое-то время носить повязку из куска ткани, но когда метка чуть заживает, Кайрис удаётся разглядеть ухмыляющуюся крысу. Забавно. Так или иначе — к моменту, когда рисунок почти срастается с кожей, Кайрис становится там, под землей, своей. Наблюдает за тем, как люди появляются и пропадают из боковых ходов, растворяясь в темноте, и понемногу копит монеты. Когда выдаются свободные мгновения, Кайрис ходит к старухе, торгующей шерстью, и та учит ее языку.

696 год, Земляничник, 24

Торговля идет хорошо — в травах здесь, похоже, никто не разбирается. Но она все равно старается не сидеть долго на одном месте — стоит разок осмелиться и зайти в проход, как Кайрис будто открывается новый мир. То, что казалось маленькой норкой, оказывается огромной паутиной, сетью, раскинутой под городом. И даже если стража уничтожит один лаз — все равно никогда не разрушить всю. Проводя все больше времени там, в неровном сиянии чадающих факелов, Кайрис замечает, как лгать, прятаться и притворяться становится все легче. Вторая личина вырастает в нее, как сорняк, пуская крепкие корни.

В тот день Кайрис уже привычно раскладывает чар-траву на своем дорожном плаще, расправленном на земле, как раздаётся негромкий глухой стук, эхом пройдясь вдоль стен. Ничего необычного, поэтому все вокруг даже не отрываются от своих дел. Только один

тощий крылан подскакивает к двери и небрежно говорит:

— Приветствие.

В ответ молчат. Раздается пара смешков, но звучат они нервно. Кайрис чувствует, как от мурашек шевелятся волоски на шее — будто у кошки — но продолжает перекладывать травы. Долговязый крылан медлит и повторяет еще раз, как вдруг дверь сотрясается от мощного удара и слетает с петель. С грохотом скатившись по ступеням, она падает вниз, подняв облако пыли. Что тут начинается! Будто куница в курятник забралась. Крики, топот, ругань — полный бардак.

Кайрис с непривычки цепенеет, глядя, как толпа, будто стадо испуганных животных, толкается у лаза. Тут кто-то роняет тяжелый мешок, и тот, бухнув по голове, падает на землю, и оцепенение спадает. Кайрис подскакивает, чуть не врезавшись в стражника. Тот пытается схватить ее за руку, но вместо этого дергает за шиворот. Рванувшись изо всех сил, Кайрис выворачивается из чужих пальцев, оставив в них кусочек ткани, и несется к выходу. Толпа пинается и пихается, и стоит упасть — уже не встанешь. Кайрис с рыком пробивается меж людей, в последний момент нырнув в спасительную щель и тут же припустив дальше по узкому коридору. Сердце стучит так громко, что перебивает грохот ее собственных шагов, носящийся эхом по ходу.

Чем дальше она несется, тем меньше остается людей в живом потоке, устремляющемся к спасению: кто-то падает, кто-то ныряет в боковой тоннель или отстает на повороте. Неожиданно остро режет мысль: Кайрис даже в голову не приходит остановиться и помочь упавшим прежде, чем их затопчут. И вообще никакие крики и стоны не имеют значение — ничего, кроме собственной шкуры. Кайрис так долго бежит, что не сразу осознает, что осталась одна, а звука погони больше не слышно. Стоит это осознать, как остальные ощущения наваливаются тяжелой волной: спина вспотела, в груди жжет, а отбитый локоть ноет. Кайрис прижимается к стене лбом и думает, что бы случилось, если... если бы ее поймали.

Выкручивайся или не выкручивайся, а даже без крысиной метки отсутствие браслета привело бы прямо на плаху. От медленно приходящего осознания бросает в дрожь. Только сейчас Кайрис в полной мере понимает, что ждало бы ее, если бы стражник не промахнулся. Тут как во время бегства в толпе — раз упадешь, уже не поднимешься. Кайрис ежится, но вместе с ознобом, вызванным страхом, приходит понимание: больше медлить нельзя. Отлипнув от стены, она лезет в кошель и пересчитывает монеты, поднося ладони к неровному свету факела. Должно хватить.

Отсыпав часть, Кайрис вздыхает и с уверенным видом сворачивает влево, чуть пригнувшись перед очередным лазом. Она давно знает, куда следует идти, но все оттягивала и оттягивала, невольно пытаясь сохранить хрупкие стены, иначе называемые силой привычки. Да, выходить за пределы своего знания страшно, но теперь оставаться на месте еще опаснее.

Когда Кайрис вновь поднимается вверх, щурясь от яркого закатного солнца, кошель значительно худеет, зато на руке блестит чешуйчатый браслет. На какое-то время приходится залечь на дно, и Кайрис тратит эти дни и оставшиеся деньги на занятия с учителем по языкам, а потом неохотно возвращается к торговле с твердым намерением завязать, как только наберется нужная сумма. Обвалов больше не устраивают, но, когда Кайрис в очередной раз спускается по влажным от сырости ступеням и понимает, что это — последний, она не испытывает сожаления. А на следующее утро просыпается с твердым

желанием найти мастера по бою на мечях.

Глава 7. Наемник без меча

696 год, Земляничник, 29

— Кружку пива!

Кайрис даже не смотрит на трактирщика, только не глядя кидает горсть монет на стойку и, пока те со звоном катятся по дереву, забивается в самый дальний угол. Воздух внутри душный, ложится на кожу липкой пленкой и весь пропитан кислой стойкой вонью. Когда Кайрис облакачивает руки о стол, рукава тут же прилипают к дереву, и она, скривившись, складывает их на коленях. Спустя какое-то время к столу подходит бойкая девчонка с пышной косой и с грохотом ставит перед Кайрис тяжелую кружку.

Наклоняется служанка при этом так медленно и низко, что глубокий вырез ее платья оказывается прямо напротив глаз Кайрис, но та только безразлично тянет руку к пиву. Тут же опрокидывает в себя половину, поморщившись, когда огненный комок ухает в пустой желудок. Служанка обиженно фыркает и уходит, хлестнув по воздуху косой. В голове тут же начинается шуметь с непривычки. Кайрис откидывается на спинку стула, глядя сквозь полуопущенные ресницы, как какой-то мужик затаскивает хихикающую служанку к себе на колени. Мерзость. Кайрис отворачивается, вновь прикладываясь к пиву и пытаясь не замечать его горечи.

И почему ей так не везет?

Кайрис разглядывает свои грубые руки, расплывающиеся перед глазами. Трактирщик, отмахивающийся от мух затертым полотенцем, кидает на нее подозрительные взгляды, и горло сжимает от гнева, когда Кайрис чудится в них презрение, прямо как в глазах этого... Яриса, мастера по мечам. Такая же курица общипанная. В памяти проносятся смазанные воспоминания: двухэтажный дом с узорами из птичьих перьев и морских волн на мозорийский манер — Ярис оказался ее земляком. Может, если б не был, все произошедшее не проехало бы по Кайрис, как лошадь копытами?

Мимо пробегает служанка — все та же, с косой — и Кайрис ловит ее за руку. Просит еще пива, внезапно подметив, как заплетается язык и все сильнее клубится туман в голове. Мыслить становится все сложнее, и Кайрис застывает, глядя вслед девчонке. Едва удается стряхнуть с себя наваливающийся дурман и перевести взгляд. Кайрис протирает лицо ладонью, и от резкого движения начинает ныть отбитый бок, вновь пробуждая лавину воспоминаний.

Когда Кайрис приходит к дому мастера, вокруг огороженной тренировочной площадки которого уже успевают собраться толпа зевак, и проталкивается вперед, перемахнув через изгородь, то в нее буквально утыкается куча снисходительных взглядов. А на вопрос об обучении крепкий мужик с узким лицом, он же мастер Ярис, вдруг вытягивает Кайрис в круг таких же крепких учеников. И, улыбаясь и будто нарочно медленно растягивая слова, говорит:

— Хорошо, сперва проверим тебя в бою. Лови!

Что-то пролетает мимо, и Кайрис чувствует, как ногу обжигает болью. Она с шипением припадает на одно колено и видит в клубах поднявшейся пыли деревянный тренировочный меч. Мастер не меняется в лице, но несколько учеников издают смешки. Сцепив зубы, Кайрис хватает рукоять и поднимается. Меч тянет в сторону, и приходится придержать его второй рукой. Она должна суметь показать хоть что-то. Никто ведь не требует от новичка

больших успехов, верно?

Кайрис втягивает сухой горячий воздух. Запах земли кружит голову. Как следует размахнувшись, она кидается вперед и почти задевает Яриса, когда вдруг запястье пронзает болью. Вскрикнув, она роняет меч и закашливается. Ярис с самоуверенным видом наблюдает, как Кайрис наклоняется и подбирает меч, пытаясь не морщиться от боли. Так, соберись. Кое-как взяв дыхание под контроль, Кайрис пытается обойти мастера со спины. В этот раз она даже движения не замечает, вот он стоит впереди, а вот плашмя бьет по пояснице. Там, под кожей, будто расцветает огненный цветок. На глазах выступают слезы, и Кайрис злобно их смаргивает.

— Когда ты уже начнешь сражаться?

Смех волной проходит по толпе. Кайрис тяжело дышит, и подняться ей удастся только со второго раза. Руки, держащие меч, дрожат, и от этого его кончик скачет по воздуху. Легкие жжет, и воздух, выходящий сквозь сжатые зубы, кажется раскаленным. В расплывающемся перед глазами мире улыбка мастера искажается, становясь зловещей. Кайрис с трудом делает шаг вперед.

— Долго нам еще ждать?

Чужие слова звучат так насмешливо и ехидно, что Кайрис теряет остатки контроля и безрассудно прыгает вперед, занося меч над головой, будто какой-то веник, каким гоняют собак. Ярис делает неуловимое движение рукой — такое скупое, что она успевает только отметить легкое шевеление воздуха. Ноги подкашиваются прежде, чем накатывает волна боли, и Кайрис падает наземь. Удар вышибает весь воздух, и пару мгновений она может только лежать и беззвучно открывать рот в попытке сделать вдох. Над ней наклоняется какая-то фигура, и, когда пелена спадает, Кайрис понимает, что это мастер Ярис подобрал меч и теперь вертит его в руке с самодовольной усмешкой.

— Что ж, я могу взяться тебя учить. Только будет ли это тебе по карману?

И называет цену, которая добивает лучше, чем любой меч. А мастер еще и ждет ответа, будто и сам не понимает, что для того, чтобы заработать хотя бы на один урок, Кайрис придется продавать свои травки лет так двадцать. Какой же она была идиоткой! Кайрис молча поднимается под насмешливый гогот, шипя сквозь зубы и придерживаясь за ноющий бок, и спешно уходит прочь.

И вот теперь она сидит и пьет неясно какую по счету кружку, хотя от пива уже давно начинает мутить. Можно бы попытаться снова, заработать, найти другого мастера, но Кайрис больше не хочется ровным счетом ничего. В голове крутится: а чего ты хотела? Ну какой из тебя наемник, если даже деревянный меч в руках не удержишь?

Людей понемногу становится больше, даже парочка крыланов появляется, а очередная кружка заканчивается. Кайрис с тяжелым вздохом поднимается на ноги. Пол тут же взлетает вверх, и удержаться получается только благодаря тому, что Кайрис вовремя опирается о стол рукой. Выругавшись, она нетвердой походкой направляется к двери. На улице успело стемнеть. Верхушки домов тают в темноте и легком сизом тумане.

К горлу то и дело подкатывает тошнота, а мир кружится из стороны в сторону, так что идти приходится, придерживаясь за стену и надеясь только, что Кайрис правильно помнит, в какой стороне находится «Змеиное яблоко». На очередном повороте она, сдерживая просящееся наружу пиво, врезается во что-то мягкое. Раздается недовольный вскрик, и от него колет виски. Поморщившись, Кайрис непочтительно бурчит:

— Катись к Зилаю.

И собирается продолжить путь, но чья-то рука останавливает ее, придержав на месте.

— О, это же опять ты!

Чужой голос кажется отдаленно знакомым, и Кайрис поднимает голову. В глазах все расплывается, словно глядишь сквозь мутное стекло, но она замечает вьющиеся волосы, красные губы и лотос на шее. Похоже, та девка с корабля.

— Отвали, — глухо выплевывает Кайрис, пытаясь отодвинуть громкое препятствие рукой.

Но, потеряв опору, чуть не падает. Приходится срочно прислониться к стене, переживая очередную волну дурноты. Кайрис прижимает к голове ладонь, предприняв слабую попытку прийти в себя.

— Ха, да ты времени зря не терял! — смеется девка.

Похоже, она не собирается уходить, даже ближе подходит, хоть и с опаской. Кайрис скашивает взгляд и вдруг видит нож на ее поясе. Руки действуют прежде, чем Кайрис успеет осмыслить свой поступок, так что она ловко выхватывает нож и подносит к глазам, разглядывая знакомую рукоять. Пальцы касаются стали.

— Зубок... — пьяно бормочет Кайрис, поглаживая ножик.

«Сколько можно путать меня с этим трусом? Я Клык, слышишь, глупый человек?»

Кайрис вздрагивает, и нож выпадает из пальцев.

— Странно, а выглядит так же.

— Что ты там бормочешь, идиот?

Девка недовольно цыкает, подобрав нож с земли и бережно вернув на место. Складывать слова во что-то осмысленное все сложнее, но и молчать заплетающийся язык не позволяет, так что Кайрис вываливает поток рубленых враз:

— Почему. Так? Два ножа. А имя разное. Одно... одинаковые.

И замолкает. Кажется, будто кто-то резко гасит весь мир как свечу: за одно мгновение в глазах темнеет, сознание окончательно покидает Кайрис, и она будто пропадает.

Она лежит на дне, и горячие тугие волны омывают со всех сторон, будто обнимая. Вода такая спокойная, что сквозь нее видно расплывчатое красное пятно солнца. А еще вокруг стоит умиротворяющая, совершенно особенная тишина. В такой хочется остаться навечно. Кайрис прикрывает глаза, как вдруг что-то касается ее руки. Не очередная волна, а будто бы чужие пальцы. Кайрис вздрагивает и приподнимается на локтях, преодолевая сопротивление воды, но вокруг ничего, кроме волн. Она ложится обратно, и в это мгновение чужая ладонь касается уже пояса. Спокойствие слетает с Кайрис, как шелуха, оставляя только легкое головокружение. И тут же ее дергает вверх, вон из воды, наружу.

Кайрис делает резкий вдох и распахивает глаза. А потом будто распахивает их еще раз. Голову тут же стискивает раскаленным обручем, и она морщится, щуря глаза от яркого дневного цвета. Тяжелый от запахов гнили и помоев воздух с хрипом вырывается из легких. Спустя миг боль немного отпускает, засев тупой иглой где-то в макушке, и Кайрис понимает, что лежит прямо на грязной земле, а по ее карманам шарят чьи-то руки. Она слабо шевелится, пытаясь привстать, и они замирают, а через мгновение грязный бродяга с голой грудью отскакивает в сторону и уносится дальше по улице.

— Эй! Стой, ублюдок! — от собственного крика трещит в голове, и Кайрис закашливается, чувствуя себя так, будто наглоталась песка. — Сукин сын.

Кое-как сев, она трет онемевшую шею. От долго лежания на земле одежда пропахла сыростью и впитала холод остывших камней. Еще и край штанины в чем-то мокром, в чем

именно — знать совершенно не хочется. Справившись с шумящей головой, Кайрис садится, прислонившись к стене и тяжело дыша, и ощупывает себя руками. Ни кошелька, ни даже заваливавшихся монет. И в голове вместо воспоминаний — как в пустом амбаре: ни мышей, ни зерна. Выругавшись, Кайрис поднимается на ноги, и ступню тут же пронзает болью. Когда кружащийся мир останавливается, а желудок перестает выворачиваться на изнанку, Кайрис задирает ногу и видит, что она совершенно босая.

Из кучи мусора выпрыгивает кошка, напуганная шумом, а из окна кто-то грозитя вылить помой, так что приходится заткнуться. Кайрис вынимает из раны острый камешек и обматывает ступни рукавами рубахи, попутно пытаясь восстановить события прошедшего дня и ночи. Кажется, она ходила к учителю... Ходила же, да? Он еще высмеял Кайрис перед толпой. Но вот что было потом? В голове все перемешалось. Кайрис сплевывает вязкую слюну и шаткой походкой направляется к «Змеиному яблоку», стараясь избегать сильно освещенных улочек.

Мелирасс встречает ее с хмурым лицом.

— Что, нагулялся, болван? Чтоб тебя Зилай поимел! Думаешь, я сам буду конюшню чистить, пока ты пиво хлещешь и девок портишь? — он язвительно усмехается, оглядев ее с ног до головы. — Ну и видок. В каком дерьме ты вывалялся?

Кайрис опускает взгляд.

— Я...

Осознание приходит почти мгновенно, окатив, как вода из проруби. Голос. Он опять стал прежним! Кайрис делает вид, что закашлялась, и ее горло судорожно сжимается от испуга. Но Мелирасс ничего не замечает, только качает головой, глядя, как она надрывается.

— Зилай с тобой. Бери лопату — и за работу. А еще раз загуляешь, я тебя выгоню, еще и по шее дам. Понял?

Она быстро кивает, вызвав этим очередной приступ тошноты, и уходит, пока Мелирасс еще какой вопрос не задал. Заперевшись в выделенной ей комнате, больше похожей на чулан, Кайрис тут же бросается к тайнику с отваром и опрокидывает в себя весь бутылек. Чуть не попалась. Ее трясет еще некоторое время, пока она выгребает лошадиное дерьмо из конюшни, но потом все-таки отпускает. Когда с работой покончено, одежда мокрая от пота, зато руки ноют не так сильно, как в первые разы.

Кайрис опускается на пустой ящик, прислоненный к забору, и вытирает лоб. Ужасно хочется стянуть одежду и наконец-то нормально отмыться, но придется ждать вечера — сегодня явно не везет, рисковать не стоит. Ополоснула ноги — и ладно. Она вздыхает и прикрывает глаза. Надо бы сбегать в лес и набрать для продажи какие травы, что ли. Или стащить сапоги с чьей-то ноги, ха! Прохладный ветер приятно щекочет разгоряченное лицо, и Кайрис наслаждается этой передышкой жадно, как умирающий от голода — куском хлеба. Кажется, даже почти засыпает, когда сквозь дремоту продирается чей-то сухой голос. Она вздрагивает и оглядывается по сторонам.

— Эй, ты!

Голос звучит откуда-то сверху, так что Кайрис задирает голову. Там, облокотившись о забор, стоит какой-то мужик, смахивающий на бродягу: с щетиной на разбойничьем лице, желтоватыми белками глаз и чуть волнистыми волосами. Кайрис прочищает горло.

— Чего тебе? — бурчит она в ответ. Незнакомец довольно лыбится, но молчит. Кайрис поднимается на ноги, почесывая затылок. — Ну?

Чужак, прищурившись, как кот, склоняет голову на бок.

— Ты, кажется, искал учителя?

Стоит ему это сказать, как все сразу становится ясно. Кайрис стискивает кулаки, чувствуя, как в груди начинает kloкoтaть от гнева, и приближается к забору почти вплотную, уперевшись в шершавое дерево грудью.

— А что, пришел посмеяться? Шел бы ты отсюда, — говорит она вибрирующим от злости голосом.

Но мужик даже не отстраняется, оставаясь все таким же невозмутимым. Наоборот, придвигается ближе, обдав крепким запахом табака и каких-то трав.

— И что ты мне сделаешь, а? — издевательски спрашивает незнакомец.

Его глаза смеются, а тело остается все таким же расслабленным — ни один мускул не напряжен. Злость становится такой сильной, что тяжело дышать. Стиснув челюсти, Кайрис резко выкидывает руку вперед, намереваясь схватить ублюдка за ворот. Дальнейшие события развиваются с такой скоростью, что она не успевает их как следует разобрать.

Никакого видимого движения не следует, как и даже слабого предчувствия — просто Кайрис вдруг обнаруживает себя на земле, по ту сторону забора. От удара в голове стоит звон. Кое-как приподнявшись и утерев землю с лица, она смотрит на незнакомца, опять стоящего рядом в ленивой позе. Тот ухмыляется, наблюдая за ее возней. Кайрис кое-как поднимается и грузно приваливается к забору спиной, пытаясь прийти в себя и понять, что вообще произошло.

Незнакомец продолжает веселиться, и его ехидная улыбка уже начинает действовать на нервы.

— Да ты ни с мечом, ни без меча ничего не стоишь, — нараспев говорит он, будто специально повысив голос.

И заглядывает в ее лицо, внимательно и будто бы выжидающе. Кайрис выпячивает челюсть, не справившись с продолжающим бушевать гневом. Она чувствует себя собакой на привязи, в которую бросают камни, дразнясь, но близко не подходят. Совсем как Костолом.

— А ты будто стоишь, драконья отрыжка! — выплевывает она, сморщив нос, и с удовольствием подмечает, как дергается чужое лицо.

— Да уж побольше тебя, щенок.

Незнакомец тоже за словом в карман не лезет, хрипло рассмеявшись, и воздух между ними будто начинает накаляться. Чужое пренебрежение задевает даже сильнее самих насмешек, особенно потому, что бьет по больному. Резко крутанувшись, Кайрис утыкается взглядом в чужое лицо, тут же натолкнувшись на точно такой же твердый взгляд. Это только сильнее раздражает.

— Если такой смелый, поспорим! — выпаливает Кайрис прежде, чем успевает обдумать свои слова. — Спорим, я... ну...

Лихорадочно перебирает свои знания, но ни силой, ни ловкостью ей точно не взять, а если заикнется про травы, на смех подымут — вон уже толпа на их крики начала собираться. Кайрис кривится от досады. А глаза незнакомца становятся все более и более довольными с каждым мгновением промедления, как у сытого кота. Он хмыкает и тянет с ленцой:

— Что, только лаять и можешь, как облезлая шавка? — будто гладят против шерсти, аж искры по коже. Незнакомец тем временем и не думает распалать, будто только во вкус входит, видя ее реакцию. — Еще скажи, что угадаешь имя моей мамочки.

В толпе раздаются редкие смешки, неуверенно обретающие силу. Однако Кайрис это оскорбление внезапно вырывает из пестрой круговерти мыслей, подкинув одну

определенную идею. Она опускает глаза, с радостью отметив висящий на поясе чужака меч. Ну точно, этого он от нее явно не ожидает.

— Кому есть дело до этой потаскухи? А вот имя твоего меча я скажу запросто! — азартно заявляет она. — Угадаю — научишь меня всему, а нет...

Кайрис с радостью наблюдает, как самодовольное выражение сползает с чужого лица. Глаза незнакомца стекленеют от ярости. Запоздало пробирает, но отступать уже некуда.

— Съешь лошадиное дерьмо, — заканчивает за нее этот сукин сын.

И уверенно протягивает ей руку. Еще и люди в толпе шепчутся: невозможно, безнадежно, глупо. Кайрис упрямо вздергивает подбородок.

— По рукам, — шипит она, стараясь посильнее сжав чужую ладонь.

Кто-то из толпы разбивает, тем самым закрепив спор. Показательно вытерев руку о рубаху, незнакомец неторопливо снимает с пояса ножны и протягивает вперед рукоятью. Кайрис начинают охватывать сомнения: вдруг не сможет или еще что не так пойдет? Она ведь все еще не поняла, как именно это делает. Но толпа нетерпеливо ропочет, и пойти на попятную сейчас — слишком стыдно. Весь мир будто сужается до одной точки. Рывком выхватив меч из ножен, Кайрис прикрывает глаза и делает медленный вдох, попытавшись сосредоточиться.

Жар, чужие голоса, шум, прилипшая от пота рубаха — все это отдалается, будто Кайрис погружается в ледяную воду. Она перестает что-либо чувствовать и видеть, только слушает, проходясь по мечу кончиками пальцев. И будто картина перед внутренним взглядом вырисовывается: короткий, гибкий, узкий и очень легкий, с простенькой рукоятью меч проступает из темноты. По мере того, как он становится четче и обзаводится все новыми и новыми очертаниями, Кайрис все глубже погружается в странное состояние отрешенности, пока не ныряет в него полностью. Давай же, меч, открой свое имя и покажи лицо.

«Как тебя зовут?» — шепчет она так тихо, что почти не шевелит губами. Пару мгновений ничего не происходит, а потом Кайрис чувствует едва заметный отклик, будто кто-то дергает за нить, одним концом привязанную к ней, а другим — к кому-то другому. Кайрис сосредоточивается, потянувшись за нитью дальше, в темноту, пока наконец не различает чужой хриплый голос.

«Разве ты говоришь свое имя кому попало?»

Кайрис чуть не смеется от облегчения — до последнего не верила, что у нее получится. Надо же, а меч-то под стать хозяину. Кайрис усилием воли заставляет себя не отвлекаться и мысленно хватается за невидимую нить.

«Нет. Но я скажу его в обмен на твое».

Раздается негромкий звук, очень похожий на хмыканье.

«Мне не нужно твое имя. Лучше расскажи шутку».

Кайрис невольно морщится. Она и так не знает, сколько времени прошло в реальности, а он еще и странные требования предъявляет. Но медлить нельзя, поэтому Кайрис быстро вспоминает какую-то из похабных баек из услышанных в трактире и вываливает ее мечу. Не хватало проиграть из-за такой глупости. Шутка про служителя богини и шлюху кажется совсем несмешной, но спустя мгновение после того, как Кайрис заканчивает, раздается тихий перезвон монет, и Кайрис понимает, что это хихиканье. Кайрис ждет, пока меч отсмеется, и, услышав имя, тут же выныривает.

На нее тут же сплошным потоком обрушиваются звуки и ощущения, на какую-то долю мгновения оглушив. Кое-как придя в себя, она поднимает глаза на незнакомца, протягивая

ножны обратно.

— Имя твоего меча — Розга, — говорит Кайрис, чуть запыхавшись, и утирает лоб.

Незнакомец забирает меч и обстоятельно вешает обратно. Что-то мелькает на его лице — будто рябь по воде — но стоит Кайрис попытаться присмотреться, как она находит там только злость и раздражение. Силой дернув за ножны, словно проверяя, насколько крепко они висят, незнакомец кривится и бросает, прежде чем уйти:

— Через два дня приходи на площадь после колокола.

696 год, Щедрик, 1

Кайрис до последнего уверяет себя, что никуда не пойдет. Сочиняет что-то там про гордость. Но стоит последнему гулкому удару отзвонить в воздухе, как подошвы ее сапог касаются мощеной камнем земли. Прекрасное чувство — опять ощущать подошву ступнями. Сапоги, правда, как корова пожевала, еще и в заплатках — но это лучшее, на что Кайрис может рассчитывать. Так что — не развалятся прямо сейчас — и ладно. От спешки дыхание сбивается, и Кайрис пытается его выровнять. Сама не знает, почему так спешит, только вертятся мысли в голове: обманул? Или нет? Придет? Не придет?

В полуденный час улицы всегда полны людей, особенно — Главная площадь. Торговцы и мастера, стражники и благородные, женщины и дети движутся мимо рагуши, постамента с виселицей и многочисленных лавок, будто речные потоки. Там, откуда Кайрис родом, на площадях всегда были храмы, но тут так не принято. Впрочем, велика ли разница ли между монашеской рясой и петлей?

Наконец, Кайрис останавливается, оперевшись о теплую каменную стену. Стоит, вдыхая запах пота, яблок, хлеба и дыма. Немного успокоившись, Кайрис начинает рассматривать лица людей, будто пытаясь по невнятным чертам прикинуть, каким мечом была бы эта манерная пожилая дама, а каким ножом — тот загорелый сельский мужик. Кстати о ноже.

У деревянных опор потрескавшейся от солнца виселицы лежит уже знакомый ей меч с именем Розга. Кайрис и сама не знает, как различает его — по виду меч не особо отличается от остальных. Просто знает и все. Но лучше проверить. Кайрис отлипает от стены и широкими шагами пересекает площадь. Оказавшись рядом, она наконец разглядывает знакомые ножны, развеявшие остаток сомнений. Оставить меч без присмотра, вот болван! Замедлив шаг, Кайрис останавливается и опускается на корточки.

— Ну, здравствуй, — говорит она будто человеку.

Кончики пальцев аж чешутся от желания прикоснуться к нагретой на солнце стали, и Кайрис, спешно дернув меч из ножен, обхватывает теплую рукоять. Сталь глухо отблескивает, словно чешуя, и желание прикоснуться к ней становится совсем нестерпимым. Кайрис сглатывает, чувствуя, как от возбуждения начинают трепетать ноздри. Она ведет мечом по воздуху, будто рисуя невидимые фигуры — просто чтобы продлить приятное чувство. По спине пробегают мурашки, спускаясь до самых пяток, и Кайрис захлестывается восторгом. Она все-таки не удерживается и касается стали кончиками пальцев.

Земля вдруг взлетает вверх, а сама Кайрис обнаруживает себя лежащей на спине — уже без меча. Голова от удара раскалывается, и Кайрис держится за нее, пытаясь прийти в себя. Нечеткая фигура, придирчиво оглядывающая меч, медленно складывается в уже знакомого мужчину.

— За хер себя потрогай! — ругается он, рассматривая полоску стали разве что не под лупой. — Чего ноешь, вставай давай. Скажи спасибо, что пальцы не отрубил. Ты что, совсем дурной?

Кайрис осторожно поднимается на ноги и злобно глядит на небритую рожу в шрамах и ссадинах. Вот уж кто точно не утруждал себя честной работой. Впрочем, на него посмотришь — и передумаешь ступить на ту же тропинку: ввевшийся в кожу запах табака, земля под ногтями, одежда потрепанная, одни сапоги добротные, еще сильнее подчеркивающие дешевизну остальных вещей. Пока она пялится, как палач на виселицу, наемник успевает спрятать меч в ножны, повесить их на пояс и вдруг схватить Кайрис за ворот. Та даже отстраниться не успевает — так внезапно все происходит. Только руками беспомощно взмахивает.

Чужое лицо нависает над ней, и то ли дело в тенях, то ли еще в чем-то, но оно больше не кажется ни дурацким, ни смешным, только очень, пугающе опасным. Будто земля уходит из-под ног.

— Слушай сюда, сын шлюхи. Еще раз меч своими грязными лапами тронешь — оторву и в задницу засуну, — мужчина прищуривается, сморщив нос, будто пес. — Понял?

Кайрис передергивает, и она поспешно отвечает:

— Да.

Чужая рука разжимается, и Кайрис едва не падает, с трудом устояв на ногах.

— Это сталь портит. А вообще чужой меч без разрешения брать — дурная примета, — уже спокойнее объясняет наемник и бросает через плечо. — Пошли.

И идет, больше не обращая на нее внимания. Кайрис медлит, потирая ушибленный бок. Зачем она только пришла? Дельце выглядит мутным даже на ее не особо придирчивый взгляд. Авось, в тупик заведет, перережет горло и в канаву скинет. За такими размышлениями Кайрис забывает даже, что брать с нее по большей части нечего. Наемник, будто почувствовав ее взгляд, оборачивается, презрительно скривив губы.

— Что, ты только на словах мечом махать горазд? — и, чуть усмехнувшись, добавляет: — Или боишься, что прирежу по-тихому?

Если бы он этого не сказал, Кайрис с легким сердцем послала бы все к Зилаю, но теперь отступить становится слишком позорно. Признать, что она боится? Ну уж нет! А если нападет, убежать можно. По крайней мере, она тешит себя такой надеждой, потому что просто устала всего бояться. И это, возможно, единственный шанс стать из дичи охотником и не бояться больше никогда. Кайрис вздыхает и следует за жилистой фигурой, ловко лавирующей в толпе.

Довольно скоро дома рedeют, а потом они вдвоем и вовсе оказываются за чертой города. Там наемник немного огибает городскую стену и проходит дальше, к небольшому ровному клочку земли. Место выглядит так, будто его то ли специально расчистили от камней и травы, то ли был пожар и новая не выросла. Мужчина садится прямо на землю, прислонившись к большому камню спиной, и достает кинжал с круглой резной рукоятью. Мозолистые пальцы ловко откручивают эту самую рукоять, и наемник высыпает себе на ладонь какой-то красноватый порошок. Кайрис морщится, когда он наклоняется, резко вдохнув, и закатывает глаза на грани припадка. Пристрастие к дурной траве напрягает, но пока мужчина спокойно продолжает сидеть, она смиряется.

Так и идет: наемник сидит, на грани сознания наблюдая за ее стараниями и при этом умудряясь оставаться достаточно внимательным и цепким, чтобы заметить, когда она ленится. Кайрис все ждет, когда ей дадут в руки меч, но это не происходит ни в первый день, ни на следующий, ни даже через полный оборот луны. Мужчина гоняет ее, как солдата: бег, отжимания, таскание камней. Первое время по приходу домой ей хватает сил только на то,

чтобы упасть пластом и будто всего на миг закрыть глаза, чтобы тут же распахнуть от крика петуха и начать все сначала.

Однажды, вконец вымотавшись на очередном забеге, Кайрис едва ли не требует, чтобы ее учили, наконец, управляться с мечом. Наемник только хмыкает и неожиданно легко протягивает Кайрис тренировочный деревянный меч. Но порадоваться она не успевает.

— Просто стой ровно, — говорит ей мужчина, коротко ухмыльнувшись.

И наклоняется, подобрал с земли первый камень. Кайрис не успевает даже поднять меч повыше, когда булыжник, просвистев в воздухе, чиркает по плечу. Она шипит от укола боли, попытавшись отступить на шаг, но наемник, размахнувшись, бросает второй снаряд. В этот раз Кайрис даже хватается реакции, чтобы нелепо дернуть рукой, но бедро все равно вспыхивает от боли. Кайрис неловко выворачивает запястье. Меч вроде бы весит мало, но становится тяжелее с каждым мгновением и напоминает третью руку: мешается, отвлекает, — и вот уже другое плечо, заныв, отклоняется назад, отчего Кайрис едва не роняет оружие.

— Ну же, отбивайся. Или хотя бы увернись, — смеется наемник, подбрасывая очередной камень.

Кайрис действительно силится отпрыгнуть в сторону, но с мечом это сделать не так удобно, как без него, так что хоть камень и чиркает по земле, Кайрис не хватается сноровки удержать рукоять, и ее пальцы разжимаются. Меч глухо падает на землю, подняв легкое облачко пыли. Кайрис тянется его поднять, и что-то пролетает над ее головой, задев по спине. От неожиданности Кайрис падает на колени.

— Вот и все, — отмечает наемник, не то что бы не вспотевший — даже дыхание не сбилось. — Уронил меч — почти что труп.

Кайрис понуро поднимается, пытаясь отдышаться. Хоть и обидно, но теперь она понимает: ее тело просто еще не готово.

Река покрывается льдом и оттаивает, а они все продолжают свои занятия. Со временем наемник начинает учить Кайрис основам: как правильно стоять — с полусогнутыми коленями, — как передвигаться, как уворачиваться, как правильно держать меч. Между собой они не сражаются, но мужчина заставляет ее доводить движения до автоматизма, повторяя так долго, пока не становится дурно. Однако занятия дают неожиданный результат: Мелирасс в трактире замечает, как она крепнет, а потому ставит ее в двери, вышибать буянящих и не желающих платить, а на конюшню берет нового парнишку. Кайрис все легче и легче даются нагрузки и все больше остается после них энергии. Наконец, как-то взглянув ей в глаза, наемник улыбается и говорит:

— Пора.

Глава 8. Переплавка

697 год, Оттепельник, 25

Кайрис стоит в пустоте.

Пахнет прогретой почвой, травой, а еще — ее собственным потом. Каждый звук, запах, оттенок мира ощущается остро, будто лезвие ножа. Ветер доносит цокот копыт со стороны дороги и шорох листвы. Иногда кажется, что если простоять так еще, то Кайрис услышит, как бегут муравьи или растут ветви. Надо же, как много замечаешь, если отобрать у тебя глаза. У Кайрис они сейчас завязаны грубой повязкой, узлом давящей затылок. Внимание начинает расплываться, и Кайрис вновь сосредотачивается на мече. На том, как пальцы охватывают шершавое дерево. На его весе. На ощущении, что меч — продолжение руки, чутко реагирующее на даже легкое движение. Или, как Вел говорит, оружие — и есть рука. Тем более во второй сейчас лежит гладкий камень, который ни за что нельзя уронить.

— Сейчас меч для тебя и сердце, и глаза, и бог, и матушка, — вещает наемник негромко, но четко, будто впечатывая слова в сознание. Его голос доносится отовсюду, то громче, то тише, потому что Вел двигается. — Помни: наемник всегда между девкой и мечом выберет меч.

Кайрис взвешивает камень на ладони. Так и хочется выкинуть его и схватиться обеими руками за рукоять или хоть помочь себе как-то при увороте, но нельзя. Она отстраненно думает, хороший ли это знак, что наемник сказал ей свое имя, и тут же себя одергивает. Не время отвлекаться. Поток воздуха касается разгоряченных щек, как бабочка крылом, и Кайрис вся машинально напрягается, хотя и знает, что это не имеет смысла. Она все равно не успеет отреагировать. Губы вздрагивают, и в этот момент плечо обжигает болью, заставляя пошатнуться и почти выронить камень. Кайрис чуть отклоняется, пытаясь удержать равновесие, и сжимает пальцы. Вел движется так тихо, что она все еще не может вовремя его услышать, чтобы уклониться, но теперь хотя бы научилась предугадывать удар по колебанию воздуха.

Дыхание сбивается, и Кайрис заставляет себя опять дышать мерно и редко. Учась сражаться вслепую, она первое время сильно путала верх и низ и действовала слишком неуверенно, а сейчас все легче сохранять спокойствие. Локоть вдруг коротко жалит, и Кайрис сразу понимает, что это значит: опять выставила его вперед. Первое время даже в обычном сражении допускала эту ошибку, забывая уводить его с линии удара после завершеного выпада или парирования. Но, набив пару синяков, от дурной привычки избавилась. Все-таки боль оказалась самым лучшим учителем. А как первое время запястья ныли от маханий вроде бы легким тренировочным мечом... В этот раз удар приходится на руку, и Кайрис едва успевает удержать покоящийся на ладони камень. Слышно, как Вел хмыкает, и все затихает. Опять отвлеклась. Она пытается собраться, повторяя про себя, как молитву: побеждает тот, кто подлее всех. Побеждает тот, кто подлее всех. Но никакие уловки не приходят на ум, когда Вел так наседает.

Кожу обдаёт потоком воздуха, и Кайрис отклоняется в сторону, но не успевает совсем чуть-чуть — чужой меч жалит плечо, которое она не увела из-под удара. В темноте каждое движение ощущается совсем иначе. Оно словно оставляет под веками огненный след, появляясь из ниоткуда. Особенно остро это ощущается из-за того, что переступает с места на место Вел совершенно бесшумно, как бы тщательно Кайрис ни вслушивалась.

Она тянет воздух сквозь зубы, и горячий поток щекочет небо. Поднимаемая движениями пыль оседает на лице и губах. В отсутствие глаз ориентироваться выходит только на звуки. Зилай! Нужно постараться услышать или хотя бы почувствовать... Вел гоняет ее уже столько времени, а результатов нет. Колени дрожат, и мышцы ноют, но Кайрис всеми силами заставляет себя оставаться на ногах. Посторонние звуки, боль — все это отвлекает. Кайрис делает медленный вдох и подставляет лицо ветру, как бы обращаясь внутрь себя и одновременно сливаясь с окружающим миром. Кожу еще несколько раз обжигают пропущенные удары, но в этот раз Кайрис остается на месте. словно швея, перебирающая нити, она ищет нужный звук — и вдруг находит. Едва различимый хруст земли.

Еще до того, как начинает колебаться воздух, Кайрис крепче стискивает рукоять меча и, метя туда, откуда идет звук, делает короткий выпад. И впервые попадает не по пустому месту. Неожиданная атака выбивает из Вела тихое шипение, и это наполняет Кайрис такой радостью, что это чувство на долю мгновения захватывает ее всю, целиком. Вел тут же выбивает из ее пальцев меч, а сжав руку, держащую камень, Кайрис понимает, что та пустая. Она вздыхает и начинает медленно стягивать повязку.

— А ты учишься, щенок, — говорит Вел. — Но помни про контроль — только потеряешь его, и...

— Тебя щелкнут по носу, — бурчит Кайрис, жмурясь.

Она уже знает все фразочки Вела наизусть. Солнечный свет бьет в глаза, и Кайрис продолжает утирать выступившие слезы, пока круги под веками не исчезают. Наконец, она открывает глаза. Все чувства наваливаются разом, будто водный поток, прорвавший плотину, и какое-то время Кайрис чувствует себя оглушенной. Вел сидит возле своего любимого валуна, развалившись, как какой бездельник аристократ на кресле. Наемник одной рукой поглаживает Шило, а другой подкидывает оброненный Кайрис камень. Наконец, откладывает его в сторону и ловко откручивает рукоять, высыпая немного порошка прямо на ладонь. Прикрывает глаза и резко, с шумом втягивает носом. Лицо Вела дергается, кривится, будто глиняное, а потом на нем расплывается довольная улыбка.

Кайрис с отвращением прищуривается и отворачивается, принимаясь отряхиваться от земли.

— Чего вылупился? Сам не святой, — насмешливо щерится зубами Вел, и Кайрис не успевает ощутить угрозу прежде, чем он запускает камнем в ее сторону. Спину тут же жжет. — В следующий раз это будет голова, щенок.

Кайрис недовольно трет ушиб рукой:

— Вообще-то, у меня есть имя...

— Ах, ну конечно! — Вел посмеивается, прикрыв глаза. — Наемник — это в первую очередь меч. Без него ты как король без короны, какое тебе имя? Давно пора раздобыть собственный, а то все палками да палками. Или пальчик боишься поранить, хе-хе?

Вел всегда смеется по поводу и без, когда нанюхается порошка. Кайрис это раздражает, как и его привычка по-дурацки трясти плечами и скалить зубы от хохота. Но поделаться с этим ничего не выйдет, так что она просто уходит, обронив парочку ругательств себе под нос. И все-таки — какой бы язвой ни был ее учитель, он прав. Почему бы действительно не заглянуть в оружейную лавку? На многое Кайрис рассчитывать не может, но если продать что-то из запасов, то это даже будет вполне добротная сталь. Ее собственный меч... Кайрис невольно испытывает предвкушение, как ребенок перед походом на ярмарку.

Некоторые зовут отвар, способный изменить голос, переверткой. От него ты будто

смотришься в чужое зеркало — вот какое чувство. Молоденькие девушки зовут его жгучим соком. Мальчишки — пугачем. Старухи — диким снадобьем. Отвар делают из корней двух сорных трав и листа камейника. Корни мелко нарезают, бросают в воду, туда же — плотные жесткие листья темно-зеленого цвета. Когда вода кипит, она меняет цвет, становясь желтой, как цыплячий пух, а остывая — темнеет. И издали можно услышать, как отвар пахнет — будто дымом и полевой горечью. Ворожеи зовут его двутравным. Наемники — горлодером. Воры — лгунишкой. Но как ни назови, это не меняет сути: Кайрис начала забывать, как звучит ее голос.

Она стоит, привалившись к деревянной балке конюшни, и чувствует лопатками идущее от дерева тепло. Запах навоза, сена и лошадей — Кайрис даже успела к нему привыкнуть, поэтому все еще приходит сюда иногда. Подумать, привести мысли в порядок и очистить голову. Стеклянная склянка с отваром катается между пальцами. Кайрис наблюдает, как жидкость внутри перетекает с бока на бок, как искажается пузырь воздуха. Надо бы выпить, но она медлит, скользя взглядом по стенам, по дремлющим лошадям с толстыми крепкими ногами, по вилам в углу и сложенным вдали седлам и другой сбруе. Тут взгляд падает на пятно света, и будто насквозь пробирает. На какое-то мгновение кажется, что она видит силуэт чайки.

Кайрис отводит глаза, но пятно стоит перед внутренним взором, заставляя мысли вертеться, как птичью стаю. Картинки прошлого проносятся мимо, пока не останавливаются на умиротворенном лице младенца и проклятом родимом пятне. Кайрис обещала себе не вспоминать, но падает вглубь воспоминаний, не способная вырваться.

На самой верхушке Храма — статуя птицы, выдолбленная из камня. Чайка сидит недвижимо, расправив крылья, и ее цепкий холодный взгляд впивается в любого будто когтями, а яркий солнечный свет стекает по перьям скульптуры и льется на массивные ступени. Кайрис помнит, как опустила на них ворочающиеся тельце. Помнит: целовала чужое существо в лоб, и губы словно пекло. Последний поцелуй за всю ее следующую жизнь, наверное.

Где он сейчас, ее медленный яд?

Сироты учатся при Храме. Там же многие и остаются, кто-то же идет в подмастерья, кто-то начинает воровать и побираться, девок замуж берут, а кого нет — тому туда же в Храм дорога. Прославляют богиню. Кайрис пытается представить, куда занесли крылья Конрия? Вот его нашли, забрали, поручили какой-то девушке, тоже брошенной. А что будет потом? Будут учить грамоте и чему там еще положено? Он останется там или отправится дальше? Представляет его моряком, кузнецом, наемником, пекарем, жуликом... Миг — и все возможно, пока не сделан выбор.

Она глубоко вздыхает и подносит склянку с отваром к губам, прикрыв глаза. В нос ударяет резкий запах горячей травы.

— Эй!

Рука вздрагивает, и Кайрис проливает добрую половину себе на рубаху. Но, к счастью, не все: отвар скатывается по горлу горячим комком и падает в желудок. Язык и горло мигом немеют, отнимаясь, так что первые пару мгновений она не может произнести ни слова. Поэтому молча пялится на нового конюха, пытаясь продышаться. Онемение проходит, и горло начинает щипать. Кайрис закашливается, пряча руку со склянкой за спину. Раздается шорох — конюх переступает с ноги на ногу. Широкий в плечах, с немного косыми ногами, он напоминает медведя. Зато лицо такое, что все девки наверняка бегают. Изобразив на лице

спокойствие и преодолев внутреннее сопротивление, Кайрис протягивает конюху руку.

— Голдан, — хрипло представляется она.

Голос будто понемногу оттаивает, все лучше и лучше повинуюсь.

— Сергетон, — говорит конюх, ответив на рукопожатие. Чужие пальцы сжимают слишком сильно, до боли. Кайрис с трудом удаётся не поморщиться. — Ты что это пил, не лгунишку часом?

Неожиданный вопрос застаёт врасплох. Кайрис чувствует себя так, будто её выбили из седла. Лицо удаётся сохранить с большим трудом. Незаметно прижав руку со склянкой к бедру, она заставляет себя расслабленно хмыкнуть:

— Не. Напился — и вот... — тянет Кайрис легкомысленно.

Не совсем кривит душой — отвар, проясняющий разум, действительно есть, только она не умеет его готовить. Сергетон щурится, но кивает: мол, со всеми бывает, знаем. Они перекидываются парой слов и расходятся. Пока Кайрис идет, она явственно ощущает его взгляд, направленный на спину, и это заставляет напрячься. То, как Сергетон назвал отвар и то, что он о нем вообще в курсе, делает конюха опасным. Придется быть вдвойне осторожнее.

Если сравнивать город с деревом, то «Змеиное яблоко» расположено на скрюченной кривой ветви в самой тени, совсем низко у земли. Однако, отсутствие света не мешает яблочку спеть. Когда Кайрис только начинала тут работать, она этого не понимала, но грязные улочки притягивают убийц, воров, шарлатанов и им подобных. Впрочем, обычные мастера тоже встречаются. Кайрис даже запоминает парочку мест с оружием, и теперь это знание ей пригождается.

Правда, проблемы вылезают оттуда, откуда Кайрис их не ждёт. Несмотря на попытку отмыться от пота и привести в порядок волосы, она все еще выглядит подозрительно в ставшей не по плечу одежде с заплатами. Поругавшись с парой лавочников, Кайрис наконец ловит чайку за хвост. В очередной раз открыв дверь, она не встречает попыток выпроводить. Правда, и лавка выглядит похуже остальных, но потраченное на поиски время делает Кайрис менее придирчивой. Она проходит внутрь, ударившись о низкий проход и негромко выругавшись себе под нос.

Внутри оказывается темновато. Вместо окон в лавке обнаруживаются прорубленные под потолком щели. Кайрис трет затылок, привыкая к царящему внутри полумраку и разглядывая силуэты мечей на оружейных стойках. От шума просыпается дремавший за стойкой подмастерье. Роняет зажатый в руке кинжал и подрывается, начиная угодливо улыбаться раньше, чем открывает глаза. Но стоит ему заметить Кайрис, как с его лица тут же слетает маска вежливости. Парень лениво опускается обратно на табурет и горбится, почесывая щеку.

— Что угодно, э-э-э, — не найдя подходящего обращения, подмастерье замолкает.

При ближайшем рассмотрении он оказывается едва ли не младше Кайрис. Бледный, с болячками, покрывающими лоб, и одухотворенным взглядом, парень похож на парадную шпагу, сделанную плохим мастером: пафосный, но неудобный эфес, сколы на лезвии и судьба лежать на красивой подушке всю жизнь и так и не быть использованным в бою. Тряхнув головой, Кайрис продолжает глядеть на него в ожидании продолжения, но парня опять начинает клонить в сон.

— Керерас! — окликают с другой стороны прилавка.

Мальчишка вздрагивает, выпрямившись и в этот раз удержав угодливое выражение лица

даже когда мастер отвешивает ему звонкий подзатыльник. Высокий черный крылан выходит из задней двери, бросив на Кайрис беглый, но внимательный взгляд. Видимо, ему этого хватает, чтобы оценить обстановку и, взмахнув крылом, добавить подмастерью второй подзатыльник, закрепляющий. Кайрис тоже рассматривает мастера. Если подмастерье словно парадная шпага, то хозяин лавки скорее старый добротный меч: он хорош, побывал во многих битвах, но больше его не достают из ножен, а оставляют только чтоб любоваться и вспоминать о былом.

— Что угодно уважаемому?.. — степенно начинает мастер.

— Просто Голдан, — торопливо прерывает его Кайрис. Обращение как к высокородной заставляет ее чувствовать себя не на месте. — Хочу купить какой меч попроще.

Мастер хмурится. В исполнении совершенно птичьей морды это выглядит забавно. В его жилистом теле узнается стать бывшего воина.

— В наемники податься хочешь небось. Думаешь, там сплошь пьянки да бабы? — бурчит он. В голосе мешаются пренебрежительность и уверенность в своей правоте. — Поночуешь в поле разок — и обратно запросишься, а не пустят. Война — она и в дождь с грязью, и в грозу. Смотри, принесешь меч обратно — не возьму.

Кайрис дергает плечом. И этот туда же, лезет поучать.

— Откуда знаешь? Может, грабить буду? — фыркает она.

Выходит чуть менее уверенно, чем хотелось бы. В конце концов, Кайрис и сама продолжает невольно крутить разные «если» и «вдруг» в голове. Но если единственный способ перестать бояться чудовищ — это отрастить такие же зубы, она отрастит. Лишь бы вновь почувствовать этот огонь в груди.

— Грабить, воевать — все одно. Спать с ножом под подушкой.

— И ты спишь? — хмыкает Кайрис, не сдержавшись и глянув на мастера с легким любопытством.

— Сплю.

В чужом голосе не слышно ни радости, ни сожаления, только какая-то застарелая усталость. Кайрис отводит глаза.

— Покажи мне мечи, мастер.

Тот вздыхает, потом осматривает ее уже по-другому: не как торговец, но как боец. Поизучав так немного, мастер манит Кайрис к прилавку, что-то тихо бросив подмастерью. Мальчишка оживает, птицей метнувшись за дверь, и начинает по одному выносить разные мечи. Пока Кайрис рассматривает их, мастер со знанием дела расхваливает каждый, как родных детей. Она осторожно пробует мечи на весу — скорее припоминая, что так делали другие, чем понимая, как определить качество. По большей части потому, что привычные для всех остальных движения — лишь прикрытие.

На самом деле, обхватив очередную рукоять, Кайрис тянется будто бы внутрь меча, на мгновение заставляя взгляд застыть. Это оказывается так же сложно, как разглядеть свое отражение в мутной воде. Или дергать за нить, оборванную с другого конца. Ни один меч не отзывается. Это оказывается так же тяжело, как нырнуть и удариться о лед. Общаться с оружием уже вошло в привычку, и это молчание не просто напрягает, оно почти пугает. А что, если странные, непонятные способности просто исчезли? Кайрис мрачнеет с каждым осмотренным мечом, все меньше и меньше задерживая на каждом взгляд. Очередной и выглядит неплохо, и удобно ложится в ладонь, но оказывается все таким же пустым. Не то.

— Не то, — озвучивает Кайрис.

Мастер качает головой, щелкнув клювом, и по его взгляду становится понятно, что еще чуть-чуть, и ему захочется почесать кулаки о кое-чью рожу. Кайрис подхватывает предложенный им зенийский одноручник, загнутый на конце, будто полумесяц. Причудливый, но такой же безголосый. К беспокойству присоединяется гнев, лизнув горло обжигающими языками. Почему они не желают отвечать на зов? Что, Кайрис их недостойна? Она сжимает рукоять меча, который держит в тот момент, и ее пальцы белеют от напряжения. К Зилаю!

Бросив меч на прилавок, Кайрис разворачивается и идет к выходу. Красная пелена застилает глаза, поэтому, когда что-то с грохотом падает с висящей на стене полки, она даже не удивляется. Только машинально поднимает с пола.

— Ты что творишь, Зилай тебя побери?! — возмущенно восклицает мастер.

Кайрис моргает, и пелена рассеивается. Пальцы касаются чего-то по-приятному шершавого. Она гладит еще раз, не задумываясь над тем, что делает, а потом опускает глаза. В ее руках лежит меч в дешевых ножнах с местной письменностью. Кайрис не узнает слова, скорее манеру писать буквы плавными линиями. Рукоять оказывается такой удобной, что Кайрис не удерживается и с тихим шелестом вынимает меч. Лезвие оказывается узким, как змеиный язык, и удивительно легким. Она делает пару пробных взмахов — просто чтобы продлить удовольствие. Лезвие бликует, и на свету проступает потертая гравировка: игла с вдетой в нее нитью. Кайрис, ни на что уже не надеясь, обращается внутрь себя.

«Эй».

Невидимая нить натягивается и вздрагивает, завибрировав. И Кайрис различает низкий женский голос.

«Ты говоришь со мной?»

Неожиданно острая радость застаёт Кайрис врасплох, и, мысленно обращаясь к мечу, она почти кричит.

«Ты меня слышишь!»

«Кричать так невоспитанно. Кто тебя замуж такую возьмет?»

Кайрис вздрагивает и роняет меч на пол.

— Ты надрался, что ли? — ругается подлетевший мастер, резко отобрав меч. Перья на его голове гневно топорщатся. — Не берешь ничего — выметайся! Тут тебе не ярмарка.

Кайрис бестолково взмахивает руками, будто пытаясь его поймать, и жадно провожает меч взглядом. Чужие слова будто вырывают ее из оцепенения.

— Я беру, — выпаливает она громче, чем следовало бы, и показательно срывает с пояса кошель.

Мастер подозрительно щурится.

— Какой же?

Кайрис вновь прилипает взглядом к полке, где едва различимо виднеются знакомые ножны. Будто ребенок, увидевший конфету на ярмарке, она вновь и вновь крутит одну и ту же мысль: мое.

— Этот!

Кайрис указывает пальцем. Мастер складывает руки на груди и качает головой.

— Забудь. Этот принесли на переплавку.

Лицо Кайрис застывает от услышанного. Ее бросает в дрожь, будто мастер как минимум сказал об убийстве человека. Хотя и тогда бы так не пробрало. Люди — им что? Их хотя бы ждут чертоги богов, которым они поклонялись. А что ждет меч — забвение? Кайрис

порывисто шагает вперед.

— Нет! Его нельзя переплавлять, разве ты не видишь? — она осекается. Откуда бы ему? Эта странная сила на грани безумия не знакома даже ей самой. — Отдай его мне и забирай весь кошель.

Кайрис протягивает руку с зажатым в ней мешочком. Тот ощущается приятно тяжелым, и отдавать его — как от себя отрывать, но другого выхода нет. В желтых глазах мастера мелькает жадный блеск, но в итоге от с легким сожалением качает головой.

— Этот меч не продается. У него есть хозяин, — бурчит мастер и немного грубо добавляет. — Проваливай, или я выкину тебя сам.

Кайрис видит, как под тканью рубахи угрожающе напрягаются мышцы и как перья на макушке вновь угрожающе поднимаются. Где-то в глубине усталых глаз проскальзывает холодный блеск — будто лезвие кинжала в темноте. Кайрис передергивает, но она не может отвести взгляда от полки с мечом. Это ведь хуже, чем убийство. Это не должно произойти. Она нерешительно топчется на месте, но тут мастер угрожающе разминает когтистые пальцы. Подмастерье за его спиной жметя к стене. А ведь в случае чего стражу позовут. И вскрыется, что браслет на руке Кайрис — подделка. С трудом утихомирив бесящийся в груди огонь, она выходит из лавки, хлопнув дверью. В груди сожаление мешается со злостью — на саму себя. Кайрис стала сильнее, но все еще совершенно бесполезна.

Время идет, а мысли о мече все не уходят, наоборот — прорастают глубже, давая крепкие корни в сознании Кайрис. Сейчас она как никогда жалеет, что не узнала его имени. Хотя что бы это могло изменить?

Ручка ведра впивается в ладонь, и Кайрис стискивает зубы, когда часть выплескивается на ноги. Вода такая холодная, что зубы сводит, и мыться в ней — сомнительное удовольствие, но выбирать не приходится. Поудобнее перехватив ведро, она идет прочь от колодца, пытаясь разглядеть в окружающей темноте очертания домов. Кайрис старается мыться ночью, потому что в кладовке, которую ей выделил Мелирасс, едва удастся свернуться калачиком, и бадья туда не влезет. Даже вместо кровати что-то навряде огромного мешка, набитого сеном, и когда идут дожди, сено впитывает влагу, и в воздухе стоит запах сырости. Поэтому, присмотрев себе местечко за трактиром, которое плохо видно снаружи, Кайрис время от времени моется там.

Мелкие камешки поскрипывают под подошвой. От умиротворения, приходящего в город вместе с черным покрывалом ночи, Кайрис невольно уходит вглубь себя. Она все еще не знает, что за сила заставляет ее слышать оружие, но после нескольких совпадений теперь это не кажется просто безумием или случайностью. И все-таки — раз у всех встречных мечей, отозвавшихся Кайрис, были имена, то как же зовут этот? Кайрис невольно вспоминает услышанный недавно голос. Все мечи до этого звучали, как мужчины, но не этот. Странно о таком рассуждать. И спросить некого. В родной деревне даже слухов о подобном не было.

Мысли блуждают в голове Кайрис, перескакивая с одного на другое, но неизменно возвращаются к простой истине: ей хочется этот меч. Не важно, какую цену придется заплатить: деньгами или кровью. Желание становится таким сильным, что кажется, его можно пощупать руками. Но что она может против матерого воина? Кайрис медленно наклоняет ведро, и вода выплескивается в деревянную бадью, окатив мелкими холодными брызгами. Кажется, теперь достаточно. Кайрис осторожно ставит ведро на землю и обходит трактир кругом, оглядывая каждый укромный уголок — будто зверь, проверяющий территорию. Всего одна ошибка может стоить слишком многого. Но вокруг стоит сонная

тишина, и даже пьяных криков не слышно. Сделав глубокий вздох, Кайрис скидывает одежду, складировав ее неровной кучей прямо на земле. Стирать нет смысла — все равно не успеет высохнуть. Накопить бы на вторую пару вместо порванной...

Как только на ней не остается одежды, Кайрис быстро залезает в бадью. От холода моментально сводит мышцы — он пробирает прямо до костей, будто ледяные иглы. Но Кайрис понемногу к такому приноровилась, поэтому даже не дожидается, пока привыкнет к воде, и сразу же начинает тереть кожу. Порошок, который используют местные, оставляет блестящий след, как от улитки. Быстро пройдясь по телу, Кайрис начинает ополаскиваться.

Резкий шорох заставляет ее подавиться воздухом и застыть, машинально присев, чтобы с головой скрыться в бадье. Кайрис испуганно вжимается в стенку, ощущая шершавое дерево голой кожей. Ее глаза скачут вокруг, выискивая угрозу, но ничего не замечают. От страха бросает в жар — даже холод воды перестает ощущаться. Показалось? Или просто кошка мимо пробежала? Прижав руку к груди, в которой птицей мечется сердце, Кайрис пытается успокоить дыхание. Она облегченно выдыхает, выпрямляясь, и в это мгновение краем глаза замечает мелькнувшую позади длинную тень. Кайрис вздрагивает, выплеснув часть воды на землю, но, когда она оборачивается, то никого не обнаруживает. Только лунный свет скользит по домам.

В этот раз она не осмеливается вылезти, пока губы не синеют от холода, а тело не начинает трясти так сильно, что зубы стучат. Только тогда Кайрис быстро выбирается, набросив одежду на мокрое тело и даже не пытаясь вытереться, и убирает бадью. После она прохаживается вокруг в надежде найти чужие следы, но везде оказывается чисто. Это совсем не успокаивает. Заснуть ей так и не удастся, и черные мысли, так и не пропавшие за ночь, тащатся за Кайрис на тренировку, будто злобная тень. Попытки успокоить себя, что это шуршала кошка или ребенок, никак не помогают. Кто бы это ни был, он видел Кайрис, и это знание изводит, как упирающийся в горло кинжал.

Наверное, поэтому тренировка совсем не ладится. Кайрис делает глубокий вдох и поудобнее перехватывает меч. Висящий перед ней мешок, будто издеваясь, слабо качается на ветру. Во время боя нужно быть собранной, даже такого вот не настоящего. Но в голове гудит, будто в улье, мешает концентрироваться. Кайрис замахивается, пытаясь повторить выпад, который Вел сказал ей отработать, но только вскользь задевает мешок, и меч улетает вперед. С шорохом повернув стопу так, чтобы придать позе устойчивости, Кайрис стискивает челюсти и замахивается вновь. Это нечестный бой сейчас, когда Кайрис приходится сражаться еще и со своими мыслями. Порыв ветра ударяет ей в спину, и веревка, удерживающая мешок, начинает раскачиваться, будто маятник.

Кайрис отводит руку чуть вбок, медленно выдыхая, и ее веки подрагивают. Она пытается поймать ритм, с которым мешок шатается в стороны, слиться с потоком и обернуть его в свою сторону. Перед мысленным взором загорается линия, будто предсказывающая траекторию движения. Кайрис примеривается, но сосредоточиться как следует не удается — мысли одна за другой забивают голову. Кто же это мог быть? Тогда, ночью, кто же это мог быть? Для кота шаги слишком тяжелые. Может, пес, или чья-то свинья отбилась... Кайрис мотает головой, и линия исчезает, вновь сделав движения мешка хаотичными. Меч мажет, ударяя воздух там, где всего мгновение назад была цель.

Размах оказывается таким сильным, что Кайрис чуть не улетает следом. Придется выставить вперед ногу, чтобы затормозить. Обычно она легко входит в состояние отрешенности, охватывающее сознание, будто ледяные потоки, но сейчас тело не слушается.

Кайрис делает парочку кратких вздохов, пытаюсь вновь поймать нужное чувство. Надо собраться. Сейчас не время пустых размышлений. Тем более, это ведь мог быть какой бродяга, в конце концов. Отвратительно, но не опасно. Или...

Вдох. Выдох. Понемногу, будто неохотно, знакомая дуга вновь появляется, следуя движениям раскачивающегося мешка. Кайрис сильнее сжимает пальцы, рассчитывая нужный выпад, и коротко бьет мечом. В этот раз попадает. Мешок дергается, отлетев назад с глухим звуком. Веревка натягивается до предела. В воздух поднимается облачко пыли, приликая к разгоряченной коже. На губах Кайрис сама собой появляется довольная улыбка, и она на мгновение прикрывает глаза. В плечо что-то с силой ударяется, оттолкнув на шаг, и меч от неожиданности выпадает из рук.

— Дерьмо!

Мешок, ну конечно же. Вторая часть упражнения ведь уворот, а Кайрис встала столбом, вот и получила. Она раздраженно пинает какой-то мелкий камешек, не спеша поднимать оружие. В груди борются злость и расстройство.

— Ты что, влюбился, увалень? — Вел расслабленно приоткрывает подернутые мутной пленкой дурмана глаза.

Кайрис спешно поднимает тренировочный меч с земли, отряхивая его от пыли.

— Нет, — бурчит она с негодованием.

Вел с ухмылкой закладывает руки за голову, подставляя лицо солнцу, и выглядит при этом таким довольным, что хочется двинуть по роже.

— Значит, проигрался, — со смехом говорит он. — У щенков только две проблемы: бабы и карты.

Кайрис дергает плечами. Ее мышцы все еще напряжены, хотя тренировка уже кончилась. Только когда поток ветра овеивает горячую кожу, она начинает понемногу расслабляться. Кайрис устало вздыхает, и гнев будто выходит вместе с воздухом. Она поворачивает голову.

— Разве? — с сомнением хмыкает Кайрис больше из желания поспорить. — А как же смерть?

Вел отмахивается.

— Смерть — это не проблема, это ее последствия, — он поднимается на ноги одним слитным движением и с хрустом разминает пальцы. — Кстати, говоря о проблемах: ты достал меч?

Кайрис морщится, как от боли. Меньше всего хочется признавать поражение перед таким ублюдком, как Вел, но врать смысла нет — все равно нечего показать в подтверждение, если Вел потребует. А он обязательно потребует.

— Нет, — качает она головой.

Вел подходит ближе, мягко ступая по земле, и смотрит на Кайрис сверху вниз. В чужом взгляде сквозит презрение.

— Какой же из тебя наемник? — сплевывает он себе под ноги, ухмыляясь. — Мы стоим на месте из-за того, что ты не можешь переступить через эти глупые принципы, которые всем вбивают с пеленок. Терпеть такое не могу. Слушай сюда: я дам тебе задание. Выполни или проваливай.

Вел пускается в почти поэтические рассуждения. Порошок вечно вызывает у него странные порывы. Так, сократив и оставив только основную мысль, по мнению Вела Кайрис стоит перед дверью — законом, которому привыкла следовать. А ключик-то достать легко:

всего лишь нужно забраться в чужой дом и взять одну вещь. Ничего такого, просто музыкальную шкатулку из гостиной. Плевое дело. От услышанного Кайрис берет оторопь.

— Украсть? Зилай попутал? — с возмущением восклицает она, будто Вел предложил ей лизнуть дерьмо.

Вел морщится, сощутив глаза. Маска беззаботного повесы слетает с него, обнажив непоколебимую волю и вместе с ней — нечто опасное, скрытое внутри, как меч в ножнах. Кайрис ясно понимает — сейчас Вел не шутит.

— О том и речь. Как ты сможешь убить, если даже украсть кишка тонка? — холодно спрашивает он.

Под чужим взглядом Кайрис чувствует себя, как под прицелом арбалета. Она невольно сникает, опустив голову.

— Это... это другое, — бурчит она себе под нос, отводя глаза в сторону. — Я не хочу стать вором.

— Укрavший ключ от двери жертвы убийца не становится вором. Тут то же самое, — усмеxается Вел, вновь становясь безвредным. — Наемнику мало уметь мечом махать.

— Да знаю я! — раздражается Кайрис.

Хотя и понимает, что ее чувства необоснованны, ведь Вел прав. Просто когда тебе объясняют, как ребенку, это выводит из себя. Тем временем Вел ждет ответа. Кайрис проходится ладонью по волосам, делает пару шагов взад-вперед, решая. Она чувствует себя ярморочным зверем, мечущимся по клетке. Кража кажется слишком низким занятием. Недостойным ее после всего, что Кайрис прошла. С другой стороны, ей не впервые нарушать закон.

— Это обычная проверка, хватит мяться. Или ты переживаешь, что обоссешься от страха, как щенок?

Это оказывается последней каплей, и чаша гнева переполняется. Огненная жидкость переливается за край, обжигая Кайрис горло, когда та огрызается:

— Я не боюсь.

И только сказав, понимает, что бежит прямо в мастерски расставленные силки, и поворачивать поздно. Щелк — и ловушка захлопывается. Вел улыбается развязно и почти что пьяно, но когда Кайрис заглядывает в его лицо, натывается на взгляд острый, как лезвие ножа. По спине пробирается холодок. Вел дергает уголками губ и растягивает их в хищную ухмылку.

— Вот и хорошо. Тогда слушай.

Приходится подчиниться. Все выглядит просто: вскрыть дверь отмычкой, которую Вел любезно одалживает ей на некоторое время, а потом прокрасться в гостиную — и сразу обратно, унося за пазухой шкатулку. В конце рассказа Вел чуть склоняет набок голову, всем своим видом выражая ожидание, что Кайрис откажется. И отлично знает, что этим заставляя ее добровольно шагнуть в капкан. Конечно, она и вида не подает, насколько хочется взять свои слова обратно. Не перед ним.

697 год, Оттепельник, 29

Вел натаскивает Кайрис несколько дней, пока не заявляет, что она готова. Тогда остается только дожидаться, когда на город упадет ночь, накрывая дома черным полотном. Когда красноватый шар скрывается за горизонтом, Кайрис поднимается, зашелестев лежанкой, стряхивает прилипшие травинки и осторожно выскользывает наружу. Стараясь не сильно шуметь, она скользит по замолчавшим улочкам. Однажды ей чудится длинная тень,

но стоит повернуть голову, как та пропадает, и вокруг слегка темнеет — ветер подгоняет облака. Тем лучше. Кайрис быстро движется дальше, стараясь держаться темных пятен и вслушиваться в любые отголоски звуков — не одна она «охотится» ночью и для других была бы самой легкой добычей. От предстоящего дела такое ощущение — как у кота, которого гладят против шерсти. Но ветер холодит затылок, придавая уверенности, и Кайрис сцепляет зубы. Она обязана суметь.

Оказавшись возле нужного дома, Кайрис замирает, прильнув к стене и чувствуя щекой холодную поверхность. Ее дыхание застывает в воздухе, дрожа у кромки губ. Вокруг пусто — только какая-то куча мерно вздымающихся лохмотьев под забором. Стражи нет — то, как бьются о бедро их мечи при ходьбе, обычно слышно издали. Теперь нет даже ветра. Кайрис пригибается и начинает красться вдоль стены, прижимаясь к ней боком и внимательно смотря себе под ноги. Дыхание дрожит у самых губ, а грудь едва вздымается. Нужно быть тише кошки, иначе все пропало.

Оранжевый лунный свет перетекает с крыш на верхние этажи. Кайрис чувствует слабое тепло остывающих стен и холодный воздух, захлестывающий затылок. Нужный дом принадлежит мелкому ремесленнику. Двухэтажный — может себе позволить, но стены облупившиеся, а крыша выцвела на солнце. Только на двери бледные желтые узоры по местным традициям. Поднырнув под окно, Кайрис обходит дом кругом, пока не оказывается у входа для слуг. Нервно оглядывается по сторонам, но никого не видно. Только сердце шумно стучит в груди. Пара глубоких вдохов, чтобы заставить себя успокоиться. Сейчас или никогда.

Она нащупывает замочную скважину, заскользив по шершавому дереву. Лунного света недостаточно, поэтому придется действовать частично вслепую. На мгновение смежив веки, Кайрис вспоминает объяснения Вела. То, как он показывал на погрызенном ржавчиной амбарном замке: вот так, а дальше — так. Как коряво рисовал срез. Велу хватило всего пары движений, чтоб амбарный замок щелкнул, а Кайрис возилась весь вечер. Но зато наловчилась. Правда тогда над ней не висела угроза получить кинжалом под ребро.

Чтобы взломать замок, приходится скрючиться и выгнуть шею, чтоб не заслонять и так слабый свет. Кайрис начинает дышать редко и медленно, как ее учили, и дрожащими пальцами достает отмычки. Металл мгновенно теплеет от жара ее кожи. Кайрис засовывает их поглубже и чуть поворачивает, осторожно, чтобы не было излишнего напряжения — может сломаться.

За спиной раздается хруст. Кайрис вздрагивает, выронив отмычку, и напугано оглядывается. Сердце сжимается до игольного ушка, но за спиной никого нет. Только маленькой тенью скрывается за углом кошка. Вдох-выдох. Кайрис прикрывает глаза, а когда открывает опять, ее руки больше не дрожат. Засунуть, прислушаться, повернуть. Раздается щелчок! Едва веря в свою удачу, Кайрис медленно приоткрывает дверь и заглядывать внутрь. Там оказывается еще темнее, чем снаружи. Сквозняк приносит запахи свежей каши и полыни. Слотнув, Кайрис проскальзывает внутрь и прикрывает дверь, прижавшись к ней спиной.

Пару мгновений не двигается, осматриваясь по сторонам и привыкая в темноте. Кровь стучит в висках в такт сердцу. Постепенно начинают проступать слабые очертания предметов: тряпки, ведра, корзины и метлы. Сбоку обнаруживается проход на кухню. Кайрис едва удается различить доносящийся оттуда треск очага. Она осторожно огибает кухню и замечает дремлющую у очага женщину в шерстяном платке. У ее ног лежит, свернувшись,

толстый полосатый кот. Когда Кайрис проходит мимо, он поднимает голову и провожает ее желтыми, как две монеты, глазами.

Дверь с противоположной стороны кухни оказывается заперта. Кайрис догадывается, что там находятся комнаты прислуги. Идет дальше, внимательно смотря, куда ставить ногу, чтобы не скрипнуть досками пола. Она проходит сквозь дверь, отделяющую часть дома, доставшуюся слугам, от хозяйской, и будто попадает в другой мир. Тут пол намного крепче, из светлого дерева, а на стенах виднеются портреты в резных рамах. Пройдя дальше по коридору, Кайрис наконец проникает в гостиную. Шаги тут же приглушаются — весь пол тут застелен пушистым ковром. Меж задернутых штор бьет янтарная полоска — луна успела высоко подняться. Мазнув взглядом по резным украшениям на стенах, Кайрис проходит к столу у дальней стены. Шкатулка оказывается тут: богатая, украшенная золотистыми узорами и мелкой красноватой крошкой.

Говорят, у вентонцев шкатулки вместо алтарей с деревянными чайками на ее родине. Кайрис как-то слышала одну легенду, что бог, которому тут поклоняются, был одинок до того, как оживил собственную тень и взял ее в жены. И, снедаемый тишиной и одиночеством, он сделал себе шкатулку, которая пела, стоило открыть крышку. Так в мир пришла первая музыка. Звучит как глупая сказка. Но в каждом вентонском доме, кроме узоров на стенах, принято держать шкатулку. И чем она дороже, тем состоятельнее хозяин.

Вздохнув, Кайрис тянет к шкатулке пальцы. Дерево оказывается приятным на ощупь и гладким, как змеиная кожа. Кайрис облизывает пересохшие губы, готовясь засунуть предмет за пазуху. В это мгновение голова раскалывается на части от боли. Пальцы выпускают шкатулку, и та падает на пол.

— Ах ты сукин сын! — ругается грубый мужской голос. — Сейчас стражу позову — мало не покажется!

Кайрис цепенеет. От страха она перестает чувствовать ноги, поэтому, когда очередной удар обрушивается на плечо, ей не удается устоять. Черная тень, выросшая над ней, заслоняет собой лунный свет. Оранжевый контур подсвечивает чужую фигуру, будто пламя. Кайрис вскрикивает, дернувшись всем телом и попытавшись увернуться. Но ей не удается. Удар пронзает живот, отозвавшись острой болью. Захрипев и почти ничего не видя сквозь пелену выступивших слез, Кайрис сворачивается клубком, закрываясь руками.

До нее начинает медленно доходить, кому принадлежит это лицо. Хозяин. Спустился на шум или по нужде. Зилай побери, все пропало! Дышать получается через раз. Кайрис съеживается, вдруг осознав, что до прихода стражи может не дожить. Не важно, сильнее ли хозяин ее, но если сейчас она не встанет — все потеряно. Тело сводит жаркой волной, и каждый вдох отдается в животе болезненной пульсацией. Кайрис напрягается всем телом, но ей удается только оторвать от пола одну ногу, чтобы сразу же уронить обратно. Чужая нога проходится совсем рядом, задев бедро.

— Ты у меня дерьмо жрать будешь! — все сильнее орет хозяин, осыпая Кайрис градом пинков.

Мир блекнет, словно теряя цвет, только мелькают перед глазами красные вспышки от каждого меткого попадания. Кайрис поднимает голову, и она клонится набок, а воздух кажется сухим и твердым. Хозяин заносит ногу, и боль затапливает Кайрис еще до того, как тупой носок врежется в бок. Свистит воздух, и удара не избежать. Кайрис сжимает зубы, чтобы не заскулить, но боли не следует. Кайрис распаивает глаза. В ушах стоит звон, сквозь который все остальные звуки проникают, как сквозь толщу воды.

— Дорогой, что случилось? — сонно спрашивает женский голос.

Иногда все решает одно короткое мгновение. Хозяин поворачивается к Кайрис спиной, и она напрягается всем телом, толкнув ногами деревянный столик. Вскакивает на ноги в тот самый момент, когда хозяина с грохотом сбивает с ног. Пол будто кренит на бок, как палубу, но ей удается удержаться и протиснуться в проем, чесанув плечом по дверному косяку. Темнота в коридоре будто пульсирует, а мышцы горят, но Кайрис понимает: если она остановится, то вновь упадет и уже не встанет. Шум за спиной нарастает, и она срывается с места, вывалившись на улицу, и огромными прыжками несется прочь. Дыхания не хватает, и все вокруг смазывается в сплошной поток из оттенков серого. Кайрис не останавливается, пока не перемахивает забор и не оказывается в чьем-то полузаброшенном саду. Там силы оставляют ее, и Кайрис заваливается прямо в кусты, проломив пару веток, и больше не двигается. Кажется, если за ней придет сам Зилай, Кайрис не сможет даже открыть глаза.

Трава под щекой оказывается холодной и влажной, только колют щеку обломки веток. Где-то под животом утыкается камень, но сил перевернуться и убрать его нет. Кайрис лежит, чувствуя, как в голове разрастается пульсация, будто змея, расправляющая кольца. Мышцы будто звенят от напряжения. Но чем дольше Кайрис лежит, тем быстрее боль и жар утихают, идя на спад. Холодный ветер ерошит волосы на затылке, забираясь за шиворот и принося разгоряченной коже успокоение. Кайрис со вздохом вытягивается, и прохладная нега падает на нее и погребает под собой.

В следующий раз Кайрис приходит в себя от того, что на ее щеку капает вода, стекая с блестящих листьев. Она поворачивается на спину, открыв рот, и ловит капли языком, наблюдая, как по ветке ползет мимо улитка. Тело ломит, будто его пережевал медведь и выплюнул обратно. Кайрис стонет и медленно садится на корточки. Голову тут же стискивает болью, как обручем. Мир вокруг ужасно кружится. Кайрис с трудом сдерживает волну тошноты. Сглотнув, она проходится распухшим языком по губам и заставляет себя встать. Синяки и ушибы тоже отзываются болью.

Кайрис морщится. Опершись о дерево, она прижимает ладонь к макушке и понимает: не получилось. Она провалилась, как какой-то неудачник. Кайрис размахивается, бьет кулаком по дереву — и шипит от боли. В последний раз окинув сад мутным взглядом, она кое-как перелазает забор и оглядывается по сторонам. Грязные улицы совсем незнакомы, но если идти на север, то можно выйти к центру и уже оттуда добираться до дома. Кайрис так и поступает. В итоге ее все-таки выворачивает где-то на середине пути. Горло еще пару раз дергается, но в желудке больше ничего нет. Кайрис вытирает рот тыльной стороной ладони и разгибается.

Мимо проходит ухоженная женщина, держа мальчика за руку. Они оба кривятся, и Кайрис представляет, как выглядит со стороны: в синяках и мокрой, грязной, порванной одежде. Не было бы так плохо, точно бы передернуло, но сейчас ей плевать. Сил хватает ровно на то, чтоб добраться до трактира, упасть на лежанку и провести весь вечер, зализывая раны. Только когда ей становится лучше, Кайрис вспоминает, что еще нужно отчитаться перед Велом. И в этот момент становится жалко, что хозяин ее не добил.

На встречу с Велом Кайрис идет, как побитый пес — с опущенной головой. Тот успел раздобыть где-то трубку. Раньше Кайрис ни разу не видела, чтобы он ее курил, однако этим утром она обнаруживает Вела сидящим на камне и тщательно перемешивающим табак с порошком. Солнечные пятна скользят по чужому лицу, а пальцы мелькают так быстро, что едва удается разглядеть очертания. Остановившись, Вел придиричиво разглядывает ладонь на

свету а потом одним махом высыпает все это в трубку и тянется за огнивом.

При ближайшем рассмотрении становится видно, что трубка грубо сработанная и кривая, явно дешевая, но Вел любовно гладит ее, как женскую талию. В воздухе вспыхивают искры, и вверх с запозданием начинает тянуться густой рыжеватый дым. Он чуть подрагивает на ветру, будто старое знамя. Вел сидит, слегка приоткрыв рот и закрыв глаза. Над его головой будто складывается из дыма узорчатое полотно. Кончик языка Вела едва заметно подрагивает. Кайрис невольно морщится, но так и не может выдать ни слова.

— Ну? — хрипло торопит Вел, едва шевеля языком.

Она резко выдыхает, собираясь с силами. В одно мгновение становится так стыдно и тошно, что щеки против воли начинают гореть.

— Я провалился. Попался хозяину, и он... — говорит Кайрис, с трудом заставляя свой голос не дрожать.

— И он избил тебя, как паршивого котенка, — заканчивает Вел, колюче рассмеявшись. Его плечи мелко подрагивают от охватившего мужчину веселья. — Может, пора вернуться к папочке и копаться в земле, как положено? Наемника из тебя все равно не выйдет.

Чужие слова обжигают, будто раскаленное железо. Кайрис ужасно, невыносимо хочет возразить, но вместо этого молчит, потому что сказать ей нечего. Правда жжет сильнее огня. Вел задирает голову и вальяжно выдыхает тонкую рыжеватую струю, которая тут же растворяется в воздухе. Его лицо разглаживается, а веки мелко подрагивают, как крылышки мотылька. Еще немного насладившись дымом, он скашивает на Кайрис глаза.

— Беги к мамке под юбку, щенок. Я не буду тебя учить.

Кайрис вздрагивает, будто Вел ударяет ее плетью.

— Почему? — невольно вырывается у нее, и это звучит так жалко, что Кайрис тут же жалеет о сказанном. С отчаяньем утопающего она делает шаг вперед, будто это поможет переубедить. — Как же спор? Обещание? Ты не можешь просто меня выкинуть!

Вел насмешливо поворачивает в сторону Кайрис голову и вдруг выдыхает клубы дыма ей прямо в лицо. Кайрис отшатывается, глаза начинает щипать, а голова становится легкой и кружится. Сквозь рыжую завесу кажется, что на его лице мелькает что-то, близкое к отвращению.

— Почему? Потому, что ты слабак, — жестко припечатывает Вел.

Он все еще совершенно расслаблен, как мешок с картошкой, и ни единый жест, ни поза не выдают угрозы. Это выглядит так, будто Вел не видит смысла напрягаться ради такой букашки, как Кайрис. Она стискивает кулаки.

— Нет! Я не уйду! Дай мне другое задание, я обещаю, я справлюсь, — с надрывом просит она, позабыв об остатках гордости.

Вел качает головой, и на мгновение дымка, подернувшая его глаза, спадает. Кайрис замечает, что за ней прячутся две острые льдинки. Это невольно отрезвляет. Кайрис замирает, и ее плечи медленно опускаются. Отступить сейчас — проиграть войну. Но, похоже, эта битва изначально была проиграна. Что может щенок против матерого волка, даже если тот сидит на цепи? Кайрис невольно склоняет голову, разрывая взгляд, но тут же скидывает обратно. Нельзя сдаваться! Только не сейчас, почти дойдя до цели. Решимость внутри борется со страхом и бессилием.

Вел, будто прочитав Кайрис, как ворожея — знаки на воде, вздергивает бровь. Он ничего не говорит, но в холодных глазах ясно читается: «Ну-ну, давай, попробуй укусить меня». Что-то невыразимо меняется в чужом лице: уголки губ, тень эмоции в глазах, поза —

но Кайрис четко ощущает, что Вел над ней насмехается. Это оказывается решающим, перевесив чашу весов. Кайрис сжимает челюсти, и злость охватывает ее целиком.

Вел расслаблен. Он не ожидает нападения. Даже матерого волка можно застать врасплох. Глаза застилает пеленой, дрожащим красным маревом. Чуть повернув стопу, Кайрис сжимает пальцы в кулак и со всей силы размахивается, метя в голову. Она рассчитывает все, как учили: и силу удара, и угол, и разворот корпуса. Рука легко взмывается в воздух, но там, где всего одно мгновение назад была голова Вела, вдруг оказывается пусто. И тут колени резко пронзает болью, земля взлетает, и Кайрис с грохотом падает на спину. Воздух вышибает из легких, грудь сдавливает, и несколько мгновений уходит на то, чтобы хоть как-то вдохнуть. Захрипев, Кайрис невольно прикрывает живот, но ответного удара не следует. Закашлявшись, она наконец-то рвано втягивает воздух, смаргивая выступившие на глазах слезы. Понимание запоздало затапливает разум: с чего она вообще решила, что это работает? Это как напасть на волка с примитивным кинжалом, вместо того, чтоб вырыть яму с кольями.

Вел стоит над ней, скорее скалясь, чем улыбаясь, и его глаза презрительно шуряются. Жилистый, ловкий, он даже не вспотел и трубку не выронил. С показательной беззаботностью затянувшись, он поворачивается спиной, будто показывая, какого мнения об угрозе, которую Кайрис способна представить.

— Зубы отрасли, прежде чем ими шелкать, молокосос, — бросает Вел, в последний раз выдохнув две струи носом и принявшись вытряхивать трубку. А потом снисходительно оглядывается через плечо на то, как Кайрис возится в пыли, пытаясь встать. — Наемничек.

Придирчиво осмотрев трубку и запихнув в карман, Вел идет прочь. Кайрис понимает, что должна встать, сказать хоть что-то, попытаться остановить, но вместо этого молча смотрит в удаляющуюся спину, на подрагивающие от смеха плечи. Только когда чужая фигура пропадает в паутине переулков, Кайрис заставляет себя встать. Мир стоит на месте, но ей кажется, будто небо упало на голову.

А ближе к вечеру она вновь обнаруживает себя в чужом саду. Кайрис и сама не знает, зачем туда возвращается. Как в бреду перемахивает через ограду и осматривается по сторонам. Сад оказывается полузаброшенным, словно хозяева разорились и распустили всех слуг. Неровные, похожие на нестриженных овец кусты захватили почти все пространство, лишь местами виднеются чахнувшие розы. В обрамлении из гладких речных камней распростерт мутный пруд, будто покрытый темно-зеленой маслянистой пленкой. Парочки камней не хватает, и в пустых прорехах виднеются клочки мха.

Кайрис опускается на землю, наклонившись над прудом, и ее обдаёт поднимающейся со дна прохладой. Пробирает до костей. Интересно, дома ли хозяева? Так не понять: крыша вся прохудилась, а ступени поросли сорняками. Но пока никто не спешит прогонять Кайрис, поэтому она не уходит. Свежий ветер проходится по шее и обдувает спину. Кайрис протягивает руку вперед и осторожно касается воды кончиками пальцев. Поверхность пруда оказывается неприятной на ощупь, но Кайрис погружает руку глубже, пока не достает до чистой воды. Перебирая ту, как бард — струны, Кайрис уходит глубоко в свои мысли.

Что же делать? Ей казалось, что потеряв имя, дом, семью — все, что было, — она станет свободна и больше не испытает эту боль. Воспоминания затерлись, отступили. Стали будто чужими. Все это время Кайрис всеми силами старалась никого не подпускать, но сейчас, сидя над заброшенным прудом, она неожиданно остро ощутила, насколько одинока. Имя, дом — это не важно. Но у Кайрис нет даже меча. Вел прав: действительно, какой она

тогда наемник? Так, щенок, которого можно легко выкинуть и не считаться.

Все это время дорога была проста и понятна, но своим поступком Вел будто выдернул из-под ног землю. Лишил опоры. И теперь Кайрис не может понять, что делать дальше. Еще немного подержав ладонь в воде, она вытаскивает пальцы и вытирает их о траву. Все это время она барахтается, как лягушка в молоке из детской сказки. Можно найти нового учителя, заработать, продолжить бороться. Но что, если в этой истории молоко не станет маслом и лягушка утонет?

Кайрис вздыхает и поднимается на ноги. Носок сапога вдруг цепляется за что-то твердое и вспарывает землю. Зилай! Выругавшись, Кайрис опускает голову, но разглядеть ничего не удается. Приходится сесть на корточки. Раздвинув руками траву, Кайрис замечает, как что-то металлическое поблескивает на свету. Скорее пытаюсь занять себя, чтоб не думать дальше смурные мысли, чем из интереса, Кайрис тянет вымазанную в грязи вещь за край. Вытащить-то удастся, но чтоб как следует рассмотреть, приходится прополоскать в пруду. Поднеся находку на свет, Кайрис чуть не роняет ее от удивления вперемешку с испугом. Наверное, так чувствуют себя герои баек, столкнувшись со своим двойником.

Кайрис склоняет голову, выводя пальцами плавные линии потертой металлической фигурки. Земля забила во все выемки и впадины, так что очертания перьев смазались, но это и не важно. На ладони лежит раскинувшая крылья чайка, потемневшая от грязи и сырости. Такие обереги обычно носили благородные. Тем страннее встретить его на чужой земле, в заброшенном саду. Что с ней, твоей хозяйкой, жива ли? Кайрис взвешивает фигурку на ладони, и грудь заполняет болезненная смесь скорби, страха и — неожиданно — щемящего тепла.

Эта подвеска была на ее родине. Сопровождала хозяйку на праздник, пить морскую кровь, в храм, под венец, а потом — на корабль, оставляющий родные земли за спиной. На краткое мгновение Кайрис даже ощущает родство с незнакомой мозорийкой, оставившей подвеску ржаветь на земле. По своей воле или велению судьбы — теперь никто не узнает. Кайрис уже не верит в богиню, но не может заставить себя разжать пальцы и выпустить чайку. Уговаривает себя, что просто хочет продать недешевую вещицу, а не оттого, что просто не хочет ее выпускать.

Бушующие в груди чувства, всколыхнувшись, вдруг послушно улегаются. И Кайрис заставляет себя тщательно вспомнить то, что предпочитала забывать. Птичий хлеб. Длинные волосы. Ворожею с острым взглядом. Костолома, с которым они теперь так похожи. А на самом деле — просто себя. Кем бы Кайрис ни притворялась, чье бы имя ни примеряла как плащ — она обязана помнить настоящее. Земля под ногами перестает шататься, вновь становясь хорошей опорой, стоит только перестать сражаться с самой собой и просто примириться.

Может, Голдан и не сможет выкрасть меч и отвоевать право зваться наемником. Но Кайрис — она сможет.

Глава 9. Человек и меч

697 год, Посадник, 1

Говорят, если хоть раз шагнешь на темную сторону мира, то больше никогда не забудешь туда дорогу. Подныривая в щель между домами и исчезая в черном проеме, Кайрис понимает, что это правда. Дохнув сыростью и холодом, темнота поглощает ее, пропуская дальше. Кайрис ловко перемещается по узким проходам, здороваясь со старыми знакомыми. Те встречают ее с насмешкой во взглядах, мешающейся с легкой горечью. «Вернулся. Вы всегда возвращаетесь», — читается в них. Но сейчас это даже на руку. Перекинувшись парочкой слов со старожилками, Кайрис в итоге узнает, что хорошими отмычками сейчас заправляет Суслик.

Тот обнаруживается в одной из выдолбленных в стене ниш в очередном каменном мешке, и Кайрис с первого взгляда понимает: Суслик — новичок. Эта легкая опасливость, бегающие глаза, слишком маленькое количество шрамов и слишком молодое лицо — его выдает все. Тонкий, высокий, с вытянутым лицом и двумя крупными передними зубами, парнишка и правда похож на зверька, в честь которого получил кличку. Заметив Кайрис, Суслик резким движением головы откидывает челку со лба, будто пытаясь казаться расслабленной, чем есть.

— Что тебе? Дурманом не торгую, — скалится он.

Кайрис морщится, удержавшись от того, чтобы съездить по наглой морде. Этот домашний мальчик, еще недавно сбежавший из-под крылышка мамочки, совсем берегов не видит. И глаз наметать не успел. Холеное лицо, глупое бахвальство — долго не проживет. Кайрис открывает рот, обкатывая ответ на языке, когда вмешивается сидящий неподалеку старожил, раскуривающий трубку:

— Это Голдан, он бывалый. Дай ему хорошую отмычку, понял? — одергивает он мальчишку.

Суслик вжимает голову в плечи под чужим тяжелым взглядом.

— Платить все равно будет, — хмурится он.

Еще не успевшие окончательно огрубить руки вынимают из завалов отмычку и протягивают Кайрис. Та бегло осматривает товар и в итоге достает пару монет, которые Суслик ловко ловит и тут же прячет в кошеле. Не самая лучшая отмычка, но сойдет. Оббежав еще пару знакомых мест и разжившись нужной информацией, Кайрис уходит, провожаемая пристальными взглядами. Она даже ждет удара в спину, но того не следует. Никто не прощается — в молчании повисает невысказанное «еще увидимся».

Еще часть времени Кайрис приходится потратить на придумывание плана. От вездесущих двуногих крыс она узнает, что хозяин лавки ночует на втором этаже, как и полагается ремесленникам. Внизу спит только подмастерье, но если не шуметь, то он не должен проснуться. Значит, остается выгадать время, когда стража, делающая обход, будет как можно дальше, и взломать замок. Кайрис с удивлением понимает, что боится не столько попасться, сколько того, что будет слишком поздно. Но она надеялась, что меч еще не должны были переплавить.

Выждав, пока луна не зависнет ровно на середине неба, Кайрис накидывает на голову капюшон и, выбирая улочки потемнее, пробирается к нужному дому. Когда остается всего один поворот, она останавливается и, прижавшись к холодной стене, выглядывает из-за угла.

От остывшего камня веет сыростью. Кожа над верхней губой покрывается капельками пота от волнения, но улица оказывается пуста. Кайрис улавливает краем уха звук удаляющихся шагов — и больше ничего. Переждав для верности еще немного, она парой прыжков пересекает улицу и оказывается у двери. Ну, вперед!

Лунный свет едва-едва падает из-за спины, так что Кайрис на ощупь находит замочную скважину и вставляет в нее отмычку. Одной рукой придерживая натяжитель, она начинает медленно двигать отмычкой, выискивая нужное положение. Это чем-то напоминает ходьбу по тонкому льду. Пробеешь ногой, пока не находишь место, которое сможет выдержать твой вес, и только потом ступаешь. В первое время ничего не выходит — руки дрожат, и Кайрис вздрагивает от каждого звука. Но потом она берет себя в руки и медленно выдыхает, выпуская воздух сквозь приоткрытые губы. Пара движений, осторожный поворот руки — и раздается тихий щелчок. Приоткрыв дверь, Кайрис быстро проскальзывает внутрь.

С тихим шорохом ее отрезает от улицы, как бы подтвердив, что выбор сделан. Теперь, если поймают, никак не отвертишься. Лавка встречает влажной душной темнотой. Если б Кайрис не запомнила расположение предметов в свое прошлое посещение, то сейчас бы ей было худо. А так удается осторожно красться мимо едва выделяющихся слабыми очертаниями шкафов и оружейных стоек. Пару мгновений позволив глазам привыкнуть к освещению, она углубляется внутрь, чутко прислушиваясь к каждому шелесту и скрипу досок под ногами. Пока все идет как по маслу.

От волнения сбивается дыхание, и Кайрис сжимает челюсти, чтобы не выдать себя — только крылышки носа трепещут часто-часто. Как выглядит нужный меч — легко возникает перед внутренним взором, но из-за темноты приходится хорошенько поплутать, прежде чем пальцы осторожно смыкаются на холодной рукояти. Кайрис выдыхает, подняв искомое оружие, и поворачивается к двери. Еще чуть-чуть — и опасность останется позади.

«Воровка!»

Чужой вскрик вонзается в голову, будто игла, заставив вздрогнуть. Кайрис с трудом удерживает меч в руках, выругавшись — внезапно рукоять становится такой скользкой, будто вымазана маслом.

— Не буянь, — сипло шепчет она, оглядываясь по сторонам.

«А ну быстро поставила на место! Ишь что удумала! Девушкам вообще сражаться не положено!»

— Я не... — начинает возражать Кайрис, но сама себя прерывает. То, что меч не считает ее парнем, не самое важное. — Ты что, не соображаешь? Они же тебя переplавят!

Кайрис начинает звереть. И окружающая обстановка не добавляет ей терпения.

«Глупости. Кем ты себя возомнила? Думаешь, можешь слышать, значит...»

В другой стороне помещения что-то скрипит, и они одновременно замолкают — только слышно, как за окном носится по пустым улицам ветер. А потом совсем рядом раздаются шаги. До Кайрис с промедлением доходит, что они звучат не с улицы, а потом в воздухе падает неуверенное:

— Кто здесь? — в чужом голосе чувствуется дрожь, а потом кто-то добавляет уже увереннее. — Выходи, вор, а то стражу позову!

Кайрис узнает подмастерье. Вот же Зилай! Стараясь не шуметь, она одним слитным движением опускается на корточки, прижимая меч к груди. Тот сразу же начинает возмущаться, и приходится постараться, чтобы сосредоточиться. Стараясь дышать через раз и сжав губы с тонкую ниточку, Кайрис цепко наблюдает, как подмастерье, будто слепой,

бредет дальше по комнате. Даже лучину не зажег. То, как напугано парень вертит головой, отзывается легким уколом удовольствия. Кайрис чувствует себя затаившимся хищником, и это будоражит.

Впервые за долгое время она чувствует себя такой живой, будто весь мир сужается до одной точки. Дойдя до конца комнаты, подмастерье разворачивается обратно, трусливо подрагивая. Кайрис выжидает, пока тот не приближается настолько, что руку протяни, и можно схватить за штанину. Мгновения медленно сменяют одно другое. На контрасте с этим сердце стучит совсем быстро. Выждать... еще немного... Сейчас! Кайрис одним резким движением вскакивает, перехватив меч и быстро ударив подмастерье рукоятью по затылку. Другая рука подхватывает парня, зажимая рот. Чувство, что ты владеешь чужой жизнью, зарождается глубоко в груди, но насладиться им Кайрис не успевает. Жертва, так и не вскрикнув, обмякает и глухо падает на пол, подняв облачко пыли. Кайрис откидывает волосы со лба, пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

«Как ты могла? Положи меня обратно, ты, наглая девка!»

— Заткнись! — шепчет Кайрис.

Вновь опустившись на колени, она обшаривает карманы подмастерья и одновременно прислушивается. Тишина. Похоже, на втором этаже ничего не услышали. Ну все, медлить больше нельзя. Поживиться у парня оказывается нечем, поэтому, брезгливо утерев руки о штаны, Кайрис поднимается и тем же путем возвращается к двери. Когда она выскользывает в прохладу сонного города, сердце горит от ликования. Отойдя на достаточное расстояние, Кайрис все-таки не удерживается и вскрикивает, размахивая мечом:

— И-и-и-ху-у-у!

От собственного крика закладывает уши, а из ближайшего окна тут же выплескиваются помои. Привычно увернувшись и выругавшись, Кайрис отступает в тень. Но радость так и рвется наружу, поэтому она начинает насвистывать себе под нос моряцкую песенку. Что бы ни случилось потом, что бы ее ни ждало, сегодня Кайрис показала, чего стоит.

Кайрис сидит на заднем дворе, широко раскинув ноги. Поленья жестковатые, но они все равно лучше, чем земля. Крутанув запястьем, она медленно ведет рукой по воздуху, и солнечный свет играет на стали, стекая расплавленным золотом. Гравировка то тает в мягком сиянии, то вспыхивает вновь. Меч движется сквозь воздух легко, будто перышко. Время от времени налетает ветер, растрепывая волосы и заставляя мурашки пробежать по спине. Засмотревшись, Кайрис замирает от восторга совсем как ребенок. И почти невольно, в порыве восхищения, устремляется вглубь, обращаясь к мечу. Медленно, будто неохотно, он откликается — и словно ошетиливается иглами. Пару мгновений продолжается невидимая для остального мира борьба. Кайрис чувствует, как это заставляет все мышцы на мгновение напрячься, исчезнув так же резко, как появилось.

«И не надейся, что я буду тебе помогать.»

В то же самое мгновение меч как-то странно выскользывает, проехавшись по пальцам, и падает на землю. Кайрис вскрикивает, и на коже проступают капельки крови. Она морщится, выругавшись, и прижимает ладонь к штанине. Ну и как это вышло? Крепко же держала. Кайрис наклоняется и подбирает меч, враз стараясь как следует сжать пальцы. Кожу тут же начинает печь как от крапивы. Приходится бросить меч на колени. Кайрис озадаченно разглядывает его, не решаясь прикоснуться. Что за напасть? Слишком странно для совпадения.

«Ну что, получила?»

Меч буквально вибрирует, преисполненный злорадства. Вот противная сука! Кайрис кривится и тут же усмехается сама себе. Кто бы мог подумать, что ее клинок будет склочным, как старая бабка? Правда, до этого все встреченные ею мечи могли только говорить. Почему же этот буквально из рук выпрыгивает, как масляный?

— Я тебя, вообще-то, спасла, — наконец, говорит Кайрис, удостоверившись, что вокруг ни души. — В печь захотела?

К волнам злорадства, источаемым мечом, присоединяются колючие вспышки недоверия.

«Вранье. Если ты не вернешь меня обратно, я отрублю тебе руку».

Кайрис вздыхает, едва касаясь лезвия пальцами.

— Как ты это дела... — начинает она, подразумевая выскальзывание.

И вдруг вздрагивает. Ладонь обдаёт жаром, и Кайрис ловит меч, чуть не сверзившийся с колен, а потом понимает, что рукоять раскаляется, как вынутая из печи кочерга. Зашипев, Кайрис разжимает пальцы. Душу затапливает мрачное удовлетворение, ощущающееся неприятно чужеродным. И дураку понятно — это чувство принадлежит не ей, а мечу. Кайрис сжимает губы. Медленно, но неумолимо, с глубины груди начинает подниматься раздражение, с каждым мгновением становясь все сильнее. Она так рисковала, взламывала дверь, едва не попала — и все ради того, чтоб вместо благодарности чуть не получить ожог?

Злость достигает пика, и Кайрис, порывисто схватив меч, грубо запикивает его обратно в ножны. Раздается тихий лязг. Чужие чувства притупляются, но даже полностью выдворив их, Кайрис не успокаивается. Собственные мысли продолжают вертеться, как лопасти ветряной мельницы.

— Раз такая гордая, я тебя просто выкину, — опустив тяжелый взгляд на меч, цедит она. — Можешь хоть сгнуть, мне плевать.

До сознания будто доносится слабый отголосок страха, но так быстро исчезает, что можно подумать — показалось.

Сначала Кайрис думает, что до вечера отойдет, но за день злость в ней только укореняется. И мысли добавляют огня, словно сухие поленья. Может, она просто неспособна стать наемником? Как иначе объяснить постоянные препятствия на пути? Будто сама судьба говорит: поверни назад, брось, не твое это, девочка. Может, пора послушаться? Попытайся заработать на дом, сменить работу... Подобные размышления изводят Кайрис весь день, так что до конца работы она едва досиживает. Как только Мелирасс дает отмашку, Кайрис тут же сбегает, прихватив меч.

Ночной город охотно принимает в свои объятия. Ножны бьют по бедру, и в этом чудится похоронный марш. Кайрис так и не может понять, кого хоронит: меч, свою мечту или саму себя. Но необходимость обрубить и этот мост настолько сильна, что она перестает сопротивляться. Ничего, отболит. И больше никогда руки Кайрис не возьмут меча. Все, наигралась. Кажется, что клинок слабо дребезжит в ножнах, и она чувствует слабые щупальца чужой воли, протянувшиеся к ее разуму. На миг сомнения заполняют сердце Кайрис, но она тут же закрывается, запретив себе колебаться.

Впервые эти узкие, пропахшие помоями, чавкающими под ногами, улочки кажутся Кайрис настолько чужими. Она бредет, опустив плечи и медленно переставляя ноги. Сколько бы ни пыталась убедить себя, что просто старается не оступиться, она понимает: промедление это последняя попытка отстранить момент, когда руки выпустят меч, и тот

ухнет на дно. Внешне непреклонная, Кайрис оказывается почти погребена под гнетом внутренней борьбы, поэтому как-то упускает момент, когда все вокруг затихает. Она даже не сразу останавливается — делает по инерции еще пару шагов, вслушиваясь в тишину.

Вдруг откуда-то из соседней улочки выскакивают мужики в потрепанной одежде и в одно мгновение ока окружают Кайрис, наставив остро блеснувшие на свету клинки. Мечами назвать это ржавое убожество язык не повернулся бы. Кайрис невольно вздрагивает, попятившись, и острый кончик упирается ей в спину. Тот из оборванцев, что стоит напротив, с сомнением окидывает Кайрис взглядом.

— Денежки гони, — угрожающе требует он.

Кончик его клинка почти касается подбородка. Остальные двое не издают ни звука, замершие будто в ожидании команды. Вот дерьмо! Кайрис дергает рукой, чтоб выхватить меч, но в итоге только слабо шевелит пальцами и морщится. Куда там. Похоже, ей просто было суждено сдохнуть вот так, как бродяга, в канаве. Даже с мечом это не поменялось. Кайрис наклоняет голову.

— Радуйся, старая карга, — ехидно говорит она мечу с покорностью человека, ждущего смертной казни.

На лбу мужика проступает складка, когда тот непонимающе хмурится. Видно, так ничего и не разобрав, он решает, что Кайрис просто издевается.

— Че сказал? — злобно выкрикивает он.

Кайрис внезапно начинает разбирать смех. Все эта ситуация будто сошла со сцены театра шутов. Денег у нее нет, мечом она не может воспользоваться, а убежать не успеет: стоит дернуться, как получишь удар под ребра. Так плохо, что смешно. Вот-вот упадет занавес, и люди захлопают. Удивительно, но страх исчезает, когда приходит осознание, что все кончено и больше ничего от нее не зависит.

— Че слышал! — нагло отвечает она в приступе смелости, вызванной отчаянием.

Краска злости трогает чужое лицо, исказив, будто страшную маску. Кайрис вздыхает и прикрывает глаза, представляя ветер, колышущий травы, море, мерно качающее корабль, солнце... Не хочется, чтоб последним воспоминанием стала эта грязная рожа и вонь нечистот. И тут под глазами будто вспыхивают искры. Чужая воля мягко, почти ласково, касается Кайрис, окутывая разум. В голове против желания проносятся воспоминания: праздник, конюшня, озеро, храм... Кокон вокруг сознания на мгновение судорожно сжимается — и тает. Веки Кайрис вздрагивают, и она слышит раздающийся прямо внутри черепной коробки шепот.

«Возьми меня».

Кайрис кажется, будто ее разбило на осколки и за мгновение собрало обратно. Этого хватает, чтобы в последний момент, изогнувшись, проскользнуть под занесенным над ней лезвием. Кайрис стискивает пальцы вокруг рукояти и в одно мгновение выхватывает меч из ножен. И кровь в венах словно начинает петь. Спустя столько тренировок все выходит само собой. Рукоять будто врастает в ладонь, сделав меч продолжением тела. Уклонившись от пары ударов, Кайрис одним сильным движением выбивает оружие из чужих рук.

Глаза улавливают какую-то тень, и Кайрис тут же отклоняется в сторону. Сзади раздаются ругательства — удар, направленный в спину, улетает в пустоту. С каждым выпадом Кайрис двигается все легче и увереннее, словно все глубже погружаясь в битву. Удар, удар, уклониться. Еще один взмах — и рядом вскрикивают. Лезвие проходится по чужой руке, вспоров ткань и пустив кровь, веером брызнувшую в стороны. Сбоку

выскакивает еще один оборванец, пытаясь оглушить рукоятью. Кайрис тут же уводит голову назад, прогнувшись в спине, — и тот задевает только подбородок. Зубы клацают, вызвав вспышку острой боли, и рот наполняет привкус соли.

Времени сплунуть нет, поэтому Кайрис сглатывает слюну вперемешку с кровью. Кажется, что по венам струится огонь, заставляя двигаться все резче и быстрее. Поудобнее перехватив меч, она бросается вперед, быстрым ударом перебивая чужое запястье. Звон упавшего на землю кинжала отдается эхом, затерявшимся между домов. Чувства обостряются, усиливаясь многократно. Поэтому, когда Кайрис внезапно легко вонзает меч в податливое бедро и с чавкающим звуком вырывает обратно, под кожей прокатывается удовольствие. Это заставляет на мгновение замешкаться, чуть не пропустив удар. Кайрис отпрыгивает, с легким удивлением ощущая, как на губах появляется улыбка.

«Так их, девочка!»

Оборванцы, кажется, осознав свою ошибку, вдруг начинают брать Кайрис в кольцо. А она запоздало осознает, что понемногу выдыхается, и руки дрожат не только от возбуждения, но уже и от усталости. Кайрис сжимает челюсти, приготовившись прорываться, как вдруг все замирают и, побросав оружие, кидаются врассыпную. Она утирает лицо, непонимающе оглядываясь. Издалека доносится грохот тяжелых ботинок и знакомый стук мечей, бьющихся о бедро. Стража. Кайрис быстро запихивает меч в ножны и проворно протискивается в щель между домов, убираясь подальше от блюстителей закона. Когда она позволяет себе остановиться и опереться о стену, чтобы передохнуть, — вспоминает, что не очистила меч от крови. Вздохнув, Кайрис вынимает его и пытается протереть рукавом — все равно одежду теперь только выкинуть.

«Швея».

Кайрис вздрагивает, не ожидав, что меч заговорит. Но ответить не успевает.

«Меня зовут Швея», раздается торопливо вдогонку. Смущение в чужом голосе граничит с раздражением.

Несмотря на это, Кайрис не удерживается от улыбки. Первая досточка для моста между ними положена.

— Кайрис, — отвечает она, слизывая выступившую на губах кровь.

Потом она еще не раз пытается поговорить с мечом, но натывается только на мягкое молчание. Кайрис не гонят — но и не встречают с распахнутой дверью. Множество вопросов так и продолжают оставаться без ответа. Одно хорошо: после той драки меч перестает чинить препятствия и спокойно дается в руки. Возможно, Швее просто нужно время на то, чтобы привыкнуть, или... чтобы принять решение? И Кайрис отступает, даря Швее эту возможность и надеясь, что однажды та позовет Кайрис сама.

В таверне душный, пропахший копчеными свиными ушами, пивом и потом воздух. Света почти нет — два узких маленьких окна под самым потолком да сильно чадающие смоченные в масле куски тряпки, засунутые в округлые жестяные светильники. А еще повсюду вьется плотный тяжелый дым, создавая над столами непроглядную завесу. И среди этого тумана проступают нечеткие очертания развалившихся на скамейках тел. Дым клубился почти над каждым столом, поднимаясь к потолку и расплываясь в стороны.

Выругавшись и закрыв половину лица рукавом, Кайрис начинает пробираться между столами, вглядываясь в подернутые наслаждением лица. Отвратительно. Но, увы, это единственное место, где всегда можно найти Вела. Не зря же она выжидала вечера, чтобы завалиться сюда. Хотя, пожалуй, немного света этой дыре не помешало бы. Сейчас же

только оранжевое сияние луны мешается с красноватым пламенем горелок.

Кайрис еще даже половину помещения не проходит, а ей уже становится жарко. Несмотря на рукав, нос все-таки щекочет терпкий травянистый запах. Она раздраженно трет переносицу, начиная сомневаться в своем решении, когда глаза выхватывают кое-что знакомое. Забавно, но первым Кайрис находит не Вела, а его кинжал. Среди влажного, горячего воздуха голос Шила оказывается отрезвляющим — как засунуть руку в прорубь. Удивительно, что его вообще удастся расслышать без прикосновения — то ли способности после недавней стычки возросли, то ли Кайрис и раньше так могла.

Вел обнаруживается за столом: сидит, развалившись и подперев подбородок рукой. Его глаза открыты, но подернуты пеленой. На столе стоит уродливый глиняный кувшин. При ближайшем рассмотрении становится понятно, что это скорее продолговатый пузатый сосуд с трубкой на другом конце, притом негромко бурлящий. Кайрис подкрадывается к Велу со спины, быстро оглядевшись по сторонам. Никому нет до нее дела.

Чуть помедлив, Кайрис бесшумно вынимает из ножен меч. Вот вы и попались, «уважаемый наставник»! Она ухмыляется и с размаха вонзает клинок в дерево в опасной близости от чужого лица. Не успевает сердце наполниться ликованием, как почти в тот же момент в живот утыкается что-то острое, чуть царапнув кожу. Только потом Вел поднимает голову.

— Так и не научился не кусать того, кто сильнее тебя, щенок? — мягко спрашивает он, не оборачиваясь, и тянется к трубке. Будто бы ничего такого не происходит.

По затылку пробегает холодок. Кайрис скашивает глаза. Рука Вела повернута назад, а пальцы ненавязчиво сжимают рукоять кинжала, чье лезвие почти что щекочет подрагивающий живот. И когда успел? Кайрис не сомневается: если будет надо, он вонзит кинжал до упора и провернет быстрее, чем она сможет вытащить меч.

Зилай тебя подери, ублюдок! Вел чуть поворачивает голову, и его глаза оказываются неожиданно острыми и ясными — ни намек дурмана. А еще за мнимой расслабленностью скрывается настороженность — Вел подобрался, будто дикий зверь. Кайрис со вздохом наклоняет голову, выпуская меч. И как она поверила, что сможет застать такого матерого хищника врасплох?

Усмехнувшись, Вел подносит трубку к губам, нарочито медленно затягивается, выпускает вверх тонкую струю — и уже потом убирает кинжал. Давление пропадает. Вновь отложив трубку на стол, Вел протягивает руку и касается огрубевшими пальцами рукояти меча. Кайрис едва сдерживается, чтобы остаться на месте и не попытаться помешать.

— Похоже, ты все-таки разжился мечом. Неожиданно. Хорошая работа, а вот это, — Вел проходит по подушечкам пальцев по выгравированной игле, — выглядит очень любопытно. Не думал, что тебе так много платят.

Вел улыбается, сощутив глаза, и становится ясно: все он знает. И сколько платят, и что мечом лучше не светить перед стражей. А она светит перед целой толпой, дура! Пальцы Кайрис вздрагивают, но она остается стоять на месте. Помедлив, Вел выдергивает меч и протягивает ей.

— Убедил. Я поспешил, отказываясь тебя учить, — лениво говорит он. И глазом не моргнул. Ну и ладно. — Неплохо, паре... мать твою!

Кайрис недоуменно оглядывается по сторонам, но руки действуют быстрее: только схватив рукоять, она понимает, что к чему. Вел, ругаясь, вытирает выступившую на ладони кровь. Кайрис едва сдерживает злорадную улыбку, чувствуя, как ей вторит Швея.

— Меня зовут Голдан, — теперь уже уверенно поправляет Кайрис.

И, прищурившись, загоняет меч обратно в ножны. В этот раз Вел даже не пытается возразить.

Кайрис стоит, облокотившись о забор и глядя на догорающее солнце. На горизонте будто кто-то насыпал углей, и теперь они слабо тлеют, просвечивая низкие облака и наполняя их изнутри красным маревом. Душу заливают умиротворение. Кайрис прикрывает глаза, и ей начинает казаться, будто она качается на волнах, плавно обволакивающих тело и вытягивающих всю усталость и боль из костей и мышц. Под веками плещется чистый свет, щекоча грудь и лицо. Замерев, Кайрис медленно выдыхает и наслаждается тем, как воздух холодит сложенные трубочкой губы.

В такие мгновения почти можно поверить, что темнота в груди способна бесследно рассеяться. Но Кайрис знает: на самом деле та просто дремлет и в любой момент вернется. Спящую рысь тоже можно принять за котенка. Но забывать о ее природе нельзя. Кайрис вновь открывает глаза, отстраненно наблюдая, как мимо забора, покачиваясь и продавливая лежащую тонким слоем жидкую грязь, медленно идет свинья. Со временем такие минутки передышки становятся все ценнее.

Кайрис так глубоко уходит в себя, что не слышит чужих шагов. Так что когда чья-то широкая ладонь касается плеча, Кайрис в первую очередь перехватывает чужое запястье, а уже потом оборачивается. Сергетон непонимающе округляет глаза, застанный врасплох этим выпадом. Кайрис немного успокаивается и отпихивает его руку в сторону, вновь расслабляя тело и стараясь не выдавать напряжения. Недоуменно потеряв запястье, Сергетон, к разочарованию Кайрис, слишком быстро приходит в себя. Заржав, он дружески хлопает Кайрис по спине.

— Ты чего, заработался? — хмыкает конюх. — Как жизнь?

Кайрис хмуро отводит взгляд в сторону, незаметно потеряв плечо.

— Сойдет, — бросает она, всем видом показав, что разговор окончен.

Сергетон оказывается совершенно невозмутимым. Захочет, он приваливается рядом, облокотившись о забор. Кайрис с трудом заставляет себя остаться на месте и не отодвигаться. Они стоят так и молчат несколько мгновений, и Кайрис, наконец, не выдерживает:

— Тебе что-то надо? — грубовато выпаливает она, настороженно косясь на Сергетона.

Вроде бы ничего такого не происходит, но внутри Кайрис вся подбирается от дурного предчувствия. Такое ощущение, словно она стоит на льду, покрытом паутиной трещин, отлично понимая, что вода пробьет корку в любое мгновение. Кайрис передергивает плечами, пытаясь прогнать черные мысли.

— Хорошая сегодня погода, да? — как бы невзначай говорит Сергетон, глядя вдаль.

Кайрис вздрагивает от неожиданности, но только пожимает плечами, пытаясь это скрыть.

— Ну? — торопит она нарочито безразлично.

Сергетон поворачивает голову, и его глаза неразличимо меняются, будто потемнев.

— Тепло. Можно мыться водой прямо из колодца, — бросает он.

Кайрис каменеет. Ночь, купание, чья-то тень — это все проносится перед внутренним взором за одно мгновение. Пока Кайрис пытается взять себя в руки и ответить хоть что-то, Сергетон, широко улыбнувшись, хлопает ее по плечу и уходит. А Кайрис продолжает неверяще смотреть ему в спину. Это совпадение. Просто шутки богов. Она оттягивает ворот

рубашки — внезапно становится трудно дышать. Не может же быть, чтобы... Сергетон видел, как она мылась?

Земля взметается в горячий воздух, а когда опадает снова, Кайрис на том месте уже нет. Она стоит чуть в стороне и раскручивает меч, вращая запястьем. Тут же приходится вновь отскочить спиной вперед: Вел не любит, когда она бахвалится. Воздух вокруг дрожит и расплывается, когда они сходятся, столкнувшись клинками. Лязг металла будто становится осязаемым, проходя сквозь руку вместе с волной, рожденной ударом. Сжав челюсти, Кайрис сбивает выпад Велав сторону и пытается уйти ему за спину, но не получается. Тот постоянно крутится, как детская вертушка, все время оказываясь к ней лицом. Кайрис тоже начинает крутиться, пытаясь поймать чужой ритм. Таков залог победы: подстроиться, найти изъян и ударить. Но сделать это не так-то и просто.

Чужой ритм ускользает, а липнувшая к коже пыль и струящийся пот мешают сосредоточиться. Кайрис кратко вдыхает-выдыхает, всеми силами стараясь не сбиться. И они продолжают кружиться, будто дерущиеся птицы. Мышцы начинают ныть, но вот, медленно и неохотно, в чужих слаженных движениях начинает проследиваться «мелодия», раз за разом повторяя одни и те же элементы. И в одно мгновение Кайрис вдруг понимает, что может предугадать, что будет дальше. Выпад, поднырнуть под руку, размах, удар наискось, защита, защита. Будто отдельные стежки, движения медленно складываются в узор.

По телу разливается тепло, и в миг перед тем, как Вел, раскрывшись, нанесет рубящий удар, Кайрис чуть склоняется, зачерпнув горсть пыли, и швыряет ему в лицо. Земля, с сухим шелестом взметнувшись в воздух, зависает легкими пылинками, но цели не достигает. Почти. Вел уводит свое тело назад, разгадав намерение Кайрис, но недостаточно быстро. Часть пылинок все-таки попадает, заставив зажмуриться. Закрыв глаза, Вел уже поднимает меч выше, чтобы защитить грудь и горло, но Кайрис успевает раньше. Она быстро выкидывает вперед руку, и Швея прочерчивает самым острием по рукаву, распарывает ткань надвое. Ударив, Кайрис тут же возвращает руку в защитную стойку, тяжело дыша.

Вел останавливается, протирая глаза руками, но по своему обыкновению совершенно не ругается. В первую очередь — экономя дыхание, но по большей части потому, что сам так учил. Проморгавшись, окидывает Кайрис взглядом и ухмыляется.

— Ну и сученыш же ты, Голдан, — одобрительно хмыкает он, пряча проскочившую улыбку. — Молодец. На сегодня хватит.

Хитрый лис, не иначе. Вогнав Розгу в ножны, Вел стаскивает рубашку через голову и, скомкав, вытирает ею грудь и плечи. Ткань тут же желтеет. Кайрис наблюдает за Велом с легкой завистью: сделай она так — и все пропало. Поэтому только наклоняется и закатывает штаны в надежде, что ветер охладит разгоряченную кожу. Когда Кайрис разгибается обратно, утерев пот со лба, она неожиданно замечает задумчивый взгляд Вела. Этот ли взгляд, а может, послевкусие маленькой, но победы заставляет Кайрис решиться.

— Вел, — зовет она, и, дождавшись чужого кивка, спрашивает: — Не знаешь, к кому можно наняться?

Вел моргает, будто не ожидал такого вопроса. Его брови недоуменно подскакивают, а потом лицо вдруг резко ужесточается — каждая черта проступает, будто заостренная ножом.

— Сегодня тебе просто повезло, — отрезает он голосом, не терпящим возражений.

— Разве? — огрызается Кайрис в ответ, дернув губой. Чужие слова только подстегивают ее. — Я хочу уже срубить чью-то голову, не знаю, да хоть кровь пустить наконец. Сражаться

по-настоящему, а не понарошку, понимаешь?

— Хочется побыстрее крови полакать? — прищуривается Вел, и его взгляд становится до мурашек цепким, будто оценивающим. — Дело твое. Я подскажу, где за это золотишка подкинут.

Кайрис аж вытягивает шею, чтобы не упустить, но Вел только забрасывает рубашку себе на плечо, усмехнувшись

— В следующий раз, — снисходительно бросает он, прежде чем удалиться.

Кайрис стискивает кулаки, но она знает этот тон, с которым бесполезно спорить. Кричи не кричи — толку не будет. Поэтому остается только недовольно отряхнуть штаны и ждать.

Мысли о предстоящем разговоре изводят Кайрис все время, пока она ждет следующей встречи, поэтому за город она идет, почти подпрыгивая от нетерпения. И поэтому в итоге запыхивается. Приходится остановиться у старой, скрюченной яблони, чтобы привести дыхание в порядок. А то Вел не упустит возможности пройтись по ее физическим и умственным способностям.

Солнце пригревает кривые ветви яблони, и его красноватый свет пляшет на верхушке реденькой кроны. Вдохнув свежий, сочный, будто спелые ягоды, воздух, Кайрис с удовольствием присаживается в переплетении корней. Немного отдохнув и успокоив сердце, она немного медлит, вынимает меч и кладет на свои колени. Умиротворение просыпающейся природы настраивает на задумчивый лад. Лучи тут же начинают плясать на металле, рассыпаясь в стороны красивыми отблесками. Прикрыв глаза, Кайрис будто тянется вперед, хотя внешне ее тело не движется с места. Звуки тут же приглушаются, будто она нырнула в озеро. Уже привычно отстранившись от реальности, Кайрис обращается к мечу с зовом. Первые мгновения она встречает только молчание, но когда уже почти отпускает свою силу, по нервам ударяет странное ощущение. Внутри будто слабо вздрагивает струна.

«Хватит меня звать».

Голос Швеи отдает какой-то застарелой усталостью и едкостью. Кайрис вздрагивает от удивления, нить чужого сознания едва не ускользает.

«Я не буду с тобой говорить».

— Почему? — невольно повышает голос Кайрис.

Будто на контрасте Швея отвечает ей слабым эхом, затихающим с каждым мгновением. Так звучит голос удаляющегося человека.

«То, что я тогда поддалась, не значит, что теперь мы заодно. Я просто... перестала вмешиваться».

Хочется повторить все тот же вопрос, но вместо этого Кайрис задает другой. Она наклоняется, сгорбив спину, и сухо цедит:

— Тебя бы переплавили. Ты все еще не веришь мне?

Проходящая мимо женщина с тазом мокрой скрученной одежды округляет глаза и ускоряет шаг. Ее длинная юбка колыхнется на ветру. Кайрис запоздало понимает, как странно выглядит взлохмаченный неряшливый парень, сидящий на земле и говорящий сам с собой. Но в глубине души Кайрис на это совершенно плевать. Она с легкой грустью разглядывает меч, и мозолистые пальцы нежно оглаживают шершавую рукоять.

«Верю».

Кайрис вздрагивает, как от пощечины, когда спокойный, переполненный достоинством голос раздастся у нее в голове. Не столько от удивления, сколько от этого смирения и даже

прощения, что ли. А Швея продолжает:

«Я хорошо служила своему хозяину. Лучше быть переплавленной и служить ему дальше, чем попасть в руки к нечестному человеку».

Как удивительно — когда-то эти слова могли принадлежать Кайрис. А теперь, получается, она сама стала тем, кого когда-то презирала? Кайрис сжимает челюсти и тут же вновь расслабляет. Перед внутренним взором предстает Швея. Кайрис представляет ее, как статную, гордую женщину с мудрыми печальными глазами. Непреклонно верную принципам. Пальцы Кайрис замирают, и она убирает руку. Почему-то в этом жесте чудится смутное уважение.

— Даже зная, что ты исчезнешь? — негромко уточняет Кайрис, то ли не веря, то ли так и не сумев до конца понять.

Даже когда Кайрис не находила в себе силы жить, она боялась смерти, всепоглощающего ничто. Как можно этого не бояться, отлично зная, что именно это тебя и ждет? Ведь меч точно не может надеяться на чертоги богов.

«Да. Разве у людей не так же? Никто не бессмертен».

Швея отвечает не задумываясь, будто давно приняла решение и сумела с ним примириться. Это невольно вызывает уважение. Затихающий голос на мгновение становится громче, когда Швея спрашивает:

«Почему ты выбрала именно меня?»

Одиночество в одно мгновение наваливается на плечи Кайрис, будто гряда камней, придавив к земле. И, хотя связь со Швеей теряется, Кайрис все равно отвечает:

— Потому что больше никто не ответил.

За городом ветер гуляет намного свободнее, со свистом проносясь между деревьев. На самом краю леса, среди спиленных веток, выкорчеванной земли, кривых пеньков и кусков коры Кайрис находит Вела. Он сидит на одном из пней, распластав руку ладонью вниз на спиле, и играет в веселую игру: быстро-быстро тыкает лезвием между пальцев. Острие ударяется с глухим стуком, мелькая в воздухе, будто мотылек. Это развлечение на удивление популярно среди как среди местных, так и чужаков среди не совсем дружащих с законом.

Вел любит это развлечение, и иногда Кайрис кажется, что кинжал тоже получает от этого удовольствие. Лезвие Шида блестит, ловя солнечные лучи, словно ухмыляется. Время от времени даже удается поймать тень эмоций оружия: азарт и желание попасть. Вел об этом, понятное дело, не знает, но он явно испытывает от самой возможности щекочущее удовольствие. Услышав ее шаги, Вел размахивается и с силой вонзает кинжал — по дереву идет трещина. Совсем близко к коже.

— Пришел? — хмыкает он и, вытерев лезвие о рукав, прячет в ножны. — Садись.

Вел хлопает ладонью по пню напротив. Вздохнув, Кайрис опускается, стараясь не выдавать нетерпения, хотя едва заметно подрагивает. Вел это явно замечает, но виду не подает. Только слегка откидывается назад, заложив руки за голову. То, как беспечно он открывает горло и живот, всегда немного напрягает. Будто специально дразнится, зная, что бояться нечего.

— Ты хотел знать, к кому наняться, Голдан? — потянув время, наконец говорит Вел. — Я слышал, герцог Иларисс ищет воинов для набега на соседа. Его владения совсем недалеко.

Радость побеждает разум, и Кайрис, не сдержавшись, выпаливает:

— Значит, он наймет меня? Да?

Вел поглядывает на нее с хитрой насмешкой.

— И когда же ты собираешься в путь? — будто невзначай спрашивает он.

Кайрис поднимает голову, пытаясь прочесть эмоции на чужом лице, но Вел смотрит в другую сторону, и сделать это не удастся. Кайрис передергивает плечами, ловя прохладный ветер и наслаждаясь тем, как он гонит мурашки по шее.

— Наверное, через месяц, — помедлив, отвечает она задумчиво, сама не до конца уверенная.

На какое-то время воцаряется тишина, и становится слышно, как по тракту невдалеке едет скрипучая телега — каждая спица колеса будто стонет при повороте. Они сидят, вслушиваясь, пока скрип не затихает вдали. И тут Вел внезапно подбегает, будто кошка перед прыжком, смахивая всю ленность. Это перевоплощение всегда завораживает, хотя Кайрис успела привыкнуть к этой его черте. Задумавшись, даже пропускает чужие слова мимо ушей — приходится переспрашивать.

— Я говорю, не хочешь ли немного денег? До герцога еще добираться, да и кольчугу купить надо, — говорит Вел.

Возразить нечего — учитель как и всегда оказывается прав. Кайрис уже было открывает рот, чтобы согласиться, но в итоге медлит. Слишком уж своевременное предложение, и это вызывает подозрение. Кайрис прищуривается, глядя на Вела в упор, но тот то ли так хорошо держит лицо, то ли действительно говорит без подвоха, что ничего заметить не удастся.

— И что же... нужно делать? — настороженно спрашивает она, чувствуя себе зайцем, осторожно пробуя лапкой листья над капканом.

Вел, напротив, лучится спокойствием и доброжелательностью, что в его исполнении напрягает еще больше.

— Ничего такого. Надо просто забраться в чужой дом, — говорит Вел тягуче, будто Зилай, соблазняющий грешника. Заметив, как Кайрис нахмурилась, он добавляет: — Воровать ничего не надо, наоборот — ты кое-что оставишь. Как понимаешь, хозяину эта вещь не принадлежит.

— Подстава? — все внутри восстает против такого предложения, и Кайрис подскакивает на ноги, но под пристальным взглядом опускается обратно. — Я не буду это делать.

Почему-то хочется сохранить хоть что-то, что будет отличать ее от других крыс. Выбирая дорогу наемника, Кайрис готова была убивать в честном бою, но совсем не готова втыкать кинжал в спину, исподтишка.

— Чего это? Подкидывать — не воровать. Да и... — Вел с интересом рассматривает свои пожелтевшие ногти, а потом хмыкает: — ...разве тебе впервой нарушать закон?

Чужие глаза многозначительно указывают на невзрачные ножны. Кайрис сжимает челюсти, и ее мышцы напрягаются, но рука так и не выхватывает Швею, замерев на бедре. Нельзя показывать свои эмоции настолько явно. Кайрис качает головой, заставляя себя делать это очень медленно.

— Нет уж.

Пролетающая мимо пчела с глухим жужжанием опускается на рукав и, шустро пошевелив лапками, взлетает опять. Ее мохнатое тельце растворяется в воздухе черной точкой. Наблюдение за насекомым заставляет немного прийти в себя.

— Значит, у тебя есть другой способ подзаработать? — интересуется Вел.

Его слова подают идею, и Кайрис все-таки поднимается на ноги, спружинив о землю. А ведь есть. Там, под городом, всегда будет процветать торговля, и Кайрис может вернуться

туда в любой момент. Придержав качнувшиеся ножны, она поворачивается к Велу спиной, хотя от этого все тело моментально напрягается, и позволяет себе немного показать зубы — ответить с плохо скрываемым превосходством:

— Есть. Зилай с тобой, Вел, я не вяжусь в это дерьмо.

Кайрис ждет всплеска злости, даже нападения, но не смешка.

— Меч добыл, а как был трусом, так и остался. Все боишься штанишки замочить? — свысока бросает Вел.

Рука Кайрис тут же оказывается на рукояти, и она предостерегающе лязгает мечом. Вел перестает смеяться, и хоть это может быть просто совпадением, Кайрис чувствует удовлетворение.

— Во второй раз это не сработает, — говорит она, почти возмущенная тем, что Вел попытался повторить трюк, сработавший при ограблении.

Это кажется лучшим моментом, чтобы уйти, и Кайрис делает пару шагов в сторону, когда чужие слова догоняют ее в спину.

— Неужели? Значит, тебя заинтересует цена, — говорит Вел так уверенно, будто Кайрис уже согласилась.

Любопытство берет верх, и Кайрис позволяет себе буквально одно мгновение промедления, тем самым совершая главную ошибку. Она дает Велу озвучить сумму. И от услышанного глаза широко распахиваются сами собой. Даже навскидку подсчитав, Кайрис понимает: чтобы заработать такую сумму, ей придется не один месяц прозябать в сырости и темноте, продавая товар. А тут столько за один раз... Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но что, если Вел не врет? Одним махом удастся заработать на хорошую кольчугу и спокойную дорогу. В конце концов, даже если Вел врет, это действительно не кража. Уж в этот раз Кайрис будет осторожна и просто убежит в случае чего. Страх и жадность борются в ней, будто два волка — ожесточенно, безжалостно. И в итоге жадность побеждает.

— Сог-гласен, — выдыхает Кайрис.

Чуть от волнения не сказала «согласна», дура. Только после этого она оборачивается. Вел смеется, пофыркивая в кулак, но его глаза остаются такими же холодными, как ледяные осколки.

Глава 10. Внутри паутины

697 год, Посадник, 20

Тонкая серебряная цепочка ловит отблески луны, и янтарные блики застревают меж мелких звеньев, переливаясь, когда Кайрис шевелит пальцами. Белый продолговатый камень на цепочке тяжелый и похож на каплю застывшего молока — или на крупную жемчужину. Он такой гладкий и приятный на ощупь, что Кайрис не может удержаться, продолжая гладить его подушечками пальцев. Наверняка это работа хорошего мастера, стоящая больших денег. На одном из звеньев виднеется вентонская вязь — принадлежность к роду. Если б Кайрис не знала, что никакой перекупщик не возьмет вещь с такой отметкой, она бы просто сбежала с украшением.

Несмотря на ночь, на улице душно, и теплый ветер похож на лошадиное дыхание. Потерев переносицу, Кайрис в итоге прячет украшение в карман. Вел сказал просто оставить это в нужном доме и уйти. Когда она спрашивает, почему он не сделает все сам, если это так просто, Вел морщится.

— Ногу повредил во время драки. Идти рискованно, а дело срочное.

Уходя, он действительно как-то странно припадает на правую ногу, но Кайрис так и не верит чужим словам до конца. Наверняка большую часть награды к рукам прибрал, а рисковать не хочет. От мысли о награде едва ли слюни не текут. Кайрис хрустит пальцами, разминая руки, и еще раз окидывает нужный дом взглядом. Она сидит на крыше соседнего здания, удерживая равновесие, так что обзор хороший.

Двухэтажный дом огорожен невысоким заборчиком, что уже подсказывает: статус хозяина выше обычного ремесленника. По слухам, которые удалось собрать, здесь живет довольно богатый человек. То ли некий искусный мастер, то ли благородный — но позволить себе такой дом может. На заднем дворике, свернувшись калачиком, дремлет рыжий пес, чем-то похожий на Костолома. Его спина медленно вздымается и опускается, а лапа подрагивает во сне. Пес стал решающей причиной откинуть мысль о взломе двери — и, судя по всему, не зря. Мимо пролетает птичка, и острые уши тут же дергаются, а тупая морда вертится по сторонам в поисках нарушителя покоя. Сон пса оказывается слишком чутким. Кайрис облегченно выдыхает, когда тот засыпает обратно.

Кинув последний взгляд на оранжевый лунный круг, Кайрис вздыхает, поймав рыбный аромат, принесенный ветром из порта. Нечеткие очертания луны расплываются из-за легкой дымки облаков. Наконец, чуть приподнявшись, Кайрис делает первый шаг. Чтобы не оступиться, приходится просчитывать каждое движение, скупыми шажками приближаясь к самому краю. Дом маячит впереди — тени на стенах кольшутся, пересекая решетки, закрывающие окна.

Не дойдя до конца крыши пару шагов, Кайрис делает краткий вдох. Он будто обжигает горло, заставив сердце затрепетать. Кайрис стискивает кулаки и разбегается, лишь у самого края согнув колени и спружинив от поверхности. Руки взмахивают в воздухе, сердце подскакивает к горлу, и Кайрис на какой-то миг будто зависает в пустоте. Мир смазывается. Мгновение — и подошва мягко ударяется о крышу. Кайрис почти без труда удерживается, не падая, и со вздохом облегчения разгибается. Ноги все еще немного гудят, но она не обращает на это внимания. Переждав, пока вновь очнувшийся пес успокоится, Кайрис спускается вниз, к окошку чердака.

На невзрачных ставнях, плотно закрывающих выемку, висит тяжелый амбарный замок. Короткий козырек не смог защитить металл от дождя, и тот проржавел. Видно, хозяйева так полагались на забор и пса, что забыли простую истину: умный вор не всегда идет понизу. Взлом замка оказывается легче, чем перышко. Услышав тихий щелчок, Кайрис осторожно снимает замок со ставен и кладет на крышу. Створки без труда отходят в сторону, и в лицо ударяет поток затхлого пыльного воздуха. Сквозь полумрак видны нечеткие очертания каких-то ящиков и досок. Утерев нос, Кайрис задерживает дыхание, чтоб не выдать себя кашлем. Изогнувшись, она просовывает сперва одну руку вместе с головой, потом вторую, и, извиваясь змеей, проползает внутрь.

Только полностью забравшись в помещение чердака, Кайрис поднимается на колени. Ладони, рукава, рубаха, штаны — оказываются в тонком слое пыли и кусках паутины. Кайрис кое-как вытирает лицо тыльной стороной ладони, встает и еще раз оглядывается. Благодаря открытым ставням внутрь падает квадратик света, выхватывая из темноты очертание дверцы в полу. Медленно переставляя ноги, чтобы не скрипеть, Кайрис подходит ближе. Наклоняется, стирает с дверцы пыли и осторожно тянет за ручку. Раздается тихий скрип петель, но больше ничего не происходит. Похоже, закрыта на защелку с той стороны.

Выругавшись себе под нос, Кайрис достает из голенища нож и поддевает щеколду просунутым в щель лезвием. Сердце ускоряет свой бег, и его грохот отдается в ушах, заставляя кровь в висках пульсировать. Кайрис медленно тянет дверь на себя, и ее взору предстает хлипкая лесенка. Пыль осыпается вниз, кружась в столбе света. Полдела сделано.

Мелкая дрожь спускается от макушки к пяткам, постепенно охватывая все тело. Кайрис поворачивается спиной, ухватившись за край проема пальцами, и нащупывает ногой первую перекладину. Дерево выдерживает ее вес, хоть и пугающе шатается при каждом движении. Еще пара ступеней — и Кайрис оказывается в чистеньком коридоре. Вышитые золотистым цветом в рамках слабо мерцают в свете луны. Окна такие огромные, что весь коридор поделен на узкие и широкие полосы оконными решетками.

Стараясь не попадать на свет, Кайрис начинает медленное движение вдоль стены. Дом спит, и вокруг не раздается ни звука. Дойдя до конца коридора, Кайрис замирает на мгновение перед тем, как спуститься по ступеням на первый этаж. Собственные шаги кажутся слишком громкими. Выглянув из-за лестницы и удостоверившись, что внизу пусто, Кайрис крадется к двери столовой. Странно, что заказчик выбрал именно это место, но какое Кайрис до этого дело?

Дверь поддается, даже не заскрипев, и Кайрис проскальзывает внутрь. Почти все место занимает длинный широкий стол, утопающий в пятнах света и тени. Из-за ветра, колышущего занавески, они постоянно шевелятся, перемещаясь и меняя форму, будто странные существа, похожие на гигантских ящериц. Завороженная, Кайрис на пару мгновений застывает на пороге, но, мотнув головой, скидывает оцепенение и подходит ближе. Стол пуст, только белая с желтыми узорами скатерть простирается на всю его длину.

Кайрис останавливается у самого высокого стула, предназначенного для хозяина дома, и нащупывает в кармане цепочку. От волнения та то и дело выскальзывает из пальцев, прежде чем ее удастся вытащить. Кайрис медленно выдыхает, расслабляя пальцы и позволяя цепочке соскользнуть на деревянную поверхность. Тихий звон утопает в темноте. Готово. Кинув последний взгляд на оранжевые блики, Кайрис поворачивается к двери.

— Стоять!

Еще на первых звуках чужого голоса она начинает реагировать, но все равно не

успевает. Стоит двери хлопнуть, как глаза ослепляет ярко-оранжевая вспышка. Кайрис отступает, заслоняясь рукой, и в это мгновение колени подгибаются от резкого удара, будто их пронзает молния. Кайрис падает срубленным стволом, с грохотом приложившись об пол спиной. Весь воздух вышибает, и мир идет белыми пятнами. Кайрис сдавленно стонет, изо всех сил стараясь сделать вдох. Всего один глоток... хотя бы один... Это желание затмевает все остальные, так что, когда она, закашлявшись, делает вдох, на глазах выступают слезы. Только тогда Кайрис понимает, что лежит, перевернутая, на животе. Волна холодного ужаса захлестывает с головой. Кайрис дергается, пытаясь подняться на ноги, но только ударяется о пол подбородком. Зубы клацают.

— Не рыпайся, — цыкает кто-то сверху, и жесткая веревка стягивается вокруг запястий, врезаясь в кожу.

Нет! Только не это! В этот момент разум оставляет Кайрис, отодвинутый в сторону животным страхом, и она начинает беспорядочно махать ногами. Пару раз мазнув по воздуху, носок сапога все-таки попадает в цель. Слышится вскрик и следом за ним — ругательства.

— Дерьмо! Ах ты, ублюдок, я тебе сейчас эту ногу в задницу запихну, — грозно обещает кто-то, приложив Кайрис о пол головой.

В глазах темнеет, и рот наполняется кровью вперемешку со слюной. Она продолжает метаться, как зверь, запутавшийся в силках, но с каждым мгновением все слабее.

— Хватит, Плешивый. Нам же сказали его не трогать, — второй голос стелется, будто шелковый.

— Да я не сильно.

Плешивый с кряхтением поднимается и вдруг отвечает сильный пинок. Живот поджимается, и Кайрис со стоном силится поджать ноги к груди, неспособная унять дрожь. Чужие шаги удаляются. В глазах начинает медленно проясняться. Кайрис замирает, переживая боль, и пытается осмотреться. Кто они? Что происходит? Из-за связанных рук шея и плечи напряжены, и даже слабое движение пальцем отзывается все ту же стягивающейся веревкой. Повернуть голову тоже не удастся. Приходится только прислушиваться. Шаги стихают, потом раздается скрип досок и довольный взглас.

— Ага, а вот и цепочка. Эта ж?

Приложив еще одно усилие и даже застонав от напряжения, Кайрис кое-как перекатывается на бок. Неподалеку стоит немолодой мужчина в небрежно наброшенной и явно дорогой одежде. Неужели хозяин? Но ведь Вел сказал...

Подозрения, зародившиеся на краю сознания, не успевают развиться — один из стоящих рядом с хозяином стражников, дождавшись кивка, подает голос:

— Тогда мы забираем вора, — говорит он змеиным тоном.

Этот, второй, кажется более высоким по званию, чем Плешивый, и выражается внятнее. Кайрис вздрагивает. Чужие слова действуют, как пощечина.

— Но я не собирала... — выпаливает она и в ужасе сжимает челюсти.

Опять чуть не проговорила! Мысли испуганно мечутся в голове. Только теперь Кайрис замечает, что держит стражник — серебряная цепочка с «молочной» каплей ловит блики оранжевого света, испускаемого масляным фонарем, стоящим на столе. Носящиеся по стенам тени похожи на драконьи крылья и всплески пламени.

— Уважаемый господин сообщил, что видел кого-то, подозрительно крутящегося возле его дома. Мы устраиваем засаду — и ловим тебя, нагло захапавшего семейную

драгоценность, — начинает лениво перечислять этот змей. — Отпираться бессмысленно. Поднимай его, Плешивый.

Того не приходится дважды просить. Недобро улыбаясь, стражник подходит поближе, и меч вяло покачивается на его бедре. Меч... Кайрис резко скашивает глаза и понимает, что осталась безоружна. Грубый рывок заставляет клацнуть зубами, и она едва удерживается на ногах. Зилай, что же делать?.. Как влипла! Как же она влипла! Мысли мечутся, будто зверьки в западне, не находящие выхода. Семейная драгоценность. Не чужая безделушка, а вещь, принадлежащая хозяину дома.

Свет фонаря падает под ноги расплавленным железом. Все тело ноет, ушибы расцветают болью, но Кайрис будто не чувствует ее из-за удушающей злости. Это все-таки случилось. Вел ее предал.

Остальное проходит будто в тумане: стражники протаскивают ее сквозь переплетение ночных улиц, в ратушу, а потом — после того, как сидящий на посту чиркнул что-то пером на бумаге, — в темницу. Больше всего Кайрис боится, что ее силой разденут, но стражник только обшаривает все тело, заставив передернуться, — и она остается одна в каменном мешке. Сперва Кайрис ругается и бросается на дверь, потом костерит Вела, но стоит гневу спастись, как ему на замену приходит страх. Только просидев какое-то время, забившись в угол, Кайрис окончательно смиряется и успокаивается. По крайней мере, в этой «клетке» она одна. Кстати, почему это? Не много ли чести обычному вору? В голову ничего путного не лезет — ни одной догадки. Остается просто ждать.

В темнице оказывается сыро, и стойко пахнет трухлятиной. Окошко над самым потолком горит прямоугольником бледного лунного света, рассеивающегося где-то наверху — большая часть помещения так и остается погруженной в полумрак. Кайрис сидит на прибитой к стене лежанке, скрестив ноги так, чтобы стопы не касались пола, от которого тонкими щупальцами поднимается холод, и бросает кусками хлеба в крыс. Сухари настолько черствые, что, кажется, могли бы убить, если как следует прицелиться. Наверное, стоит метить в висок. Беспольные, но жестокие мысли будто придают Кайрис уверенности.

За проведенное здесь время — полночи или больше? — Кайрис успела обследовать каждый угол своей «клетки», только поэтому и нашла плесневелые сухари. Зилай знает сколько они тут пролежали... Отлипнув от стены и немного поведив плечами, чтобы размяться, Кайрис вновь возвращается к своему незатейливому занятию. С трудом отломив кусочек, она замирает. Тело будто каменеет, лишь едва заметно шевелится грудная клетка при дыхании.

Мгновение, другое — и в воздухе раздается цокот маленьких коготков. Протиснув свое гибкое тельце в дыру в стене, в темницу выбирается крыса. Отряхнувшись, она ведет носом — видно, как усы подрагивают в воздухе. Не заметив ничего опасного, крыса проходит вглубь. То ли Кайрис действительно так отточила свое умение затаиваться подобно хищнику, то ли просто настолько пропахла здешней вонью, что тварь ее не почуяла, — не важно. Почти не размахиваясь, Кайрис чуть двигает запястьем, прицельно бросая свой «снаряд». Угодив в тощий бок, кусочек хлеба отлетает в сторону и катится по полу. Взвизгнув, крыса серой тенью просачивается обратно в дыру и исчезает. Кайрис со вздохом откидывается на стену, чувствуя, как тянущаяся от камня сырость прорастает сквозь тело невидимыми ледяными сосульками. Опять сбежала.

Как бы ни было глупо, но не удастся не чувствовать черной зависти к твари, способной в любой момент отсюда выйти. Да и вообще идти, куда угодно. Кайрис раздраженно

потирает переносицу. Проклятый Вел, чтоб его Зилай на вертеле жарил! Если удастся выбраться, она уж ему припомнит! Кайрис невесело хмыкает: если отсюда куда и деваются, то только на виселицу. А она повелась, как наивная селянка. Деревенщина. Кайрис прищуривается, стискивая кулаки — злость опять начинает распалиться в ее груди. Но в этот раз вместе с ней приходят и мысли. Зачем это все Велу? Подставлять никому не известного щенка, за которого даже стража не заплатит награду, возвращать подвеску хозяину, которая и так ему принадлежала... Для чего? Догадки рассыпаются, как ничем не скрепленные соломинки на ветру.

Свет в окошке начинает сереть — время близится к утру. От волнения Кайрис тянется к поясу, на котором обычно висел меч, но, конечно же, его там не обнаруживает. Она опять вздыхает, в этот раз рвано. Одно хорошо — Швея надежно спрятана. Кайрис не рискнула брать ее на дело — и не зря. Так, может, и выйдет отбрехаться... Надежда все еще продолжает трепетать в груди, хоть и совсем слабо, как затухающая свеча. Ведь кража кражей, но стоит солнцу достичь середины неба — отвар прекратит действовать. А когда все узнают, что она... что она точно никакой не Голдан... Что будет?

Кайрис мотает головой. Нет, так недолго и головой повредиться. Пытаясь отстраниться, она возвращается к своему развлечению с крысами, но раз за разом мажет. Тем временем из окошка, будто рваные стяги, начинают падать красноватые тени. Совсем чуть-чуть осталось. Кайрис уговаривает себя, что никто не посмеет к ней притронуться, что она и сама — оружие, но от страха предательски сжимается живот. В порыве достигнутого высшей точки напряжения Кайрис до хруста ломает черствый хлеб и, размахнувшись, швыряет сухарь в стену. В то же мгновение тяжелая дверь со скрежетом открывается. Сухарь дробится на части, и большая падает прямо под ноги открывшему. Стражник, скривившись, переступает через объедки, похрустев крошками.

— Вставай, — грубо бросает он и, заметив, как Кайрис открывает рот, предупреждающе щурит глаза. — Молча.

Она поднимается, разминая затекшие конечности и, не удержавшись, бросает на стражника злобный взгляд.

— Куда меня? — хмуро спрашивает Кайрис.

Неуловимым движением защелкнув на ее запястьях кандалы, стражник сплевывает на пол.

— На виселицу! — ржет он и, насладившись проскочившим на лице Кайрис испугом, бросает куда-то за дверь. — Ха-ха! Нет, ты видал?

Второй стражник угодливо гыгыкает — едва удается сдержаться и просто угрюмо потопать в коридор. Дверь захлопывается, и они идут дальше сквозь пятна света, падающие вниз от факелов. В воздухе к вони нечистых тел и сырости примешивается запах гари. Вертя головой по сторонам, Кайрис с удивлением понимает, что все остальные камеры отгорожены только решетками, а еще в каждой по кучке людей. Она же сидела одна в каменном колодце. Так почему же?

Пока Кайрис ведут мимо других узников, они успевают обменяться взаимными оскорблениями. Узкий коридор, вонь, слабое освещение и угрюмые рожи по ту сторону решеток — все буквально давит на плечи, заставляя сердце заходиться в нервном ритме. Стражники поворачивают за угол и вдруг останавливаются напротив ближайшей двери.

— Пошел! — гогоча, кричит один из них прямо в ухо.

И, схватив Кайрис за шкуру, как котенка, впахивает внутрь комнаты. Дверь заунывно

скрипит за спиной. Кайрис влетает сразу на середину, с трудом затормозив и едва удержавшись на ногах. Отбросив отросшие пряди с глаз, она поднимает голову. На мгновение кажется, что над кузницей склонилась — настолько жаркое красное марево застилает глаза. Все: стягивающие запястья кандалы, страх, боль, опасность быть повешенной — отходит на второй план. Остается лишь человек, развалившийся на стуле. Кайрис почти звериным рывком бросается вперед, попытавшись сбить сидящего плечом. Мир резко смазывается, и лицо впечатывает в твердую поверхность. Вспышка боли проносится сквозь все тело, заставляя задохнуться.

— Глупо, как и всегда, — говорит Вел, не спеша убирать свою руку с ее головы, которую прижал к столу. — Оставьте нас.

Удивительно, но голос Вела остужает — красная завеса спадает, и Кайрис успевает заметить удаляющихся стражников, пораженно качающих головами. Дверь вновь скрипит, выпуская их наружу и одновременно запирая Кайрис внутри. Эта комната превращается в самую настоящую банку с пауками. Кайрис дергается, силясь высвободиться, но это не удается до тех пор, пока Вел сам не отпускает ее. Стоит давлению пропасть, как во рту разливается солоноватый привкус крови. Вел спокойно обходит стол кругом и садится обратно, потянувшись, будто кот. Кайрис с трудом отрывает голову от поверхности и поднимается, тяжело дыша. Скривившись, она сплевывает кровь на пол.

— Ублюдок! Что, лижешь этим псам сапоги? — говорит Кайрис, с явственным отвращением кивнув в сторону двери.

Вел хмыкает и со стуком кладет на стол призывно блеснувший на свету небольшой ключ. По форме тот идеально подходит к замочной скважине на кандалах. Кайрис впивается в него жадным взглядом.

— Тебе тоже стоит этим заняться, — сощурившись, с улыбкой говорит Вел. — Если не хочешь станцевать в петле, конечно.

Гнев вспыхивает с новой силой, но Кайрис только выдыхает сквозь зубы. Она наклоняется, оперевшись руками о стол так, что кандалы тихо звякают, и упирается в Вела глазами.

— Знаешь, куда ты можешь этот ключ себе засунуть? Чего руки не освободишь, боишься? — говорит она, понизив голос. И, увидев полное отсутствие реакции на чужом лице, добавляет, не удержавшись. — У твоей мамыши, наверное, глаза с зеленцой.

Вел улыбается, будто не расслышал слов, — и вдруг по-хищному хватает Кайрис за горло. Чужие пальцы сдавливают шею, заставив рвануться и закашляться. Разбитая губа, ранка на которой успела покрыться коркой, вновь лопаются. Кайрис слизывает выступившую каплю. Вел не дает ей отстраниться. В нос ударяет запах жженой травы и дыма. Он продолжает улыбаться, но от внимательного взгляда по спине бегут мурашки.

— Забываешься. Я не твои дружки. Будешь зубы скалить — выбью, — все так же спокойно, хоть и с ощутимой угрозой говорит Вел, одним рывком дернув Кайрис вниз. Хватка усиливается, и на ее глазах выступают слезы. — Я предлагаю сделку.

Кайрис дергается, пытаясь отстраниться, и злобно смаргивает слезы.

— Иди ты со своей сделкой к Зилаю в задницу! — сипит она, огрызаясь скорее машинально.

Есть ли вообще выбор? Кайрис упрямо шмыгает носом, и на стол падает пара красных пятнышек. Похоже, что-то повредила... Вел закатывает глаза, разжав пальцы так внезапно, что она плюхается на стул, не удержавшись на ногах.

— Ничего лучше этих детских обзывалок не придумал? — хмыкает Вел, явно выражая свое отношение к подобному. — Ты не в том положении. Или надеешься откупиться? Не выйдет, поверь мне.

Он расслабленно откидывается на спинку, особо выделяя слово «поверь». Кайрис, порывающаяся вновь подняться, в итоге так этого и не делает. Ну конечно. Как она могла надеяться, что, расставляя силки, Вел не перекроет другие выходы? Ее плечи опускаются. Кайрис чувствует себя мышью, пытающейся сбить молоко в масло, как в сказке. Только вот в настоящем мире мышка не выбирается — она тонет.

— Зачем ты это делаешь? — наконец, глухо спрашивает Кайрис.

Вел смеривает ее неопределимым взглядом.

— Сейчас у тебя два пути, — начинает он, проигнорировав вопрос. — Или ты тешишь свою гордость и оказываешься на виселице. Или работаешь на меня. Молча, без вопросов и споров, как солдат. Тогда стражники делают вид, что ничего этого не было. И наниматься ни к кому не надо будет.

Последнее говорит с такой явной издевкой, что остается только скрипеть зубами от бессилия и злости. Кайрис резко втягивает носом воздух, попытавшись взять себя в руки.

— И какая же это работа? — спрашивает она, стараясь, чтобы голос звучал небрежно. Но все равно выходит слишком нервно.

— Разная, — отвечает Вел, пожав плечами. — Когда у фермера вредители, он от них избавляется. Но что делать, если вредитель, например, «любимая» женушка или склочный сосед? Или слишком долго не торопящаяся к Тенрису матушка? Тогда он идет и платит нам.

Кайрис хмурится, а потом до нее внезапно начинает доходить. Вредители. Избавление. Да Вел мокрушник! Именно так среди всякого сброда звали наемных убийц, готовых за блестящую монету отправить на тот свет любого, на кого пальцем укажешь, — еще и подстроить все так, чтобы стража не прикопалась. Кайрис невольно оборачивается на дверь. Слышали? Но стража не спешит вбегать и скручивать Вела. Убийства на заказ... В груди холодит, но где-то на краю сознания витает одинокая мысль: а разве не этого Кайрис хотела? Она открывает рот, но спрашивает совсем не то, что собиралась:

— Зачем тебе именно я?

Вел насмешливо вздергивает бровь.

— Именно ты? — смеется он, всем видом выражая пренебрежение. — Ты, что же, думаешь, я за особые таланты вербую? Просто тебе нечего терять и искать тебя некому.

И снова беззаботно пожимает плечами. Кайрис и сама не знает, зачем задала такой вопрос: и дураку понятно, что ничего особенного в ней нет. Но какая-то мысль продолжает зудеть в потемках сознания, и ее все не удается ухватить. Кайрис хмуро молчит.

— Думай быстрее. Найти на твой меч покупателей будет несложно, — мельком на нее взглянув, небрежно бросает Вел.

— Мой... меч? — осипшим голосом переспрашивает Кайрис, аж привстав на стуле.

Швея ведь надежно спрятана? Не мог же он?.. Ведь не мог? Вел наблюдает за эмоциями, сменяющимися на ее лице, как кот за пытающейся сбежать мышкой. Знает, что сейчас ловко накроет беглянку лапой — и прощай.

— Знаешь, под кроватью свои вещи прячут только дети, — безжалостно добивает он. — А уж в такой задрипанной таверне, как «Змеиное яблоко»...

— Я согласен, — перебивает Кайрис, не дав договорить.

И откидывается на спинку стула, взмокшая, будто взбиралась на гору, а не сидела в

сырой темнице. Объятия веревки — не лучший конец, и даже тут Кайрис могла отказаться. Но только не теперь, когда Вел угрожает продать Швею. Покупатель может меч просто переплавить. Не после всего, что им пришлось преодолеть! Тем более, никто не помешает Кайрис сбежать, как только случай подвернется.

Вел удовлетворенно кивает, потирая подбородок, но не спешит звать стражу или снимать кандалы. Кайрис с недоумением следит за тем, как он вынимает что-то из-за пазухи и кладет на стол. Неизвестный предмет оказывается деревянным овалом с дыркой посередине, над которой протянуты в безумном узоре красные нити. Кайрис морщит лоб.

— Не думаю, что ты мог подумать о том, чтобы меня предать, — говорит Вел таким тоном, что «не» можно спокойно выкидывать из фразы. — Так, на всякий случай. Ты слышал о паутинке?

Вел многозначительно оглаживает нити кончиками пальцев, и по спине Кайрис против воли бегут мурашки.

— Не знаю! — врет она, отвернувшись.

Зрелище оказывается болезненно притягательным. Конечно же, Кайрис слышала о придумке урнийских колдунов, хоть и больше байки, чем что-то стоящее. О том, как люди сходили с ума и сами лезли в петлю от боли, причиняемой паутинкой. Для нее не существовало ни расстояний, ни защиты. Всего один волос, вплетенный в нить, и ты позавидуешь безбожнику. Но урнийский колдун — здесь? Невозможно. Вел понятливо прищуривается.

— Лжешь, все ты знаешь, — простецки говорит он, продолжая покручивать вещицу в пальцах. — Ты на крючке — не пытайся сорваться, только губу порвешь.

Вел спокойно поднимается, прячет паутинку и, без страха повернувшись к Кайрис спиной, направляется к двери. А она продолжает сидеть, чувствуя, как тело бьет озноб. Пока Вел открывает протяжно занывшую дверь, пока он исчезает в квадратике света, льющегося из коридора, пока вновь запирает Кайрис в ее каменном мешке — все это время она молчит. Теперь уже не важно, откроется ли клетка — Вел только что надел на Кайрис ошейник, как на последнюю шавку.

На следующее утро она уже стоит у городских ворот.

Ветер гоняет мимо пыль, которую поднимают лошади. Кайрис поправляет висящую на поясе Швею. Единственную причину, из-за которой она рискнула вернуться, а не бежать сразу. Меч приятно касается бедра. Уже так привычно, что иначе — как голой. На удивление, Кайрис нашла Швею на том же месте, где и оставила — будто Вел блефовал. Или хотел показать, насколько уверен в успехе. Кайрис морщится, бросая последний взгляд на ворота. Она все равно собиралась уйти, но не думала, что это произойдет так быстро. Что ж, Вел не оставил ей выбора.

Кайрис запрокидывает голову, прикрыв глаза рукой, и наблюдает, как взбирается на небо красноватый шар солнца. Они с Велом должны были встретиться в полдень. Может, еще можно... Кайрис мотает головой. Ну уж нет, Велу не удастся опять ее одурачить. Послушных овечек прирезают первыми. Запихав мысли о паутинке и Веле подальше, Кайрис проходит мимо ленивых стражников. Невольно напрягается, но те не достаивают ее даже взглядом. Будто любое преступление действительно можно стереть дочи́ста золотой монетой и острым словом. Не очень приятно это осознавать.

Кайрис отходит подальше от тянущейся к городу вереницы людей и сворачивает прямо на Красный тракт. Кажется, его так зовут из-за красноватого оттенка земли дороги или из-за

цвета тканей, который возят по тракту купцы. Мимо проносится телега, доверху забитая мешками, и окатывает Кайрис облаком пыли. Она закашливается, пропуская телегу мимо, и ускоряет шаг. Дорога легко ложится под подошву сапог, и Кайрис наслаждается путем, ловя прохладный ветер и солнечные лучи. Она и забыла, какой приятной может быть эта безграничная свобода — когда вокруг только лес, длинная лента тракта и поля. Будет ли она такой же свободной, когда найдется к кому-то? Не важно. Главное, что сейчас Кайрис напоминает себе птицу, вольную лететь, куда захочет. Она даже не строит особых планов — дойдет до ближайшего города и уже там будет решать.

Однако, чем выше ползет солнце, тем чаще Кайрис ловит себя на том, что раз за разом кидает на небо беспокойные взгляды. Вот солнце поднимается над деревьями, вот заходит на дугу... Когда достигает середины неба, охватившее Кайрис напряжение, кажется, можно пощупать рукой. Она невольно замедляет шаг, пока вовсе не останавливается, прислушиваясь. Ветер приносит цокот копыт и шелест травы. В какой-то момент из кустов выскакивает заяц, перепугав, — и больше ничего. Кайрис распрямляет плечи, победно улыбаясь. Так и знала: Вел опять соврал. Пусть теперь остается с носом! Рассмеявшись, Кайрис с новыми силами бодро устремляется вперед по тракту. Подпрыгивает, бодро чеканя шаг, поэтому вставшую возле дороги телегу замечает не сразу, а увидев, запоздало останавливается, черкнув подошвой по земле.

Возле телеги стоят трое. Лошадь нетерпеливо прядет ушами, то и дело нервно водя головой по сторонам. Второй конь, привязанный к дереву, спокойно щиплет траву. Это сразу настораживает Кайрис, и она машинально пригибается, согнув колени, и крадучись подходит ближе. Старается держаться позади редких зарослей и приглядывается повнимательнее.

Теперь становится понятно, что не так: рядом валяются мешки, какие-то тряпки, а в бок телеги испуганно вжимается женщина. Замерший рядом с ней немолодой мужчина стоит, чуть выставив вперед плечо, будто загораживая, но видно, что руки его дрожат. Кайрис смещает взгляд и замечает второго, помоложе.

— Деньги давай, быстро! — доносится до Кайрис суетливый и угрожающий голос. — Или я прирежу твою кошелку!

Разбойник тычет в воздух ножом. В глаза сразу бросается беспорядочность его движений — воин бы так делать не стал. Женщина тонко вскрикивает и отшатывается, ударившись о телегу спиной — раздается глухой звук. Ее муж — муж ли? — весь краснеет, но только сжимает кулаки.

— У нас нет... — шепчет он, затравленно глядя снизу вверх.

Да у него же ни меча нет, ни даже ножа. Кайрис смотрит на то, как он дрожит, против воли испытывая удивление. Разве можно вот так терпеть, не давая отпор? Времена, когда она сама была такой, совсем стерлись и выцвели — будто с кем-то другим было.

Разбойник раздраженно шевелит желваками, и рука с зажатым в ней кинжалом угрожающе придвигается ближе.

— Тогда проваливай. А ее — оставь, — хмыкает он, подхватывая край юбки.

Женщина всхлипывает. В глазах Кайрис темнеет, и она уже тянется к мечу, когда мужчина вдруг выступает вперед, полностью загородив женщину собой.

— Нет, — говорит он дрожащим голосом.

— Нет?! — разбойник свирепеет, замахиваясь оружием. — Тогда сперва я все-таки прирежу тебя.

Видно, как трясутся его колени, но мужчина не сдвигается. Слабый, неспособный отбиться, он все равно защищает ту, которая еще слабее.

Кинжал ловит солнечный отблеск. Мир переворачивается. Кайрис срывается с места и за один миг оказывается за спиной разбойника. Меч будто сам прыгает в руку, и Кайрис приставляет его к чужому горлу. На это уходит всего пара мгновений. Ни одного лишнего движения — Вел не зря ее учил. Грабитель удивленно вскрикивает, но не дергается — сталь хорошо охлаждает пыл.

— А сейчас ты быстро поворачиваешься и уходишь, если не хочешь проблем. У меня сегодня хорошее настроение и нет желания чистить меч, — говорит Кайрис ровным голосом, чуть надавив разбойнику на горло.

Хотя оружие направлено не на них, мужчина с женщиной тоже замирают, и кровь так сильно отливает от их лиц, что кожа начинает напоминать полотно. Грабитель двигает рукой с кинжалом, но Кайрис вжимает меч сильнее.

— Бросай, — требует она, зная, что в случае чего успеет первой.

Разбойник раздраженно морщится, но, помедлив, опускает руку. Кинжал падает на землю, подняв облачко пыли. Кайрис предусмотрительно придвигает его к себе ногой и наступает сверху.

— А тебе какое дело, защитничек? Героем себя возомнил? — огрызается разбойник. — Или тоже глаз положил? — И похабно ухмыляется.

— Героем? — хмыкает Кайрис. — Да нет.

Она чуть усиливает напор, от чего разбойник аж зашипел. На коже под лезвием проступает тонкая красная полоса.

— Ладно, ладно! — поспешно выкрикивает он. — Пусти, я пойду...

Наконец-то в чужом голосе прорезается страх. Кайрис хватает разбойника свободной рукой за шиворот и, убрав меч, толкает в сторону лошадей, как щенка. Тот проходит еще пару шагов, стараясь устоять на ногах, и останавливается, раздраженно отряхиваясь. Оборачивается, будто раздумывая, — но Кайрис угрожающе выставляет вперед меч, и разбойник, сплюнув, отвязывает коня и заскакивает в седло.

— Сумасшедший, — бросает он, прежде чем послать коня прочь.

Стук копыт затихает вдалеке. Кайрис неторопливо убирает Швею в ножны и поднимает с земли кинжал. Простенький, он оказывается пустышкой — зов Кайрис ухает в ничто. Она с сожалением тянется убрать его в сумку, но наталкивается на все еще настороженного мужчину. Надо же, все еще заслоняет женщину собой. Что-то странное вздрагивает в груди. Нечто новое, светлое пятно среди черного полотна. Все мужчины, кого Кайрис встречала до этого, кроме разве что Алесия, думали только о своей шкуре и казались ей опасными животными, не более. Но этот...

Кайрис неловко передергивает плечами. Эти мысли будто рушат крепко выстроенный стержень внутри.

— На, — бурчит она и протягивает кинжал мужчине, повернув рукоятью вперед. Тот вздрагивает. — Да бери. Опасно без оружия ездить.

— Мне не нужно...

Кайрис вздыхает.

— Как знаешь.

И все-таки прячет кинжал в сумку. Женщина вдруг выдыхает и оседает — мужчина едва

успевает ее подхватить и помогает забраться на телегу. Несчастливая без сил откидывается назад, пока он бросается подбирать мешки. Потоптавшись на месте, Кайрис неожиданно для самой себя принимается ему помогать. Вдвоем они справляются довольно быстро. Закинув последний мешок, мужчина утирает пот.

— Фориас, — представляется он, протягивая руку и поглядывая с легкой опаской. И сдержанно добавляет: — Спасибо.

Кайрис, помедлив, отвечает на рукопожатие. Чужая рука оказывается сухой и мозолистой, а хватка — довольно твердой. Кайрис ловит себя на том, что они с Фориасом обмениваются оценивающими, уважительными взглядами. Как равные. Это оказывается неожиданно приятно.

— Ладно, я пойду, если все в порядке, — наконец, говорит Кайрис.

— Подожди, — окликает ее женщина.

Она успевает прийти в себя — даже губы трогает легкая тень улыбки, от чего на щеках расцветают ямочки. Кайрис вопросительно к ней оборачивается. Женщина приглаживает юбку.

— У нас нет ничего. Может, хоть яблок возьмешь? — предлагает она. — Если бы не ты, кто знает, что было б...

Кайрис отмахивается, смутившись. Вся ситуация выбивает почву из-под ног — попросту непонятно, как себя вести. Она чувствует себя волчонком, который привык кусаться, но что делать, когда гладят, — не знает.

— Давай хоть подбросим тебя, — в свою очередь предлагает Фориас, уже вскочивший на телегу и взявшийся за вожжи. — Тебе же в Рыбинки? Давай, садись.

Отказываться второй раз как-то не с руки, и Кайрис нерешительно кивает. Рыбинки — деревня, но это значительно сократит путь

до города. Немного поколебавшись, она заскакивает наверх, подтянувшись на руках, и кое-как усаживается среди мешков.

Хлестнув вожжами, мужчина погоняет лошадь, и телега, качнувшись, трогается с места. Приходится упереться в бортик ногами, чтоб удержаться. Но стоит лошади набрать скорость, как покачивания телеги становятся более плавными.

Кайрис со вздохом вытягивает уставшие ноги и откидывается на спинку, подставляя лицо солнцу. Запрокинув голову к небу, она наблюдает сквозь прищуренные глаза, как проносятся мимо похожие на вспененное молоко облака. Тело медленно наливаясь тяжестью, где-то рядом негромко переговариваются Фориас и его жена, назвавшаяся Ясиной. Кайрис начинает клонить в сон.

Тихое поскрипывание колес, шелест земли, шорох ветра, носящегося по полю, запах трав, разлившийся в воздухе — это все убаюкивает, приносит желанную передышку, которой так не хватало. По телу приятным теплом разливается умиротворение. Кайрис окончательно закрывает глаза, продолжая слушать. Скрип. Хруст. Чирикание птиц. Шелест листьев. Мерный стук копыт. Звук натягивающейся тетивы.

Тетивы? Кайрис вздрагивает и, открыв глаза, начинает озираться. Умиротворение испаряется, сменившись смутной тревогой в груди. Но вокруг никого.

Только телега и пролетающие время от времени птицы.

Но звук же был так близко! Хотя — какая вообще разница. Не будут же на них нападать, в самом деле. Кайрис заставляет себя расслабиться и успокаивающе улыбнуться Ясине.

Вновь закрывает глаза и почти начинает дремать снова, когда воздух разрывает

неожиданно громкий и резкий звук, будто стоит повернуть голову — и в лицо упрется стрела невидимого лучника. Кайрис подскакивает на месте.

— Вы это слышали? — спрашивает она.

Дыхание сбивается. Ясина недоуменно переглядывается с мужем.

— Что?

Кайрис растерянно оглядывается, и тут ее озаряет. Этот звук... Он будто проносится не снаружи, а звучит... внутри черепа? Дрожь пробегает вдоль позвоночника, и в это мгновение тетива, завибрировав, отпускает стрелу в полет.

По телу проносится алая вспышка боли, будто перемалывая и выворачивая кости, и вонзается прямо в голову, расколов ее надвое. Тело словно выворачивают изнутри, выкручивая суставы. Кайрис вскрикивает и падает как подкошенная. Это чувство захватывает ее целиком, вытесняя все остальное — остается только невыносимый красный пожар.

Темнота обволакивает голову, пенится, как растревоженная вода, а потом вдруг замирает. Только идет по поверхности рябь, порождая тошноту и расходясь широкими кругами. Кайрис чувствует, как боль отступает, будто внутри раскручивается туго стянутая спираль.

И вместе с этим Кайрис вновь начинает ощущать свое тело. Следом возвращается дыхание — оно оказывается совсем сбитым и поверхностным. А еще в ушах стоит неприятный звон. Кайрис морщится, пытаясь выровнять дыхание, и сквозь шум начинают просачиваться слова.

— Не трогай, говорю тебе! Совсем сдурела?

Громкий шепот и шорохи. Кто-то суетится совсем рядом, шелестя тканью.

— Фориас, ну надо же проверить.

Другой голос, женский, раздается над самым ухом. Кайрис пытается вспомнить, кто эти люди. Воспоминания возвращаются, но неохотно.

— Ясина, может, он заразный, не лезь, — шикает Фориас.

Та в ответ что-то бормочет, и Кайрис чувствует, как на грудь опускаются чьи-то руки. Дальнейшее происходит само собой. Первее, чем Кайрис успевает осознать свои действия, она хватается Ясину за запястье. Раздается болезненный вскрик, и Кайрис раскрывает глаза. Ясина стоит, склонившись над ней, бледная, будто припорошенная мукой.

— Я... я просто хотела посмотреть, как ты, — бормочет она.

Позади оглядывается обеспокоенный Фориас. В широко распахнутых глазах напротив мелькает какая-то эмоция, и Кайрис с упавшим сердцем узнает в ней страх. Она разжимает пальцы.

— Прости, — выдавливает Кайрис, глядя, как Ясина потирает руку и вся так и сжимается от испуга. — Я пойду.

Телега и так уже стоит, поэтому Кайрис просто спрыгивает на землю. Где-то в глубине души она ждет окрика, но Фориас тут же трогает лошадь с места, и телега удаляется, обдавая пылью. Кайрис закашливается, глядя вслед. Глупо было расслабляться и забывать, кем она стала. Но почему так больно в груди?

Кайрис сплевывает раз — собственная слюна кажется вязкой и становится камнем в горле. Все верно. Ты или волк, или тебя глядят — вот и все, по-другому не бывает. Она вздыхает, потирая затылок. Только вот что это было?

И осознает, что и так уже знает. Все было в порядке — и в один момент ее скрутило

волной боли. Так не бывает. Только если один ублюдок не дергает за ниточки паутинки. Проклятый урнийский колдун! Проклятый Вел! Кайрис ударяет по стоящему рядом дереву кулаком, выплескивая злость — и отчаяние.

Недалеко убежала. А теперь даже на другой конец земли бежать нет смысла: урнийские колдуны используют волосы жертвы, тут что ни делай — достанет. Кайрис выдыхает и, ненавидя себя, богов и Вела вместе взятых, разворачивается.

Глупо было надеяться вывернуться. Похоже, она и сама не заметила, как оказалась внутри паутины. Только вот если это настоящее колдовство, стоит оно немало. Зачем Велу так тратиться ради Кайрис? Она не настолько хороший воин. Подозрения укрепляются, но развеять их все равно нечем.

697 год, Посадник, 31

Обратный путь занимает чуть дольше, потому что его приходится преодолевать пешком. Вспышки боли появляются еще пару раз, хоть и значительно слабее — будто подгоняя. К тому времени, как она, наконец, достигает ворот, ночь уже близится к концу. Тем больше Кайрис удивляется, заметив знакомую фигуру на подходе к городу. Один Зилай знает, как он подгадал момент: колдовством, просто предположив или вообще приплатив дежурящим на стене. Другой вопрос — зачем?

Вел сидит на камне неподалеку от ворот и провожает Кайрис ленивым взглядом. Подойдя ближе, она останавливается и не находит слов.

— Хотел увидеть, как ты бежишь обратно, поджав хвост, — отвечает на ее взгляд Вел.

В темноте его лицо похоже на глиняную маску, только глаза поблескивают. Больше всего хочется пройти мимо, но ноги гудят от усталости, да и когда задавать вопросы, если не сейчас?

— Делать нечего? — грубо бросает Кайрис, плюхаясь на землю рядом.

Вел хмыкает. По его взгляду становится понятно, что истинной причины все равно не узнать. Кайрис отводит взгляд и наблюдает за тем, как янтарный шар медленно опускается за горизонт. Видно, как на стене проходит стражник, и красный огонек факела роняет на камень расплывчатые отблески. Наконец, Вел задумчиво говорит, глядя куда-то на горизонт:

— Так и знал, что сбежишь. Нагулялся?

И, повернув лицо, широко ухмыляется. Кайрис в бессилии сжимает кулаки, понимая, что у нее нет ни сил, ни желания сражаться. Вел продолжает смотреть на нее, и в его глазах мелькает что-то, похожее на разочарование. Да он же специально злит, дергая, как собаку за хвост — чтоб укусила. Как только Кайрис это понимает, злость, на мгновение сильно вспыхнув, затухает.

— Зачем было тогда меня отпускать?

— Ты бы все равно это сделал, — отвечает Вел, пожав плечами. — Проверить, достанет ли тебя на расстоянии или просто попытать удачу.

Неприятно признавать, но он прав.

— Зачем тебе именно я? — спрашивает Кайрис повторно и, предупреждая ответ Вела, раздраженно добавляет: — Только не нужно опять говорить, что тебе не важно, кто. Я не тупой. Паутинка, подкуп стражи — это не кружку пива заказать.

Вел прищуривается, будто оценивая ее.

— Разве пес спрашивает, почему всех щенков утопили, а его — нет? — говорит он, будто шутя, но смеяться не тянет. — Твое дело — выполнять, что я скажу, а остальное тебя не касается.

Кайрис собирается возразить, но в итоге ничего не говорит — все козыри в чужих руках, и если Вел не хочет отвечать, то она ничего с этим не поделает.

Где-то вскрикивает ночная птица, потом раздаётся шорох крыльев и тихий хруст. Кайрис ежится то ли от холодного ветра, то ли от всей ситуации в целом. Может, выкрасть у Вела паутинку? Или просто убить его? Пальцы сами собой тянутся к рукояти меча, но так и не вытаскивают из ножен.

Вел не так глуп, чтоб носить паутинку с собой. Даже если Кайрис его одолеет, Зилай знает, куда ее Вел спрятал. Хорошо, если Кайрис доживет отведенную ей жизнь до того, как время уничтожит хрупкую вещь. Плохо, если ее найдет кто-то другой. Злой. Хитрый. Или глупый. Особенно последнее.

Кайрис поворачивает голову и по взгляду Вела понимает: он знает каждую ее мысль, будто они написаны на лбу. От этого неприятно холодеет в груди.

— Срать, — в итоге отвечает Кайрис, отвернувшись.

Со стороны леса доносится эхо волчьего воя. Небо начинает медленно сереть, а луна почти полностью скрывается за горизонтом — только маленький кусочек и виден. Да уж, похоже судьба сделала еще один круг, прямо как эта луна.

— Я могу убить тебя, — лениво бросает Кайрис.

Выходит не то чтобы неубедительно — скорее, слишком обыденно.

— Ты хочешь убить меня, — поправляет Вел, делая ударение на втором слове. — Голдан, ты же сам хотел убивать за тех, кто больше платит. Так какая разница? — Он поднимается, спружинив от земли. Одно и то же, как же. Кайрис только фыркает. — Завтра продолжим занятия. Не опаздывай.

А в этом что-то есть. Если Вел поможет ей хотя бы приблизиться к тому, чтобы стать как можно сильнее, а то и вообще превзойти учителя, то он сам об этом пожалеет. Кайрис молча наблюдает, как фигура Вела движется в сторону стены и исчезает — будто проходит насквозь. Похоже, скрылся в каком-то лазе. Кайрис отворачивается, рассмеявшись — наконец-то находит выход напряжению. Однако все еще остается непонятным одна вещь: если у Вела была паутинка, зачем вообще надо было подставлять Кайрис и грозить продать Швею?

697 год, Щедрик, 4

В подвале темно, только видно серые тени — это снуют туда-сюда крысы. Единственный источник света — лучина, которую Кайрис прикрывает ладонью. Сквозь пальцы просачивается слабый свет, ложась на стены длинными полосами и заставляя серые пятна метаться по низкому потолку. Кайрис крадется к стоящим у дальней стены бочкам, морщась от запаха гнили, витающего в воздухе. Время от времени сверху слышатся шаги, и мелкая крошка осыпается ей на голову. Хочется отряхнуться, но это пустая трата времени — остается терпеть.

Переступив валяющуюся на полу горсть прорастающей картошки, Кайрис останавливается. Она подносит лучину к бочкам, выскивая нужную, из более темного дерева. К счастью, та оказывается уже открытой. Осторожно поддев крышку свободной рукой, Кайрис снимает ее и облакачивает о бок. В нос тут же ударяет кисловатый винный запах. Что ж, теперь дело за малым.

Нащупав в кармане небольшой мешочек, Кайрис вынимает его и, зажав тесемку зубами, открывает. Чуть помедлив, она переворачивает мешочек над бочкой. Из него вываливается немного слипшийся порошок, обдаёт мелкими брызгами и с плеском уходит на дно. Кайрис

хочется слизать одну из капель над губой, но, опомнившись, она стирает все рукавом. Когда работаешь с ядом, перестраховаться не помещает.

Порошка уже не видно — растворился без следа. Такой безобидный с виду — и не подумаешь, что он может за день скосить здорового мужика. Кайрис задумчиво смотрит на рябь, постепенно утихающую на поверхности. Надо бы размешать...

Оглядевшись и не найдя ничего подходящего, Кайрис вздыхает и втыкает лучину в щель в стене. Закавав рукав, она погружает руку внутрь бочки. Хорошо, что яд действует только если его проглотить. Медленно помешав вино, Кайрис с бульканьем достает руку и вытирает о штанину. Ту приходится немного закавать, чтобы потом не привлекать внимание на улице. Как-то эту часть плана Кайрис не продумала, ну да ладно.

Она тщательно закрывает бочку, как следует приладив крышку. Лучина скоро начнет обжигать пальцы. Пора уходить. Кайрис вынимает ее и идет к выходу. У самой лестницы она ее лучину о стену и прячет в карман. Дальше продвигаться приходится на ощупь. Предусмотрительно распахнув дверь, Кайрис вновь спускается и подхватывает один из ящиков — и только потом выходит. В первые мгновения свет почти ослепляет, и она замирает, зажмурившись.

— Эй, ты! — раздается окрик совсем рядом.

Она вздрагивает, чуть не выронив ящик от испуга.

Недалеко от двери стоит мужчина в опрятной, но простенькой одежде. Кайрис немного расслабляется — на хозяина не похож, а для слуги слишком хорошо одет. Она незаметно сглатывает и чуть выставляет ящик вперед, показательно тряхнув им.

— На кухню! — говорит Кайрис, стараясь звучать уверенно.

Мужчина морщится и недовольно отмахивается. На пол падает пара завядших скрученных листьев.

— Как отнесешь, уберись на втором этаже. Там молодая госпожа разбила вазу, — в приказном тоне говорит он.

В чужом взгляде нет ни капли подозрения. Конечно же, кто запоминает лица слуг? Кайрис почтительно кланяется и юркает за угол, в сторону кухни. Чуть помедлив, она оглядывается через плечо. Мужчина следом не идет. Глупец. Она сворачивает в сторону задней двери, все еще стараясь идти уверенно и не слишком быстро, и выскальзывает во двор.

Снаружи не оказывается никого, кроме парочки кур, не удостоивших Кайрис и взглядом. Бросив ящик, она чуть склоняется, чтоб не увидели из окон, и, чавкая влажной землей, движется к забору. Напряженная, как струна, Кайрис до последнего ждет крика, но ее никто так и не останавливает. Перемахнув через забор, она тут же исчезает в одной из улочек, оставляя купца наедине с его «подарком».

Вел ждет в «Белом Пауке» — дешевой таверне в бедном районе города. Кайрис пригибается, пройдя под вывеской с белой точкой на тонких палочках. Внутри пахнет кислой капустой. Приметив знакомый затылок, Кайрис подходит к столу. Вел хлебает суп с какими-то обрезками, время от времени прикладываясь к кружке пива, наполовину состоящей из пены. Кайрис невольно удивляется: как, имея столько денег, он умудряется есть и пить такое дерьмо? Отодвинув стул, Кайрис падает на него, хлопнув ладонью по столу. Суп проливается за край, но Вел невозмутимо доносит ложку до губ, прихлебывая с особенно раздражающим звуком — точно специально.

— Как все прошло?

— Твоими молитвами, — огрызается Кайрис.

Вел морщится, будто упоминание веры вызывает у него зубную боль, и откладывает ложку.

— Принесла нелегкая, пока я ем, — бурчит он, достает мешочек и кидает на стол. — Бери и проваливай. Твоя рожа весь аппетит портит.

Кайрис подхватывает свою награду, но не спешит уходить. Так и тянет поддеть Вела еще сильнее, что она не удерживается:

— Что, какой-то жрец Тенриса плюнул тебе в суп? — ехидничает она.

— Знаешь, в Измовии за неуважение к мастеру отрезают язык, — произносит Вел как бы невзначай.

— Мы не в Измовии.

Несмотря на свои слова, Кайрис невольно пригибает голову: иногда продолжать нарываться самоубийственно даже для нее. Однако раздражение продолжает ворочаться в груди огненным ежом. Вел соскреб остатки супа со стенок тарелки и отодвинул ту в сторону.

— Ну, чего тебе еще? — машет он рукой на застывшую Кайрис.

Где-то рядом раздается звук бьющейся посуды. Вел залпом допивает остатки пива и утирает пену с губ. Чувство опасности, исходящее от него, вроде бы перестает щекотать ребра невидимым острием ножа, и Кайрис решается. Она прерывается от задумчивого разглядывания выцарапанной кем-то на дереве надписи, намекающей то ли на неспособность подавальщицы Кориссы держать ноги сдвинутыми, то ли на ее великолепный в этом талант.

— Кражи, подставы, отравление, — перечисляет Кайрис недовольно. — Скоро меч заржавеет. Когда ты уже дашь мне что-то стоящее?

Вел ничего не отвечает. Мимо проносится быстрая как лань молодая девица. Кайрис невольно засматривается на то, как покачивается густая коса в такт движений бедер.

— Ты не готов, — наконец говорит Вел.

— Но...

Возразить Кайрис не успевает. Чуть склонившись, Вел смотрит ей прямо в глаза, и по спине пробегают мурашки. Хищник. Все сознание кричит об этом, но она не отводит взгляда.

— Можешь считать иначе, но мне виднее, — хмыкает Вел, снисходительно разорвав зрительный контакт. — Не одного щенка натаскал.

И перестает обращать на Кайрис внимание, давая понять, что разговор закончен. Кайрис проглатывает обиду и встает, не желая давать новых поводов для издевок. Она покидает «Паука», стараясь забыть о разговоре, но чужие слова впечатываются в сердце. Не готов.

А будет ли?

Настроение окончательно портится, но напиться рано, а подраться не с кем, поэтому Кайрис почти весь день шатается по городу. В конце концов она просто забирается на крышу и садится там, скрестив ноги и положив на колени меч. Жар поднимается от черепицы, пробирая сквозь одежду, и по спине пробегают мурашки от удовольствия. Кайрис прикрывает глаза, пытаясь распутать клубок своих мыслей. Что имел в виду Вел? Умение владеть мечом или все-таки что-то другое?

Кайрис трет виски. Внизу, на небольшом кусочке земли, играют дети. Чумазые,

растрепанные — сорняки, предоставленные сами себе. Кайрис спускает ногу и, покачивая ей, начинает наблюдать. Похоже, дети играют в «безбожника».

Стоя в кругу, они передают друг-другу рогатую палку, проговаривая считалку. Кайрис прислушивается, хотя знает ее наизусть — нет ни одного ребенка от юга до севера, кто бы в нее не играл. Так что Кайрис шепчет одними губами вслед за детьми:

«Я беру сердечко в руки, передай его по кругу, раз, два, три, и безбожник — ты!»

Мальчик, в чьих руках оказывается ветка, начинает, раздражаясь смехом и сорвавшись с места, гоняться за бросившимися врассыпную детьми. Их фигуры мелькают, исчезая меж домов. Это так странно — соседство мирной жизни рядом со всей этой грязью вроде убийств и грабежа. Иногда Кайрис невыносимо хочется присоединиться к этой светлой стороне, но даже во время таких порывов она знает: уже не получится.

«Тебе нужно быть осторожной с этим парнем».

Кайрис вздрагивает от неожиданности и хватается за край крыши.

— Ты это о Веле? — спустя мгновение спрашивает она, прижимая пальцы к рукояти для лучшей связи, хотя теперь способна слышать голоса мечей и без этого.

«Да».

Кажется, будто меч едва заметно вибрирует. Кайрис дует на пальцы — крыша оказывается горячей. Запах перегретой черепицы щекочет нос.

«Он что-то скрывает».

— Тоже мне новость, — Кайрис фыркает. — Как и я.

Детские крики снова становятся громче — маленькие «безбожники» прибегают обратно, растрепанные и покрасневшиеся. Кайрис задумчиво наблюдает за тем, как палка опять движется по детским рукам. В этот раз «водить» выпадает девочке, но та медлит и упускает цели из поля зрения.

«Послушай, девочка, я знаю, о чем говорю. Вел не главный. Есть кто-то еще. Кто-то опаснее. И ты... Ладно, не важно».

Швея замолкает, будто раздраженно. Кайрис только сейчас понимает, что успела соскучиться по этому сварливому голосу. Пальцы успокаивающе поглаживают рукоять. Может, они не особо ладят, но лучше держаться вместе. Что может быть хуже воина, рассорившегося со своим мечом? Так и без головы остаться недолго.

— Откуда тебе-то знать? — спрашивает Кайрис, не совсем понимая предостережение.

Кажется, будто Швея раздумывает над ответом — какое-то время молчит.

«Не знаю, что у вас случилось, но, когда ты надолго пропала, этот человек забирал меня. А потом вернул».

Кайрис чуть не падает с крыши от услышанного. Не блефовал, значит. Видимо, для этого и надо было ее подставлять — чтоб надолго оставила меч в комнате.

— Он тебя забирал? Зачем? — наконец, спрашивает она. — И как он вообще не попался Мелирасс?

«Я почему знаю, девочка? — бурчит Швея. — Носил к кому-то. Видимо, к мастеру. Но по пути он говорил еще с кем-то, похожим на посыльного. И тот напомнил ему про встречу с неким тирасом. Тут дело нечисто».

Кайрис хмурится. Пастух с вентонского... Кличка? Или что-то иное. Еще один нерешаемый вопрос, будто других мало.

— Что Велу было нужно от мастера?

«Я не поняла».

— Как это?

Кайрис недоуменно вздергивает брови.

«Я не знаю этого языка. Он вообще не похож на существующие».

Вот как. Шифр, что ли? Да уж, влипла она в такое болото, что дна не видно. Кайрис качает головой.

— Если ты была с Велом, почему не сказала мне, что паутинка не вранье? — с обидой спрашивает она.

И чувствует будто отраженную зеркалом эмоцию в ответ:

«Я меч, а не ворожея! Не думаешь же ты, что Вел меня везде с собой таскал?»

Приходится признать ее правоту. Кайрис поспешно соглашается — она слишком долго старалась наладить эту связь, чтобы сейчас все разрушить.

— Разве ты не отказалась мне помогать? — не удержавшись, все же любопытствует она.

В ответ — только молчание. Жаль, ведь и правда интересно. Но Швея безмолвна, и Кайрис даже думает, что она уже ушла, когда слышит негромкий, неуверенный голос.

«Да».

— Тогда почему?

В голосе невольно проскальзывает искренняя жажда услышать ответ. Кайрис не может отделаться от чувства, что сейчас любое слово способно как разрушить хрупкое равновесие между ними, так и укрепить его, будто стальную нить.

«Я не знаю».

В этот раз связь и правда обрывается — тает, истончившись и оставив странное чувство пустоты глубоко в груди. Кайрис поправляет ножны и вздыхает. Ее благодарность так и остается невысказанной.

Глава 11. Живые мишени

697 год, Медовник, 9

— Эй, Голдан, — окликает Сергетон, когда Кайрис скучает у входа. — Хозяин сказал, ты поможешь мне раскидать сено.

Она морщится, бросив на крепыша взгляд прищуренных глаз. Врет? Кто ж его знает. Лишний раз пересекаться с Сергетоном не хочется, несмотря на его показное дружелюбие, а может как раз-таки из-за него, но делать все равно нечего — рано утром посетителей мало. Поэтому Кайрис кивает и неохотно отлипает от стены. Чуть помедлив, она идет следом мимо маленького загона для свиней. Те как раз валяются в грязи, превращая в совсем жидкое месиво. Какое счастье, что Мелирассу подарили свиней совсем недавно, так что он повесил их на Сергетона.

Кайрис проскальзывает внутрь конюшни, легко подхватив протянутые ей вилы. Внутри оказывается тепло, даже душно, и Кайрис слизывает выступивший над губой пот. Хотя она успела привыкнуть к конюшне, долго здесь находиться все равно не хочется, и Кайрис, поудобнее перехватив черенок, принимается за дело. Солнечный свет падает сквозь прорубленные под крышей прямоугольники и заставляет большую кучу сена отливаться золотом.

Работа не особо сложная и идет быстро — Сергетон справился бы и сам. Видимо, просто ленится или ляссы поточить хочет.

Сейчас в конюшне стоит только одна лошадка — хозяйский жеребец с белым пятном на лбу, Лысый. Кайрис привычным движением руки закидывает сено в загон. Жеребец испуганно всхрапывает, приподняв веки, но, узнав Кайрис, опять погружается в сон.

Дальше работа идет бодро. Кайрис настолько увлекается этим нехитрым занятием, что начинает насвистывать себе что-то под нос и не замечает, как заканчивает. Утерев выступивший на лбу пот, она кивает Сергетону.

— Вот и все. Я пошел.

Потрепав жеребца по холке на прощание, Кайрис направляется к двери. Но успевает сделать всего пару шагов, когда чужие пальцы смыкаются на запястье. Кайрис вздрагивает, и ей едва удается сдержаться, не вмазав в ответ, а просто выдернув руку.

— Парень, еще раз тронешь меня — лицо разобью, — грубо бросает она, вздернув голову.

Засмеявшись, Сергетон засовывает руку в карман, и от звука его голоса по позвоночнику пробегают мурашки.

— У меня к тебе разговор... Голдан, — говорит он, будто бы издевательски скривившись на имени.

Кайрис удивленно моргает. Показалось? Все нутро вопит о необходимости бежать, но она только гневно сводит брови.

— Ну?

Она пытается звучать угрожающе, но в голос невольно просачивается страх. Кажется, Сергетон это замечает. Он будто бы задумчиво скользит взглядом по балкам, заговорив не сразу.

— Мне кажется, Голдан — не твое настоящее имя. А вот какое? Голдана? Голданисса?

Внутренности будто стягивает узлом. Кайрис на мгновение перестает видеть — мир

перед глазами мутнеет, пошатнувшись, но сразу же встает на место. Пытаясь подавить страх, она сжимает кулаки и с криком размахивается.

— Да как ты смеешь?!

Грудь обдаёт жаром. В пылу эмоций Кайрис промахивается, и Сергетон уворачивается, только слегка приложившись о стену локтем. Кулак вмазывается рядом, и это отзывается красной вспышкой боли. Сергетон громко выругивается от неожиданности.

Рядом раздаётся громкое ржание, и испуганный жеребец, перевернув корыто с водой, встает на дыбы. Раздается грохот. Сено медленно намокает и темнеет — жеребец втаптывает его в грязь копытами, беснуясь и мотая головой. Помянув Зилая, Сергетон бросается к лошади, пытаясь успокоить. Видно, как нервно и судорожно дрожат бока, поблескивая от пота.

Кайрис не может видеть, но ей кажется, что она дрожит точно так же. Прижав ладонь к бедру, Кайрис пытается совладать с дыханием. Вдруг со стороны входа раздаётся брань.

— Что там у вас происходит, сукины дети? — орет Мелирасс.

Они оба невольно переглядываются. Сердце замирает от волнения. Лысый немного успокаивается, но продолжает биться боками о стенки стойла и притоптывать копытами, раздувая ноздри.

— Все в порядке! Просто крыса, — находится Сергетон, удерживая коня на месте.

Слышно, как кто-то недовольно сплевывает. Помянув крыс недобрым словом и пообещав завести кота, Мелирасс уходит. Все затихает — слышно только тяжелое лошадиное дыхание.

— Приходи сегодня. Ночью, — негромко говорит Сергетон, пригладив волосы.

— Еще чего!

Конь вновь всхрапывает, и они одновременно оглядываются на дверь.

— Тихо, — шипит Сергетон. — А то оба получим.

Хочется огрызнуться, но он прав. Мелирасс и стражу позвать может. Кайрис прищуривается, согнув руку в локте в неприличном знаке, и быстро выскальзывает из конюшни, спиной чувствуя чужой взгляд.

Она до последнего обещает себе, что не придет, что не будет совать голову в пасть волку. От этого на душе становится легче, но стоит янтарной дольке показаться над горизонтом, как Кайрис будто случайно оказывается под знакомой вывеской.

— Ну и что ты здесь делаешь? — спрашивает Кайрис сама у себя.

Ветер веет почти жгучим холодом. Покрасовавшись, луна прячется, высвечивает янтарем очертания черных облаков. Небо полнится грозowymi тучами. Пару раз Кайрис замечает проскочившую белую молнию, но грома не слышно — город опутывает вязкая тишина.

Обойдя трактир и схватившись руками за забор, Кайрис замирает. Правильно ли она поступает? От предчувствия идет мороз по коже, но в мыслях, подтачивающих весь день, хочется раз и навсегда поставить точку. И все-таки... это очень похоже на ловушку. Сжав забор пальцами и подтянувшись на руках, Кайрис одним сплошным движением перескакивает на ту сторону и мягко пружинит о землю. Раздается тихий шелест — и угасает. Кайрис прислушивается.

Со стороны конюшни доносится мерное лошадиное дыхание. Кайрис припадает к стене ухом, но больше не удается различить ни звука. Поежившись, она успокаивающе поглаживает меч пальцами. Не то что бы это было нужно Швее — это нужно самой Кайрис.

Костяшки прижимаются к бедру, и она понимает, что руки дрожат.

Еще не поздно уйти... сделать вид, что ничего не произошло... уволиться и исчезнуть... Мысли бьются и пульсируют, не давая сосредоточиться. Вдруг раздается шорох. Кайрис крупно вздрагивает, задрав голову, и успеваает увидеть, как исчезает вдаль, быстро-быстро взмахивая крыльями, летучая мышь. Зилай! Кайрис на пределе, вконец извелась. Раздраженно пинает яблочный огрызок и, пригнувшись, проходит в открытый проем.

Внутри оказывается еще темнее, чем снаружи. Сквозь черную завесу слабо проглядывают контуры стойл и потолочных балок. Лысый спит, и в воздухе висят клубы пара, вырывающиеся из его рта.

Чуть помедлив на пороге, Кайрис осторожно движется вглубь. Никого. Она уже успеваает расслабиться, когда откуда-то сбоку выступает черная тень.

— Пришел. Или, — тянет Сергетон, улыбаясь одними уголками губ, — мне нужно сказать «пришла»?

Кажется, будто на голову опускается железный молот. Ноги подгибаются, и Кайрис едва удается устоять. Весь ее мир рушится.

— Поцелуй меня в зад! — хрипло ругается она, прикрывая грубостью страх.

Лысый беспокойно всхрапывает. По мечущимся на стенах пятнам света видно, как быстро движутся по небу облака. Собственное дыхание Кайрис колеблется в груди так же дергано и нервно. Сергетон раздраженно прикладывает палец к губам.

— Ты что, хочешь, чтобы услышал Мелирасс?

— Пусть слышит, — бросает она, невольно понизив голос. — Думаешь, он поверит в твои сказочки? Если это все, то я пойду.

— Я видел, как ты мылась.

И тут Кайрис совершает первую ошибку — против воли отступает на шаг, вжав голову в плечи. Тут же берет себя в руки, но поздно — Сергетон замечает ее мимолетную слабость. Ухмыльнувшись, он надвигается, буквально вынуждая продолжать пятиться, чтоб избежать прикосновения. И Кайрис не находит в себе сил противостоять: словно слабая девочка, которую она все это время старалась уничтожить в себе, вновь взяла верх. Кайрис сглатывает — и опускает голову.

— Что тебе нужно? Деньги?

Слова вылетают сами собой — все, чего Кайрис жаждет, это оказаться как можно дальше, в безопасности. И это становится ее второй ошибкой. Чужие глаза внимательно ловят любое проявление слабости. Заметив ее страх, Сергетон продолжает наступать, вынудив упереться спиной в стену.

Зашипев, Кайрис пихает его в грудь ладонями и впервые за долгое время не чувствует в них силы. Толчок выходит совсем слабым, и Сергетон легко отталкивает ее руки в стороны.

— Конечно, — хмыкает он, нависая над Кайрис. — Или ты можешь чем-то еще заплатить?

Чужие пальцы будто случайно задевают талию, оставляя огненный след. Кайрис деревенеет. Несмотря на то, что все внутри кричит о побеге, об отпоре, хоть о чем-то, она не может сдвинуться с места.

— Что? — переспрашивает Кайрис, слабо шевеля губами.

— Не притворяйся душой. Или плати деньгами, или чем другим.

Кажется, он просто издевается: это понятно и по тону голоса, и по насмешливой улыбочке. Но на глаза Кайрис будто падает пелена. Кинжал, приставленный к горлу в шутку,

ранит так же, как и направленный всерьез. Воспоминания поднимаются из глубин памяти, все больше и больше захватывая сознание.

Облака на небе опять движутся, заставив пятна на стенах пойти рябью, и на лицо Сергетона падает тень, сделав его полностью черным. Неузнаваемым. И одновременно очень знакомым. В голове словно что-то шелкает, заставив все вокруг пропасть — Сергетона, коня, утопающие в темноте балки.

И Кайрис будто вновь оказывается в том кошмаре, напротив нависающей над ней тени. Страх захлестывает с головой — и вдруг отступает. Кайрис больше не слабая девушка, она — воин и в обиду себя не даст. Мир сужается до игольного ушка, и в его центре оказывается чужая фигура. И Кайрис делает вид, что поддается, притворяется слабой, а пальцы тем временем смыкаются на рукояти. Теперь главное заглушить лязг металла, вынимаемого из ножен.

— Я и не думала, что тебе нравятся мужчины, — перенимая чужой насмешливый тон, говорит Кайрис первое, что приходит в голову.

На лице Сергетона появляется недоумение — и оно же замирает навсегда. Свободной рукой отпихнув мужчину вперед спиной, Кайрис выхватывает Швею и коротким, точно рассчитанным выпадом бьет в открытый живот. Лезвие с влажным чавкающим звуком вонзается в плоть, и кровь орошает Кайрис веером капель. С губ Сергетона срывается болезненный вскрик — но тут же глохнет, приглушенный зажавшей рот ладонью.

Кайрис погружает меч глубже, чувствуя, как скользит залитая кровью рукоять, и несколько раз проворачивает его, лишь после с хлопанием вырвав из тела. Меч все-таки выскользывает из рук, со звоном упав наземь. Тело Сергетона с глухим звуком падает следом, обмякнув. Кайрис опускает голову, заторможенно разглядывая почти черные в слабом свете брызги на рубахе и капли, растекающиеся на земле.

Тело Сергетона дергается, и с его стороны раздаются бульканье и хрип. В животе запоздало подрагивают липкие щупальца ужаса. Кайрис сжимает челюсти и заставляет себя поднять меч и, едва удерживая рукоять, с усилием вонзить его в чужую грудь. Руки трясет, едва удастся прицелиться. Хрип резко обрывается, и из раны толчками выливается кровь. Судорожно вздохнув, Кайрис поднимает голову и сталкивается взглядом с влажными лошадиными глазами — Лысый молча смотрит на нее, вода ушами.

Это срабатывает подобно тетиве, отпустившей в полет стрелу. Все произошедшее одновременно наваливается на Кайрис, бросая из холода в жар и обратно, будто в груди распускаются то огненные, то ледяные цветы. Кайрис без сил опускается на колени. Она... действительно убила его? Все произошло так быстро, что Кайрис не успела ничего почувствовать: ни радости, которой ждала, ни испуга, о котором принято говорить. Стоит это понять, как дрожь отступает. Отстраненно подхватив меч, Кайрис вытирает его о рубаху — все равно ту теперь только сжечь.

«Девочка! Да ответь же! — слабый отзвук усиливается, и Кайрис словно выныривает, придя в себя. Ворчливый голос Швеи отрезвляет: — Наконец-то. Ну и бедов ты натворила. Надо убрать это, пока никто не увидел».

Это. В темноте тело и правда напоминает просто мешок с картошкой. Кайрис с болезненным любопытством склоняется над ним. Под мертвым конюхом успела натечь порядочная лужа, почему-то кажущаяся в свете луны антрацитово черной. Кайрис склоняется еще ниже. Барды любят описывать смерть красиво, но она легла на чужое лицо печатью уродства, выделив все морщины и шрамы. Кайрис заглядывает в чужие глаза, и те

кажутся пустыми дырами. По спине бегут мурашки. С какой-то внутренней дрожью она не узнает это осунувшееся лицо.

С улицы раздаются звуки собачьей возни, и Кайрис вырывается из раздумий. С неожиданной легкостью поднявшись на ноги, она прячет Швею в ножны. Медлить действительно нельзя. Кайрис бросает взгляд на Сергетона. Он в самом деле казался ей страшным? Пнув обмякшее тело, она начинает усиленно думать.

Что же делать? Если оставить все, как есть, то так и до темницы недалеко. Зарывать — опасно, до канавы тащить — долго и еще опаснее. Кайрис устало трет переносицу. Нужно уничтожить ублюдка так, будто его и не было. Как бездна пожрала. Стоит мысли проскочить в голове, как Кайрис осеняет. Способ слишком хорош, чтобы сработать, но чем Зилай не шутит.

Кайрис кидает на труп задумчивый взгляд и выходит из конюшни. От холода тут же приходится обхватить себя за плечи и поежиться, но это чувство быстро проходит. Ноги сами приводят ее к загончику для свиней. В темноте жадно поблескивают бусинки глаз, и стоит подойти — как они утыкаются в Кайрис. Вот и настало время проверить все те истории, что рассказывают бабы на рынке.

Подхватив валяющуюся на земле хворостинку, Кайрис поворачивает защелку, стараясь, чтобы все выглядело так, будто Сергетон сам забыл закрыть загон. Стоит распахнуть дверцу, как свиньи сразу же с любопытным хрюканьем высовывают свои сплюснутые носы.

Кайрис глубоко вздыхает и взмахивает рукой, со свистом рассекая воздух. Хворостинка опускается на толстый бок, заставив свинью взвизгнуть. Остается только надеяться, что Мелирасс спит так же крепко, как и всегда. Загнать свиней в конюшню оказывается несложно. Только Лысый было вздрагивает, ведя головой, но почти сразу успокаивается.

Свиньи обступают холодеющий труп кругом, шумно обнюхивая воздух. Чуть потоптавшись, Кайрис закусывает губу. Не оставить ни следа, скорее всего, не удастся. Значит, надо подстроить все так, будто произошедшее — случайность. Кайрис много раз слышала, как свиньи накидывались на ребенка или немощного старика. Но на здорового мужчину? Разве что у него, например, была сломана нога.

Кайрис подбирает стоящие в углу вилы и, размахнувшись, со всей силы опускает черенок на неподвижную конечность. Раздается громкий хруст, и слабый лунный свет выхватывает из темноты белый осколок, торчащий из колена. Кайрис вновь утирает лоб. Готово. Она кое-как набрасывает сено на лужи крови, поглаживает Лысого по боку на прощание и выходит, прикрыв за собой дверь. Пригладив волосы, Кайрис подпирает двери валяющимися досками — так, будто случайно упали. Еще мгновение она прислушивается к чавканью, доносящемуся из-за стены, а потом выдыхает. Вот и все.

Стоит выйти из конюшни, как темнота тут же обволакивает, будто черное покрывало. Задрав голову, Кайрис глядит, как луна моргает из-за быстро несущихся облаков. Красиво. Сейчас, когда первый всплеск эмоций идет на спад, на место нервному возбуждению приходит усталость. Кинув еще один взгляд на янтарную дольку среди туч, Кайрис быстрым шагом направляется прочь. Она победила. В этот раз свидетелем ее тайны останется только луна — и никто больше.

Маленький ножик с дребезжащим звуком вонзается в дерево, заставив стену дома дрогнуть и заскрипеть. Иногда этот звук напоминает Кайрис стон. Старое здание на окраине города напоминает старика: покосившееся, с прорехами и дырами. На одном из боков выведен неровный угольный контур в форме человеческого тела — Вел начертил его, чтобы

тренироваться. В последнее время он полюбил сюда приходить.

Улочки на окраинах такие узкие, что и телеге не проехать, но жизнь здесь кипит ничуть не слабее, чем в центре, а иногда кажется, что наоборот. Слышно, как дерутся собаки в переулке, как галдят дети и кует где-то недалеко кузнец, ударяя по стали молотом. В воздухе пахнет грозой. Время от времени Кайрис бросает взгляд на небо, но не видит ни тучки — только белесые облака. Она стоит, привалившись к стене соседнего дома, и наблюдает за восседающим на бочке Велом и четкими движениями его руки. Др-р-р. Просвистев в воздухе, второй нож вонзается прямо там, где у фигуры должно находиться сердце. Вел удовлетворенно хмыкает.

Интересно, сколько же людей он убил и можно ли вообще это число сосчитать? Даже оборванцы, недавно заглянувшие на огонек, не хотели связываться ни с Велом, ни с Кайрис. Жаль — наблюдать за чужой тренировкой ужасно скучно. А ножи метательные — пустые и не отзываются.

Внезапный порыв ветра хлещет по щеке, обдав холодом. В ушах раздается металлический звон. Кайрис недоуменно скашивает глаза, прижав пальцы к щеке. Глаза натываются на нож, вонзившийся в опасной близости от уха, да так сильно, что по стене идет трещина.

Вел тихо усмехается, поймав недовольный взгляд, и даже не вздрагивает, когда Кайрис вырывает нож и отправляет обратно. Сделав большую дугу, он приземляется, чуть-чуть не долетев до бочки, и вонзается в землю.

— Хватит овец считать. Дело есть.

Вел наклоняется, и его пальцы с проворством змеи обхватывают рукоять и тянут вверх. Вытерев лезвие о штанину, он задумчиво примеривается. Кайрис закатывает глаза.

— Да-да, конечно, — бормочет она, продолжая лениво катать мысли в голове.

Может, в «Собачий Хвост» забежать? Выпивка там ничего — дешевая и крепкая, как удар молота. А еще танцовщицы... Не то чтобы Кайрис это в самом деле волновало, но идея кажется все более заманчивой.

Пальцы Вела замирают, и он вытягивает руку в сторону Кайрис, прикрыв один глаз. Кажется, что придушивается, но, не меняя выражения лица, заносит руку для броска. Кайрис прищуривается, следя за лезвием, но не сдвигается. С легким удивлением она понимает: да и пусть. Вел вряд ли убьет ее. Похоже, он читает это в ленивом взгляде Кайрис, потому что недобро улыбается.

— Что-то ты вялый, как дохлый конь. Дай-ка я тебя взбодрю, — говорит он, опустив руку. — Иди к стене.

И взмахивает в сторону угольного контура. Этого не звучит, по тону ясно — если Кайрис откажется, будет обвинена в трусости. А впрочем, если б Вел и правда хотел убить ее — он бы уже это сделал. Нашел, чем пугать. Фыркнув, Кайрис за пару широких шагов доходит до контура. Оказавшись около стены, она принимается выдергивать кинжалы, бросая их обратно. Один со свистом прошивает воздух возле ступни Вела, второй падает чуть дальше. Вел не двигается.

Закончив, Кайрис прижимается к стене лопатками и с вызовом задирает подбородок. И с легким удивлением отмечает, что эта смелость не показная — внутри нет ни намека на дрожь. Происходящее даже не поколебало ее спокойствия, будто прошлой ночью шторм, бушевавший в груди, утих. Или, что вернее, Кайрис стала его контролировать.

— Давай, кидай, — нахально говорит она.

Близость опасности странно будоражит. Как волчонок, который еще не распробовал крови, Кайрис хочет еще. Вел медлит, внимательно вглядываясь в ее лицо.

— Если дернешься, можешь остаться без чего-то важного, — говорит он, намекаяще опустив глаза на ее пах. — Не передумал?

Кайрис усмехается. Вел явно не понимает причину ее веселья. Он задумчиво отводит глаза и поднимает ножи.

В одно мгновение лицо Вела совершенно меняется: все эмоции пропадают, остаются только сосредоточенность и едва различимая тень азарта. Кайрис невольно прижимает к стене ладони, заразившись чужим настроением.

— Кидай. Или руки дрожат? — подначивает она.

Едва успевает договорить, как лезвие со свистом проносится в воздухе, вонзившись рядом с бедром. Удар заставляет стену дрогнуть. Кайрис кратко выдыхает, но не двигается с места. Не шевелится она и когда второй нож втыкается возле локтя.

Вел неожиданно спрыгивает с бочки, подняв облачко пыли. Кайрис против воли чувствует отголоски волнения: кажется, он взялся за дело всерьез.

Третий нож вонзается между ног, чуть выше колена, чудом не задев ткань. Кайрис слабо вздрагивает, но остается на месте и ехидно щерит зубы. Детские пугалки. Вел бы ни за что не промазал, если бы захотел. Осознав это, она вновь расслабляется, продолжая мысленно считать ножи. Четвертый и пятый втыкаются в дерево возле плеча и талии. Остается еще два.

Стена теперь непрестанно дрожит, сотрясаясь от ударов. В воздухе стоит пыль. Они с Велом сталкиваются взглядами и какое-то время играют в гляделки. В конце концов, он тонко улыбается, и Кайрис отражает эту улыбку, будто водная гладь. Она не даст ни тени волнения отразиться на лице.

Шестой нож, кувыркнувшись, вонзается над макушкой. Лезвие отрезает парочку волосков, и те разлетаются в стороны. Кайрис лениво оглядывает ножи. Остался последний.

Вел почему-то медлит. Он вертит седьмой нож в пальцах, блуждая взглядом по ее лицу. Кайрис уже думает, что он его не кинет, когда Вел вдруг быстрым смазанным движением отправляет нож в полет. И в это мгновение в груди будто натягивается тугая струна. Предчувствие в одно мгновение охватывает Кайрис целиком. Пока она будто целую вечность пытается понять его источник, нож все летит. И тут Кайрис осеняет.

Направление. Вел бросил нож прямо в сторону ее лица. Мир будто застывает. Все останавливается: летящее в нее лезвие, рука Вела, облака на небе. Кайрис с усилием дергается всем телом, пригнувшись и откатившись в сторону. Почти в тот же момент раздается глухой стук, и нож вонзается там, где всего мгновение назад было ее ухо. Кайрис разгибается, тяжело дыша, как раз чтобы заметить, как Вел натурально трясется от смеха.

— Сукин ты сын! — накидывается она на Вела, подскочив на ноги. — Только не заливай, что рука дрогнула, или я тебе ее в задницу запихну!

Рывком выдрав нож из стены, Кайрис запускает его в Вела. Тот легко уворачивается, даже не переставая смеяться. Жар охватывает Кайрис, и она начинает вырывать остальные ножи и бросать, почти не целясь.

— Ты! Ублюдок! — выкрикивает она между бросками. — Драконья отрыжка! Да я тебя!.. Да я!..

В Вела ни один нож не попадает, но когда снарядов не остается, гнев Кайрис тоже утихает.

— Если бы не увернулся, я бы за твою жизнь и ломаного гроша не дал, — говорит Вел, отряхивая штаны. — Наемник без чутья — мертвый наемник.

— Я чуть без уха не остался.

— Ухо не голова, — цинично подмечает Вел. — Подбирай ножи и пошли.

Кайрис хмуро осматривает землю. Опускается на корточки и принимается поднимать свои неудачные снаряды.

— Куда?

Вел отправляет ножи, которые она протягивает, в чехол, висящий на поясе. Услышав вопрос, он задумчиво чешет подбородок.

— Пришло время познакомиться с другими щенками, — отвечает он и вперивается в Кайрис таким цепким взглядом, что по спине пробегают мурашки. — Ты готов. Интересно, почему?

Кайрис делает вид, что не слышит вопроса, и у нее в груди разливается ликование.

Вел какое-то время водит ее по городу, прежде чем привести к какой-то невзрачной с вида таверне. На пороге копошатся цыплята, разыскивая в пыли пропитание, — и с писком прыскают в стороны, когда Вел лениво поднимается по ступеням. Кайрис заскакивает следом и оглядывается. Над дверью, застыв, как парусник во время штиля, красуется вывеска. На дереве выведена толстая красная свинья со скелетом ухом и с пугающе похожей на человеческую ухмылкой на морде. Чуть ниже виднеется надпись «Веселый кабанчик».

Кайрис фыркает, но Вел не обращает на это внимания. Пихнув дверь плечом, он проскальзывает внутрь. Кайрис быстро ныряет следом. Внутри стоит плотный запах кислого кваса и соленой селедки. Напротив двери, аккуратно над стойкой, висит огромная кабанья голова. Чучельщик постарался и зафиксировал пасть так, чтоб напоминала нечто среднее между усмешкой и оскалом. Кайрис невольно ежится.

Не задерживаясь на пороге, Вел уверенно направляется прямо к стойке. Приходится не отставать. Седой трактирщик, наливающий пиво в кружку, поднимает на них безразличный взгляд. Вел наклоняется, что-то негромко говорит мужчине. Удастся различить только обрывок про «особых гостей».

Трактирщик не отвечает, только опускает голову. Кайрис невольно прослеживает за его взглядом и удивленно моргает. Вел чуть протягивает руку и странно складывает пальцы: большой под ладонью, средний и безымянный переплетены, а указательный и мизинец направлены в стороны. Получается будто куриная лапка. Вел с трактирщиком обмениваются краткими кивками.

— Иди, я сейчас, — машет Вел за стойку, на виднеющуюся за трактирщиком дверь.

Уходить не хочется, но Вел в любой момент может передумать, поэтому Кайрис слушается. Внутри оказывается узкий коридор с двумя другими дверями. Запахи трактира сюда не проникают, зато веет какой-то травянистой горечью. Потоптавшись, Кайрис разглядывает двери повнимательнее. Первая оказывается более красивой: блестящая изогнутая ручка, явно дорогое темное дерево, резьба. Вторая на ее фоне кажется уродливой. Для слуг?

Кайрис подходит к двери побогаче и поворачивает ручку. Раздается щелчок, и она даже успевает увидеть очертания небольшого помещения, когда чужая ладонь захлопывает дверь прямо перед носом.

— Это для гостей, болван. Или, — Вел хмыкает, отвесив подзатыльник, — хочешь кого-то заказать?

— Иди к Зилаю, — огрызается Кайрис.

О, уж она бы заказала одну борзую рожу... Ташась за Велом к серой двери, Кайрис представляет эту прекрасную картину. Но мечты останутся мечтами. Эта дверь открывается совершенно бесшумно, пропустив их внутрь. В глаза тут же бьет яркий свет, заставляя заслонить лицо рукавом. Кайрис жмурится, прислушиваясь. Вот шелестит за спиной дверь, вот раздаются гомон болтовни и чей-то храп. Едва привыкнув к освещению, Кайрис осматривается.

Они находятся в просторном помещении. Многочисленные светильники в виде рогов бросают на стены оранжевые отблески. Глаза выхватывают еще парочку чучел теперь уже на стенах: оленью голову, какую-то птицу, волчью лапу. Местами виднеются воткнутые в дерево ножи.

Но самое интересное — это огромный круглый стол у дальней стены, частично огороженный перегородкой. За ним сидят четверо, и Вел останавливает Кайрис, не подпуская ближе. Он предостерегающе прикладывает палец к губам, явно что-то задумав. Однако беседующие настолько увлечены, что и так ничего не замечают. Следуя примеру Вела, Кайрис прислоняется к перегородке, осторожно из-за нее выглядывая.

Почти сразу же становится понятно, что сидящих все-таки трое. Четвертый, жилистый, лежит мордой вниз, спрятав лицо в копне светлых волос. Стоящий рядом Вел хмыкает.

— Все о том же: где пиво слаще, да девки краше, — насмешливо бормочет он.

Кайрис прислушивается и мысленно соглашается с его словами.

— Слышал, в «Рыцаре и коте» недавно шлюхи голые танцевали, — говорит смуглый мужчина шелестящим тоном.

Его кожа очень холодного оттенка, а длинные черные волосы распадаются на четко различимые пряди. Потянувшись через весь стол, он хватается кружку и возвращается в сидячее положение. Движение выходит по-змеиному ловким. Кайрис приглядывается к чужому лицу: вытянутый подбородок, раскосые глаза, узкие брови...

В животе екает. Зениец, чтоб его! Совсем как тот... Всколыхнувшиеся воспоминания едва удается подавить. Кайрис с каким-то болезненным обшаривает взглядом гибкое тело с по-паучьи длинными конечностями. Ищет в чертах сходство с тем, другим, сама не зная, чего больше хочет: найти или нет.

— Но какие же помои подают — свинья не поваляется... — все таким же ровным голосом добавляет зениец.

В воздухе волной прокатывается смех. Однако негромкий голос следующего из четверки миглом сводит его на нет. Незнакомец сидит к Кайрис спиной, но его головы достаточно, чтобы распахнуть рот от удивления. Русые волосы стрижены под горшок, как принято у морийских монахов, а на плечах — неброское темное одеяние. Служитель Богини — здесь?

— Одна была. И не шлюха, а дочь начальника стражи, Варгал, — задорно говорит монах, явно веселясь. — А похлебка в «Рыцаре», кстати, вполне ничего.

— Ага, — флегматично отзывается зениец, склонив голову. — Только в брюхе пищит. Вот что скажу: за обедом — в «Виселицу», а выпить — это «Ткачка». И спорить нечего.

Варгал скребет пальцами щеку, и цепко следящая за ним Кайрис замечает там рубец, похожий на гусеницу.

Раздается низкий смешок, и Кайрис переводит взгляд на следующего человека. Этот точно местный и, судя по виду, самый крепкий из всех. В глаза бросаются широкие плечи и крупные руки бойца. Из-за густой пшеничного цвета бороды и морщин он кажется самым

старшим. Что-то в его взгляде выдает матерого волка.

— На виселицу всегда успеем, — говорит он. — А лучшее мясо «Королеве» подавали, сколько себя знаю. Жирное, сочное... Пока недавно там купец не помер. Съел чего — и сразу откинулся, весь стол кровью захаркал. Таверну и прикрыли. Говорят, повар что-то не то в харчи кинул. И я даже знаю, что. А ну, признавайтесь, кто насвинячил?

В воздух поднимаются две руки. Кайрис не знает, что поражает ее больше — поднятая ладонь монаха, или то, что полуживое тело, о котором она успела забыть, сумело поднять свою, не двигая головой. Варгал фыркает, а тот, что со щетиной, гогочет и хлопает по столу, заставив лежащего дернуться.

— Опускай руку, Нири, тебе все равно никто не поверит. А с тобой, святой, сочтемся.

Монах кивает.

— Кружка пива же сойдет, или...

Но его прерывает четвертый из компании. Он шумно вскакивает на ноги, оперевшись о стол ладонями. От резкого движения Нири начинает шатать, и он тут же грузно падает обратно, шипя и сжимая голову руками. Кайрис наконец-то удаётся разглядеть чужое лицо. Несмотря на то, что нос Нири был когда-то сломан и неровно сросся, а губа разбита, в глаза все равно бросается то, насколько тонкие и благородные у него черты. Булькнув и зажав рот, Нири обводит всех мутным взглядом.

— Нири́, а не Ни́ри! Сколько раз мне еще повторить, Яррас? — неразборчиво мямлит он, тыкая пальцем в сторону щетинистого. — Или мне это на твоей ладони вырезать?

— Лучше на своем лбу, — усмехается тот в усы. — Никому нет до этого дела, Нири. Как вчера сыграл, кстати?

Вопрос вызывает у Нири стон, и он, ругнувшись, опять падает на стол, накрывая руками голову.

— Пошел ты, — бормочет Нири.

Яррас довольно цокает языком, а потом переглядывается с монахом.

— Так что ты там говорил про две кружки пива?

Тут Велу, видимо, надоедает стоять, и он ленивой походкой направляется к моментально затихшему столу. С легким промедлением Кайрис спешит следом, усилием воли заставляя себя держаться спокойно. Тут как в собачьей драке — главное не дать сбить себя с ног.

Похоже, заинтересовавшись причиной затишья, монах оборачивается, и Кайрис запинается. Глаза, направленные на нее, вроде бы обычные, но на щеке явственно виднеются непонятные надписи, будто ввевшиеся в кожу. Такие бывают только у безбожников... но как? А еще он оказывается совсем молодым мальчишкой. Уняв дрожь, Кайрис продолжает приближаться, хотя часть ее теперь хочет одного — убежать.

Подойдя, Вел сразу же выцепляет взглядом деревянную кружку и быстро подтягивает ее к себе.

— Что пьем, Варгал? — спрашивает он вроде бы без угрозы, но напряжение так и чувствуется.

Однако лицо зенийца остается совершенно спокойным, как море во время штиля.

— Успокаивающую настойку из корня жинника.

Кайрис удивленно вздергивает брови. Такой ведь не бывает. Вел, похоже, тоже об этом знает, поэтому качает головой, но делает вид, что поверил. Отставив кружку в сторону, он ухмыляется.

— Скучаете, бродяги? Вот вам свежая кровь, развлекайтесь, — объявляет он. — Возьми его на дело, Яррас, пусть наточит зубки, а то он у нас еще ни-ни.

Тот кратко, степенно кивает, и Вел, хлопнув Кайрис по спине, спешно уходит, оставив ее с ними одну. Стоит двери хлопнуть, как все взгляды утыкаются в Кайрис, будто стрелы в мишень. На лбу выступает пот, и, пытаясь не выказать ни капли слабости, она задирает подбородок.

— Что за дело? — раздраженно спрашивает она.

Все как-то подозрительно переглядываются. В тишине отчетливо слышно, как где-то в светильнике брызжет масло — раздается треск. Кайрис переводит взгляд с одного на другого. Молчание начинает ее напрягать. Наконец, Яррас подает голос, серьезно нахмурившись:

— Надо убить императора.

Вновь воцаряется тишина, в этот раз будто более оглушительная. Вытаращившись, Кайрис поочередно обшаривает чужие спокойные и невозмутимые лица, ища хоть намек на шутку, но те остаются совершенно серьезными. Что за бред... погодите-ка, императора?

— Но... у нас же король? — неуверенно уточняет Кайрис, наконец вернув себе дар речи.

Вот тут-то все и взрываются хохотом. Смеются так, что стол трясется и сам воздух будто дрожит. Кайрис мрачно наблюдает за этим, все плотнее сжимая кулаки. Она уже почти готова пустить их в дело, когда все успокаиваются.

— Не хмурься — рано постареешь. Мы всем так говорим, — отсмеявшись, дружелюбным тоном говорит Яррас. — Традиция у нас. Мы всем это говорим. Ты еще ничего, Нири вон в морду двинул. А наш святой и не против был.

— Я вам не поверил, дурак я, что ли? — отзывается монах, широко улыбаясь.

Кайрис вдруг осознает, что так толком и не разглядела его лицо — все внимание притягивают глаза.

— Давай не заливай, слуга Ее, — тонко улыбается Варгал и уворачивается от подзатыльника.

Движение оказывается таким скупым, что Кайрис его едва замечает. Безмолвная возня заканчивается так же резко — они оба просто встают, будто ничего и не было, даже не запыхавшиеся. Яррас тоже с кряхтением поднимается, придерживая что-то рукой, и Кайрис замечает тонкой работы лук, который тот поглаживает кончиками мозолистых пальцев.

— Где там мои три кружки пива? — спрашивает он. — Не забудь, или их станет четыре. А тебе — добро пожаловать в очередь на виселицу. Имя свое хоть скажи.

По лицу Ярраса непонятно, шутит он или говорит всерьез. Кайрис чешет затылок, все еще находясь в очень смешанных чувствах.

— Голдан, — представляется она.

Яррас кивает.

— О деле позже, Голдан, — бросает он, направляясь к двери. — Разберемся с долгами. Да, святой?

Монах, подпрыгивая, спешит следом. Кайрис остается с Варгалом почти один на один — Нири опять отрубается, и из-под переплетения рук доносится храп. Кайрис, потоптавшись, падает на один из стульев, чувствуя себя не в своей тарелке. Еще и спинка стула слишком низкая и врезается под лопатки. Кайрис ерзает, глядя на свои сцепленные замком пальцы и жалея, что не ушла с остальными.

Варгал задумчиво заглядывает в кружку и со вздохом опустошает до конца. Только с близкого расстояния становится заметно, что уголки губ зенийца все в трещинках, а сами губы сухие. Единственное живое и яркое в его внешности — это желтоватые глаза.

— Давай расскажу местные правила, раз уж ты вляпался, — наконец, тянет он. — Вел же ничего не рассказывал?

Кайрис неуверенно качает головой, все еще не поднимая глаз. На зенийца даже смотреть не хочется — так дыхание и перехватывает от злости. Варгал тихо смеется, а потом вынимает из кармана потертую флягу. Отвинтив крышку, он выливает содержимое в кружку. Раздается бульканье, и в воздухе разливается тонкий запах спиртного.

— Узнаю его. Итак, во-первых, прием заказов. Тут все просто: гость не видит тебя, — начинает объяснять Варгал, — а ты не видишь его. Они всегда проходят в первую дверь, кто-то из нас слушает вон там, записывает и забирает деньги.

Варгал отпивает от кружки, выдыхает, прикрыв рот тыльной стороной ладони, а потом откидывается на скрипнувший стул.

Кайрис прослеживает за его рукой и видит еще одну дверь в стене, общей со следующей комнатой. Над косяком виднеется колокольчик.

— Можешь сам посмотреть, — предлагает Варгал. — Святой говорит, это похоже на исповедальню. Зилай его знает, конечно...

Не то чтобы Кайрис сильно интересно, но это отличный повод уйти от зенийца, которому так и тянет врезать, подальше. Она поднимается и пересекает помещение. Приоткрыв дверь, заглядывает внутрь. Там оказывается маленькая комнатка с деревянной скамейкой. В стене сбоку виднеется прорезь — для денег? Кайрис стучит по стене и отчетливо слышит, как звук проникает по ту сторону.

— За стеной точно такая же комнатка. В нее и попадают гости.

Кайрис выходит обратно. Варгал замолкает, прислонив задранную голову к спинке стула. Прямо над ним спускается на подсвеченной золотым ниточке паук. Зениец протягивает руку, и длинные лапки, перебирая, касаются пальцев. Завораживающее и мерзкое зрелище.

— Главное — мы «не узнаем» гостей, ясно? Даже если все поняли. Он может прийти и запросить любого, — говорит Варгал, сделав ударение на последнем слове. — Хоть свою матушку, хоть благородного — если денег хватит. И никто не узнает. Никогда.

Он улыбается, повернув руку ребром. Паук ползет вниз через ладонь, а потом обратно, и его тень плетется следом, более длинная и громадная, будто паучий король.

Проследив за пауком глазами, Варгал осторожно пересаживает его на стену. Миг — и на его лицо падает тень. Она проходит через центр лба, по носовой перегородке, чуть распыляясь на губах.

Кайрис вздрагивает: стоит лицу потерять очертания, как оно становится слишком похоже на то, другое. Страх мешается со злостью — дикая смесь. Они с Варгалом сталкиваются взглядами, и Кайрис невольно морщит нос, будто скалящийся пес, упрямо не отводя глаза.

— Проблемы? — напряженно спрашивает Варгал. — Врезать мне хочешь, А?

В его до этого спокойном и негромком голосе прорезается раздражение, будто лава, просвечивающая сквозь трещинки в камне. Это так выбивается, что на мгновение застаёт врасплох. Он плавно поднимается, почти неестественно изогнувшись. Становится видно, что злость все сильнее его захватывает — губы плотно сжимаются, а ноздри гневно трепещут.

Желтые глаза будто разгораются, как кострище. Кайрис парой шагов сокращает расстояние между ними, не желая отдавать преимущество. Они нависают друг над другом, почти сталкиваясь лбами. Кажется, хватит одного слова, чтобы напряжение выплеснулось за край.

— И врежу, смотри не скули потом, — выпаливает она — чувства все-таки берут верх над разумом.

На чужом лице тенью проносится невыраженная эмоция — будто скрытая под коркой льда. Варгал медленно поднимает кулак.

— Заткнитесь оба, голова и без вас раскалывается, — вдруг стонет Нири.

Он медленно садится, шатаясь и держась за голову. Его волосы волнистыми прядями падают на глаза, и среди них мелькает парочка белых. Прикрыв глаза, Нири трет виски.

Кайрис вздрагивает, будто на нее вылили ушат ледяной воды, и мгновенно приходит в себя. Она отшатывается. Варгал показательно неторопливо отряхивает руки.

— Плевать, — бросает он безразлично, мгновенно взяв себя в руки, и, отпихнув ее плечом, проходит мимо.

Только дверь закрывается слишком резко, заставив огни в светильниках колыхнуться.

После этого случая они с Варгалом стараются не пересекаться. А потом Кайрис полностью захватывает подготовка к предстоящему делу. Яррас берется за нее плотно, натаскивая, как щенка. Стрельба из арбалета, способность передвигаться тихо и незаметно, умение находить слабые места противника и безжалостно по ним бить — все эти премудрости даются непросто, хотя Кайрис и старается схватывать на лету.

Время летит незаметно, поэтому, когда Яррас говорит, что сроки поджимают и придется работать с тем, что есть, она удивляется. Но вместе с тем не может не радоваться. Настоящее, серьезное дело. Наконец-то! Последние штрихи — и наступает тот самый день.

697 год, Медовник, 23

Балкон напротив будто явился из детской сказки. Белый, весь словно источающий мягкий свет, с изогнутыми очертаниями, он будто ничего не весит. Спускаясь со стен дома, перила обвивают сочные темные стебли, все усеянные тяжелыми красными цветами. Чудесное, прекрасное зрелище — только вот история, которую напишут кровью сегодня ночью, совершенно безобразная.

Яррас с тихим щелчком заряжает арбалет и пробегает по нему пальцами, проверяя, все ли в порядке. Они тоже сидят на балконе, но этот невзрачный, закрытый, и прорези в нем слишком узкие и редкие — как раз подходит, чтобы прицелиться и выстрелить. Кайрис вновь прислоняется к прорези, разглядывая здание напротив. Даже жаль пачкать такое красивое место, но им за это и платят.

Времени до прихода жертвы еще много, так что Кайрис вновь возвращается мыслями к делу, за которое взялась. Оно ей решительно не нравится. Гость заказал госпожу Ялессу, жену купца, и ее любовника. Второму уже подсыпали яд, но по поводу Ялессы были особые требования: убить из арбалета. Сразу ясно, что заказчик — ее муж. По слухам, господин Веррас отлично стрелял из арбалета в молодости. Значит, показательная казнь? Доказать не докажут, но все поймут, что значит эта смерть.

Кайрис вздыхает и, пытаясь отвлечься, начинает наблюдать за Яррасом. Тот управляется с арбалетом довольно ловко, но все равно так, будто давно отвык. Прислонившись к балкону спиной, она спрашивает:

— Скучаешь по луку?

Яррас ухмыляется.

— Маленько. Я со своей Велиссой полмира прошел, как сросся, — мечтательно говорит он, отставляя арбалет в сторону.

Кайрис непонимающе хмурится.

— Велисса? Это имя твоего лука? — спрашивает она. — Необычное.

А ведь действительно, кроме клинков есть и другое оружие. А Кайрис как-то не проверяла, работает ли ее странная сила с ним. Яррас кивает.

— Это в честь дочери.

Он отворачивается и смотрит куда-то вдаль, на сереющее небо. Близится ночь. Его слова заставляют Кайрис удивленно привстать. Дочь? Почему-то казалось, что ни у кого из наемников нет семьи. Может, дети где и остались, но вряд ли отцы о них помнят. Однако лицо Ярраса принимает такое мягкое, почти нежное выражение, что становится понятно: это не тот случай.

— У тебя есть дочь? А где она сейчас?

Кайрис тут же понимает, что сделала глупость. Лицо Ярраса мгновенно становится жестким, и он закрывается, как створки раковины.

— Она скоро придет, смотри внимательнее, — бурчит он, явно успев пожалеть о проявлении слабости.

Больше они не разговаривают. Яррас устраивается поудобнее, а Кайрис достает соколий глаз и прилаживает на голову. Предмет выглядит как прозрачный круг размером с полладони, закрепленный на ремне, который затягивается на затылке. Говорят, это диковинка с юга. Как работает — Зилай его знает, но денег стоит порядочно.

Улица быстро приближается — раньше с непривычки у Кайрис кружилась голова, но сейчас она уже привыкшая. Одно хорошо — потемнеть еще не успело, да и ночь ожидается лунная. А на балконе вообще лампы висят. Яррас свой глаз уже нацепил и теперь оценивающе осматривается. Время тянется медленно, вязкое, как смола. Кайрис почти успевает задремать, когда тяжелая штора за балконом колышется, открывая взору тонкую фигуру.

Каждый вечер госпожа Ялесса выходит на балкон и срезает ровно один цветок. Идеальный момент. Главное, чтоб стражи рядом не было. Сейчас как раз патрули сменяются, но кто знает, что стражников в зад клонет. Кайрис старается дышать помедленнее, унимая волнение. Госпожа Ялесса будто выплывает наружу, молодая и прекрасная. Кайрис невольно засматривается, как та, огладив подол серебристого платья, подходит к перилам и, взявшись за край, с явным наслаждением подставляет лицо и шею ветру. Прохладный поток треплет вьющиеся волосы. Улыбнувшись, Ялесса чуть нагибается, подхватив пальцами цветок.

— Давай, — шепчет Кайрис

Яррас с шелестом занимает позицию, прицеливаясь. Кайрис он стрелять не доверил — первое дело все-таки. Но именно ей нужно будет дать сигнал. Кайрис внимательно окидывает взглядом улицу. Ни одного запоздавшего путника или стражника не видно, даже собак нет. Отлично. Она облизывает губы и возвращается взглядом к Ялессе.

Та уже успевает срезать цветок и теперь стоит, поднеся его к лицу и едва заметно касаясь краем губ. Приходит мысль, что она еще не знает о смерти своего любовника — и даже не успеет узнать. Слышно, как тихо вздыхает Яррас. Кайрис сглатывает. Момент идеальный, но у нее в горле будто встает ком. Ялесса... Она выглядит такой счастливой. Может, ее выдали замуж насильно, да и про Верраса разные слухи ходят. Внезапно

проснувшаяся жалость уничтожает всю решимость. Кайрис понимает: достаточно одного слова, и эта улыбка на красивом лице исчезнет навсегда.

— Голдан, ты что, застрял? — отрывисто спрашивает Яррас.

Кайрис вздрагивает. Ялесса прикрывает глаза, снова поднеся цветок к носу. Она выглядит такой невинной.

— Голдан! Она сейчас уйдет.

Шепот Ярраса становится злее. Он весь напряжен, как каменная статуя, даже глаза не моргают. Ждет сигнала. Ялесса тем временем опускает руку с цветком и начинает разворачиваться. Все не так. С Сергетоном это было быстро, легко, так почему же сейчас вес решения, способного оборвать жизнь, ложится такой невыносимой тяжестью?

— Голдан!

Мысли мечутся, как испуганные птицы. Сделав шаг, Ялесса подхватывает рукой край шторы. Кажется, вот-вот она пройдет внутрь, и ничего не произойдет. Но Кайрис живет не в сказке. Волк съест ягненка, а если не сможет — то умрет от голода. Она опускает голову и глухо говорит:

— Стреляй.

Раздается сухой щелчок. Болт проносится в воздухе, как молния, и вонзается в голову. Ялесса взмахивает руками, будто подстреленная птица, и падает на пол. Идеальные изгибы балкона скрывают ее тело — и пролившуюся кровь. Кайрис обессиленно опускается на пол, тяжело дыша. Пальцы дрожат, и приходится прижать их к бедру.

— Почему ты сам не выстрелил раньше? — наконец спрашивает Кайрис, вытирая пот со лба.

Яррас не отрывается от складывания арбалета — движения скупые, быстрые, уверенные. В этом чувствуется немалый опыт.

— Давал тебе шанс, — кратко отвечает он. — Еще чуть-чуть, и ты бы его продолбал. Уходим, пока королевские шавки не набежали.

Больше они не тратят впустую ни мгновения, постаравшись замести все следы и оказаться как можно дальше. Лишь удалившись на приличное расстояние, Яррас замедляет шаг и поворачивается, серьезно глядя Кайрис в глаза.

— Забудь, что такое жалость — мой тебе совет. Жалеть можно людей, — говорит он. — Для тебя же теперь все вокруг — просто мишени.

И отводит взгляд, устремляя его на чернеющее небо, а после жестоко добавляет:

— А у мишеней нет имени.

Глава 12. Первое дело

697 год, Жатник, 7

После удачно пройденной проверки Кайрис ждет нового задания, но ни Вел, ни Яррас не спешат ей ничего поручать. Второй, правда, потихоньку учит разным премудростям, но на просьбы опробовать знания на практике только отмалчивается. Вскоре Кайрис начинает казаться, что ее просто не хотят пускать на что-то рискованное. Но с каких пор воины боятся использовать меч по назначению? Насколько Кайрис слышала, такое бывает либо с очень плохими, либо с очень хорошими мечами. И, учитывая, что на второе надеяться не приходится, будущее радует ее все меньше и меньше.

А однажды Вел притаскивает меч. Впору удивится уже тому, что он вообще появляется в «Кабанчике» — ее бывший учитель, похоже, тут редкий гость. Тем более странно, что Вел приходит, когда больше никого внутри нет. Кайрис как раз валяет дурака, закинув ноги на стол и подбрасывая какой-то камешек в воздух. Когда он падает вниз, Кайрис ловит свой импровизированный снаряд и начинает сначала. Тихо, будто кошка, скользнув внутрь, Вел подходит прямо к столу и вываливает на него невзрачные ножны.

— Что ты о нем думаешь?

От неожиданности Кайрис дергается, и камешек врезается ей в лоб, и, отлетев, теряется где-то на полу. Она морщится, опустив ноги.

— Чего?

— Что скажешь об этом мече, баран? — нагло ухмыльнувшись, повторяет Вел и придвигает указанный предмет поближе.

Кайрис хмурится, с легким удивлением разглядывая ножны. Обычные, темные, только на свету поблескивает серебристый контур в шипастых стеблях, оплетающих их кругом.

— Я, что, похож на кузнеца?

Несмотря на невозмутимый тон, сердце все-таки екает. Потому что такой странный интерес невольно наводит на мысли о странной... силе Кайрис. Но разве Вел может о ней знать? Раньше Кайрис бы только посмеялась с такой догадки, но теперь, складывая вместе все странности, как куски разбитой тарелки, Кайрис начинает сомневаться. Слишком уж четко вырисовываются очертания.

— Если подойдет, заберешь себе, болван, — закатывает глаза Вел. — Для дела, конечно. Он короче, так что его легче спрятать, чем твою бандурину.

Кайрис вздергивает брови.

— Но я не...

— Просто посмотри.

Она вздыхает и медленно вынимает клинок из ножен. Вел оказывается прав — тот выглядит аккуратно и удобно, почти что как кинжал. При желании в голенище поместится, если сапоги высокие. Повернув лезвие на свету, Кайрис любителю тем, как пятна света пляшут на нем, будто измовские танцовщицы. А потом она почти-что машинально тянется к мечу. Это выходит так же естественно, как дыхание: Кайрис просто нащупывает нить и дергает за нее, словно звонит в невидимый колокольчик. Я тут, ответь. Она почти ждет пустоты, к которой успела привыкнуть или даже ответа — но не того, что следует.

Нить мелко вздрагивает и вдруг натягивается, дернув Кайрис вниз. Это чувствуется, как перехватывание контроля — будто вот ты правил лошадей, а тут поводья перехватил какой-

то чужак, потому что у тебя не хватило сил их удержать. В глазах мгновенно темнеет, мир раздваивается, а к горлу подступает тошнота. Кайрис внутренне дергается, не сходя с места. И тут беспощадная сила, потащившая ее за собой, с размаху вписывает Кайрис в невидимую стену. Кажется, будто мир взрывается бело-красным, впившись в кожу осколками. Голова раскалывается надвое от всепоглощающей боли, а воздух выбивает из легких. Кайрис кажется, что она врезалась в глыбу льда. Она вскрикивает, выгнувшись и пытаясь уйти от обжигающего касания, и выпускает меч из пальцев.

Мир мгновенно встает на место. Кайрис стоит, глядя в одну точку и тяжело дыша. Проморгавшись, она дрожащей рукой утирает со лба пот и вдруг натывается на взгляд Вела. Тот открывает рот, чтобы что-то спросить, явно застигнутый ее реакцией врасплох.

— Ничего особенного. Я лучше по старинке, — выдавливает из себя беспечную улыбку Кайрис. — Что-то я перепил, по-моему. Пойду, пройдуся.

Оправдание слабое, но лучше все-равно в таком состоянии не придумаешь. Вел прищуривается, и в его глазах явственно мелькает недоверие и, внезапно, что-то еще. Он задумчиво поднимает меч и складывает обратно. Все это время мысли продолжают роиться в его голове — это видно даже Кайрис, а она никогда не была прозорливой.

— Неблагодарный щенок, — наконец, бросает Вел, но как-то сухо — будто старый пес, лающий на прохожих, только потому, что надо. — Предложу Варгалу, он поумнее будет.

Бросив эти слова на прощание, будто прицельно метнув нож в яблочко, Вел уходит ленивой, неторопливой походкой бездельника. Теперь оказывается черед Кайрис щуриться. Она сжимает губы, но ничего не отвечает, не желая попадаться на такой явно подвешенный крючок. Какое ей дело, в конце концов? Если зениец заберет это чудовище — ему же хуже. И все-таки, что это было? А еще с чего вдруг Велу интересоваться ее мнением по поводу меча, да еще такого жуткого? Слишком много совпадений.

Чуть позже, придя в себя, Кайрис начинает жалеть, что не расспросила бывшего учителя и даже надеется на встречу с ним, но Вел больше не появляется — ни в «Кабанчике», ни в «Пауке» — будто бы вовсе пропадает из города. Хотя, может, Кайрис это просто кажется. А со временем произошедшее и вовсе вылетает из головы. Тем более, жизнь вновь ее удивляет.

В тот день, когда Кайрис проходит внутрь, она понимает, что в «Веселом кабанчике» на удивление людно. Стол недалеко от входа забит какими-то крепкими мужиками с голубыми повязками на плечах — то ли наемники, то ли солдаты, Зилай их разберет. Оружия на каждом навешано столько, что хватит на небольшую лавку. Проходя мимо, Кайрис украдкой наблюдает, как самый высокий из компании привстает, шатаясь, и поднимает тяжелую кружку, расплескав пенную шапку в стороны.

— За Быков! — пьяно орет он.

Эта кружка явно не первая. Крик подхватывает весь стол, отчего, кажется, даже стулья подпрыгивают. Разносчица рядом вздрагивает, и поднос выскользывает из ее рук. Кайрис реагирует раньше, чем успевает это осмыслить — подшагивает вперед, чуть повернувшись, наклоняется и ловит поднос так быстро, тарелка не успевает перевернуться, только выплескивается чутка. Разносчица неуверенно улыбается, и ее усталое лицо даже будто молодеет.

— Спасибо, — говорит она, подхватывая поднос, и вроде бы собирается сказать еще что-то, когда замечает меч Кайрис.

Тут же опустив голову, она юркает прочь, будто мышонок. Ну и Зилай с ней. Кайрис обходит стоящие в проходе стулья и направляется к стойке. Там она уже привычно

складывает пальцы в знак и проскальзывает в дверь за спиной трактирщика. Захлопнув ее за собой, Кайрис почти нос к носу сталкивается с Варгалом. Тот смеривает ее безразличным взглядом и идет к двери, ловко проскользнув мимо, будто брезгуя соприкоснуться. Внутри тут же начинает закипать злость. Ну вот, весь день насмарку. Как с этим хмырем столкнешься, все из рук начинает валиться. Хорошо хоть он, похоже, уже уходит. Однако сделать это Варгал не успевает — дверь с грохотом распахивается, качнувшись на петлях.

Внутрь, чуть не запнувшись о порог, врывается какой-то незнакомец. С виду неплохо одетый, он выглядит растрепанным и совершенно потерянным — лихорадочно шарит вокруг глазами, будто сумасшедший. Следом тут же вваливается трактирщик, пытаясь схватить незнакомца руками, но тот оказывается проворнее. Выскользнув, будто заяц, он подбегает к двери для гостей и начинает молотить по ней кулаками.

— Выходите, ублюдки, крысы проклятые! — орет незнакомец, все сильнее расходясь.

Трактирщик порывается пройти следом, но Варгал его останавливает: медленно покачав головой, указывает глазами за дверь. Тот понятиливо исчезает, оставив их разбираться с проблемой самих.

— Простите, я не успел его остановить, — бормочет трактирщик, прежде чем скрыться.

Кайрис, наконец, отмирает, но продолжает просто стоять и смотреть, не представляя, что нужно делать в таких ситуациях. Выдворить? Убить? Позвать кого-то? К счастью, Варгал, похоже, знает. Незнакомец тем временем успевает ввалиться внутрь помещения и, конечно же, никого там не обнаружив, распаляется только сильнее.

— Выходите, твари! Верните мне его, а не то я...

Кайрис цепенеет. Однако, что именно он сделает, незнакомец сказать не успевает. Неуловимо быстро сократив расстояние между ними, Варгал хватает гостя за шиворот и рывком вытаскивает наружу. Тот дергается, но Варгал, вжав незнакомца в стену, вдруг скидывает руку, странно сложив пальцы, и что-то делает с чужой шеей. Гость тонко вскрикивает и вдруг застывает, как парализованный — только губы продолжают шевелиться. Убрав руку, Варгал заботливо придерживает его, чтоб не упал. Почему-то от этого бегут мурашки.

— Отвечаешь четко и по делу. Понял? — негромко говорит Варгал, склонивший над мужчиной. — Твое имя? Откуда знаешь про это место?

Побелевшие губы медленно размыкаются, будто преодолевая сопротивление.

— Чтоб вас Зилай... — хрипит незнакомец, скривившись от ненависти.

Варгал вновь почти неуловимо проходится пальцами по одному ему известным точкам, и через все лицо мужчины молнией проходит боль, заставив застонать. То, что делает Варгал, больше похоже на колдовство. Но Кайрис уверена, что оно им не является.

— Если ты не будешь отвечать, я решу, что живой ты не сильно полезнее мертвого, — ровным голосом говорит Варгал. — Отвечай.

Кайрис невольно сплывает. Кажется, до этого она не воспринимала зенийца, как угрозу. Но теперь не опасаться его было бы глупо. Незнакомец часто-часто моргает, и покрасневшее от злости лицо становится бледнее.

— Меня зовут Савери, — представляется он, слабо скривившись. — Я здесь уже был.

Необычное имя для вентонца. Наверное, совсем молодой — так только недавно начали называть, отказавшись от традиционного для мальчиков «рас». Варгал едва заметно прищуривается.

— То есть, ты оплатил услугу? — уточняет он таким тоном, будто речь идет о погоде. —

Обычно мы не спрашиваем, но ты сам лишил себя этого права. Кого?

На лицо Савери ложится такая печать ярости, что, если бы тело все еще его слушалось, точно бы полез с кулаками. Но все, что ему оставил Варгал — это голос.

— Неправда, я этого не хотел! Это все вы! Я не виноват... — почти ревет Савери, но на середине запинается, и крик переходит в стон. Варгал, похоже, не собирается терпеть излишний шум. — Верните мне брата.

Варгал вновь расслабляет пальцы, но угроза продолжает висеть над гостем, будто занесенный меч.

— Так, — поторапливает зениец.

Кажется, Савери теряет всю решимость — лицо, мгновенно осунувшись, поникает, глаза тухнут.

— Мы поссорились, и я пришел сюда. Поговорил с кем-то. А потом... А потом... — его голос звучит все тише и тише с каждым словом, заставляя напрягаться, чтоб хоть что-то разобрать. — Его нашли в канаве с перерезанным горлом. Я не хотел. Я не виноват!

Голос Савери становится все выше и выше. Варгал не меняется в лице, но его глаза едва заметно сужаются. Скользнув рукой к поясу, он приставляет к горлу Савери нож. Все еще парализованный, тот не может ни уйти от касания лезвия, ни даже вздрогнуть — только глаза испуганно моргают. Варгал наблюдает за этим с тенью отвращения.

— Знаешь, что мешает мне убить тебя прямо сейчас? — спрашивает он, надавив ножом чуть выше кадыка. — Ты не заплатил вторую половину. Верно?

Савери, видно, пытается поспешно кивнуть, но ему это, конечно же, не удастся.

— Да, — сипит он.

— Плати. Мне не важно, с кого получать плату — с живого или с мертвеца.

Варгал чуть перемещается, загородив обзор спиной, но по резко выдохнувшему Савери Кайрис понимает, что тот вернул себе контроль над телом. Однако нож у горла хорошо сдерживает необдуманные порывы. Шумно сглотив, Савери лезет к висящему на поясе кошелю. Звякнув, монеты исчезают в руке Варгала. Тот кивает и убирает нож, отступив в сторону. Похоже, когда единственная опора исчезает, ноги перестают держать Савери, и тот падает на колени.

— Я этого не хотел, понимаете? Я не хотел, — бормочет он словно в помешательстве. — Не хотел.

Савери обхватывает себя за плечи, крупно дрожа. От всего происходящего не по себе — будто подглядываешь в замочную скважину. Варгал возвращает кинжал обратно в ножны, потеряв к Савери весь интерес. Поправив перевязь, он оборачивается:

— Нет, ты хотел. И даже заплатил нам за работу. Кто бы ни убил твоего брата, именно ты достал меч из ножен, — безразлично прерывает стенания Савери Варгал и предостерегающе кладет руку на рукоять кинжала. — Я считаю до пяти.

Савери исчезает за дверью еще до того, как звучит «раз». Варгал цыкает, ничуть не удивленный. Кайрис переводит взгляд с захлопнувшейся двери на Варгала и обратно.

— Он же сообщит страже, — неуверенно говорит она.

Уже взявшийся за ручку Варгал лишь качает головой.

— Как же. Попробует — станет в канаве на один труп больше, — отвечает зениец. — У нас там свои люди.

— И часто такое бывает?

Любопытство сдержать не удастся. Варгал только хмыкает в ответ — от него ощутимо

веет холодом. Однако и дураку понятно: такие концерты здесь не впервой. Кайрис задумчиво смотрит вслед уходящему зенитцу. Почему-то ей всегда казалось, что человек, пришедший сюда, точно знает, что делает. Осознавать обратное на удивление неприятно. Чувствуешь себя мечом в руках ребенка. Но, как и у меча, у Кайрис все равно нет выбора.

697 год, Жатник, 18

— Не вертись.

— Да не верчусь я.

— Вот в глаз попаду — будешь знать.

Кайрис вздыхает и старается держать голову ровно. Быстрые мазки ложатся на кожу один за другим, не давая передохнуть. Еще не все лицо покрыто, а уже чувствуется, как смесь на коже начинает схватываться, будто стягивая. Все морщинки, неровности, изъязны пропадают под толстым слоем, создавая ощущение, что к лицу приклеена маска. Кайрис нервно постукивает ногой — ситуация так раздражает, что словами не описать. Еще и начинает казаться, что все чешется. Закончив с белилами, которые в Вентонии оказываются похожими на смолу — Зилай знает из чего сделанными, Птичка вытирает кисть о грязную тряпку и берет миску с другой жижей, в этот раз черной.

Странно видеть ее опять — который раз они пересекаются, третий? Все то же детское лицо, ярко-красные губы, вьющиеся волосы — и золотистый лотос на тонкой шее. На самом деле, это уже немного напрягает. Корабль, улица — можно списать на совпадение. Но то, что повстречавшаяся по пути в Вентонию шляха тоже работает на Вела... Кайрис не может отделаться от зудящего в затылке предчувствия подвоха, очередной ловушки, хоть в этом и нет смысла. Птичка зачерпывает черную массу, и Кайрис, предугадав ее просьбу, закрывает глаза.

— Да не бойся ты, мне не впервой, — щебечет Птичка — видно, заметив, как она напряжена.

— Я не боюсь, — бурчит Кайрис.

— А чего тогда будто кол проглотил? Или переживаешь, что засмеют?

Кайрис тяжело вздыхает, и они вновь замолкают. Глаза холодит. Чувствуется, как Птичка ведет самым кончиком кисти, вырисовывая линию глаз — почти нежно, но вместе с тем уверенно. Закончив, она замирает с занесенной в воздухе кистью и вдруг хихикает себе под нос.

— Надо же, а из тебя хорошая девица вышла!

О да, кто бы мог подумать. Кайрис смеривает жизнерадостную Птичку хмурым взглядом. Несмотря на деланное спокойствие, в горле уже давно стоит ком, и, как бы Кайрис ни старалась это отрицать, живот сводит от страха. Еще и сквозит. Она зябко ежится. Все это место, в котором они находятся, кажется, умирает: тонкие, дырявые стены, полусгнивший пол, завядшие цветы в замызганной вазе. Это не добавляет уверенности в успехе будущего дела, в которое Кайрис ввязалась явно зря. Впрочем, видимо, все и так было решено.

В тот день, когда происходит стычка с гостем, Кайрис застаёт остальных за обсуждением нового дела. Становится понятно, почему никто не выбежал на шум — не услышали. Только стены «исповедальни» тонкие, а все, похоже, так увлеклись, что даже на вошедшую Кайрис не обращают внимания.

— Танец — лучший момент, поверьте моему опыту, — как раз говорит Яррас.

Похоже, она застала спор в самом разгаре. Не удивительно, что Варгал ушел. Неприятно

признавать, но тут Кайрис склонна согласиться с ублюдком. Яррас чуть наклоняется вперед, потирая бороду и взирая на остальных со сдержанной уверенностью. Нири громко смеется, показательно схватившись за живот.

— Насмешил, не могу. Кого нарядим, тебя? — издевательски говорит он, ткнув в Ярраса пальцем. — Может, этот хрен слепой? Уж просвети.

— Тогда уж тебя. Язык что помело, — снисходительно отвечает Яррас, ничуть не задетый. — Вот помню, когда начинал, мы на балу...

— Ты еще древних богов вспомни, старик.

Вел, закинувший ноги на стол, наблюдает за спором с искренним интересом. Удивительно, что его сюда занесло: за все время пребывания Кайрис в «Кабанчике» ее бывший наставник появлялся всего пару раз. Кайрис так и не понимает до конца, в чем тогда заключается его работа: Нири говорит, что «ушами хлопать», а Яррас проницательно, улыбнувшись, советует разобраться самостоятельно.

Спор тем временем продолжается.

— Я хотя бы помню, что вчера пил и с кем, — беззлобно усмехается в ответ Яррас. — И не пугаю шестерки и девятки...

Лицо Нири идет красными пятнами. Наверняка это какой-то конкретный случай с картами.

— А сколько раз я тебя пырну — запомнишь, дряхлый хрыч?

Он понемногу закипает. Нири вообще очень легко из себя вывести. Яррас же остается терпеливым, как старый пес, лениво взирающий на молодняк.

— Не стоит, — просто говорит он. — Не хотелось бы сегодня чистить меч. А ты садись, Голдан.

Кайрис вздрагивает. Заметил-таки. Она подходит ближе и падает на стул, отчего стол вздрагивает. Ноги Вела соскальзывают, и он морщится.

— Аккуратнее, щенок, — бросает Вел.

Кайрис хватается воли смолчать, но она не удерживается и задевает ножку стола ногой. Вел прищуривается.

— А Голдан, кстати, мориец.

Мстительная тварь. На Кайрис тут же скрещиваются взгляды, и она поспешно отмахивается.

— Ну, да, но я ж не баба, — говорит Кайрис и интересуется: — А о чем вообще речь?

Впрочем, ее все равно на дело не возьмут, как и все разы раньше. Даже удивительно, что Вел в обсуждении упомянул. Тот со скучающим видом вновь откидывается на спинку стула. Нири цыкает и показательно отворачивается.

— Видишь ли, у нас новый заказ. Необходимо убить барона Корвина — обязательно в день его свадьбы, но до окончания обряда, — говорит Яррас и разводит руками в стороны. — Гость за это хорошенько выложил.

— А при чем тут...

— Да при том, что старый сказал: на свадьбе будет морийская танцовщица. Ну, из этих, которые с перьями пляшут, как курицы, — не выдерживает Нири. — И старый хрен решил, что нужно ее заменить кем-то из наших. Еще бы лошадь в платье нарядил.

С перьями? Он что, про танец Чайки? Кайрис с большим трудом удаётся удержать выражение лица. Яррас тем временем окидывает ее прозорливым взглядом, а потом прикрывает один глаз и осматривает вновь, чуть откинувшись назад. Следующее за

предложение напрочь выбивает Кайрис из равновесия, вместе с тем удивив.

— А между прочим, если Голдана в тряпки замотать и намазать, — задумчиво начинает он. — То вполне...

— Нет!

Кайрис поспешно замолкает, но все уже успевают уставиться на нее в легком удивлении. Звук выходит слишком громким и резким, почти панически. Нири ухмыляется.

— Что, боишься, бубенчики отпадут? — ехидно спрашивает он. — Да не переживай, зато сражаться будет удобнее.

Они же не хотели ей ничего доверять, так с чего вдруг передумали? И надо же было сделать это именно сейчас. Нет бы другого задания подождали... Но вопросы, как и мольбы, все так же остаются без ответа. Птичка, тем временем, убирает кисточку и начинает наносить узоры растертым в порошок углем. Кайрис хмурится. Выбора ей действительно не оставляют. Где это видано, чтоб меч решал, кого бить, а кого нет? А то, что она видела пресловутый танец, становится решающим, хоть Кайрис и отнекивается. И вот она здесь.

Как же все глупо и смешно, будто богиня мстит за слова, сказанные в ее адрес. Прошлое возвращается, будто расширяющиеся круги на воде. Вновь и вновь оказывается за спиной, стоит поверить, что удалось оторваться. Танец Чайки на свадьбе — почти святотатство. Только вентонец мог такое выдумать. А что, заморская диковинка. Противно.

Птичка чему-то довольно кивает и вновь берет в руки кисть, но другую, плоскую и широкую, маслянисто блестящую.

— Теперь быстро не сотрется, — говорит она, будто это должно обрадовать.

Кайрис только морщится. Вот бы прямо сейчас умыться и забыть все, как страшный сон. Она с отголоском грусти вспоминает, как тогда, дома, чувствовала трепет, пока мать наносила муку и уголь. А теперь — ничего. Кайрис устало прикрывает глаза. Это просто еще одно дело — и не более. Стоит думать об этом так.

Птичка поднимается на ноги и отходит, чтобы вернуться с париком. Когда она наклоняется, чтобы водрузить его на голову Кайрис, в нос ударяет терпкий, слишком резкий запах духов. Поправив парик, Птичка начинает вплетать в пряди цветы и чайчьи перья. У Кайрис против воли перехватывает дыхание от подступившего страха. Она сглатывает. Просто задание. Наконец-то серьезное дело. Однако, даже это не помогает. Хочется сбежать, но опять струсить — значит собственными руками уничтожить весь пройденный путь, так что Кайрис терпит. Закончив с париком, Птичка отходит на шаг назад и оглядывает свою работу. То туда, то сюда понаклоняв голову, она в итоге довольно хлопает в ладоши.

Кайрис вновь думает об их подозрительно частых встречах. Это делает все странности с Велом еще весомее, особенно после случая с мечом. Да и это задание... неужели Яррас действительно ждал, пока ее натаскает? Нет, что-то не вяжется. Вокруг творится нечто непонятное, и, хотя Кайрис находится в самом эпицентре, это ничего не проясняет. Птичка ловит ее взгляд и улыбается, отчего на щеках залегают ямочки.

— А теперь давай я помогу тебе переодеться, — говорит она и достает откуда-то длинное белое платье до пят.

Кайрис уже почти машинально кивает, когда до нее доходит. Она проворно подсакивает на ноги и выхватывает платье из чужих рук.

— Я сам.

С разрезом спереди это не будет большой проблемой. Птичка удивленно округляет глаза и вновь улыбается. В этот раз в уголках губ прячется что-то насмешливо-наглое. Впервые с

их с Кайрис встречи проступает скрытая за милым личиком опасность.

— Ты что, стесняешься? — хихикает Птичка. — Ну, как хочешь.

Она пожимает узкими плечами, но не уходит. Кайрис подхватывает платье поудобнее и кивает на дверь:

— Выйди.

Птичка удивленно вздергивает брови, но в итоге снова пожимает плечами и идет к двери. Прежде чем выскользнуть наружу, она одаривает Кайрис внимательным взглядом. Дождавшись, пока останется одна, Кайрис плотнее стягивает грудь, прежде чем натянуть и заправить тонкую узкую рубашку в такие же облипающие тело штаны. Под платьем не видно, зато в случае чего его можно скинуть и бежать.

Прежде чем надеть само платье, Кайрис медлит. Глубоко вдохнув, как перед нырком, она втискивается в него, натягивая юбку. Это оказывается по странному непривычно — качающаяся ткань, непослушные рукава. Как давно Кайрис носила что-то такое? А еще становится заметно, как изменилась ее фигура — в плечах давит, а размер явно порядком больше, чем Кайрис носила раньше. Просторные длинные рукава удачно скрывают по-мужски накачанные руки.

Покачав головой, она принимается за шнуровку. Ее завязать оказывается не так просто: приходится выкручиваться, едва дотягиваясь до спины. Кайрис даже начинает жалеть, что выгнала Птичку. Но не то чтобы она могла поступить иначе.

Когда шнуровка затянута, Кайрис уже вся обливается потом. Хорошо, что краска с лица не смывается. Устало сев на кровать, Кайрис натягивает женские сапоги и выдыхает. Пора. Она неохотно поднимается, разминая ноги. Без меча Кайрис чувствует себя совсем незащищенной, и только желание утереть всем нос останавливает ее от того, чтобы послушаться и взять — ее будут обыскивать.

Накинув плащ и подхватив свои сапоги, Кайрис спускается вниз. Когда холодный воздух касается лица, она почти испытывает облегчение, но надолго его не хватает. Кайрис оглядывается. Напротив дома, кое-как втиснувшись в узкий промежуток между другими домами, стоит карета. Довольно простенькая: светлая, почти не украшенная, если не считать резьбы на дверце. Прислонившись к ней спиной и повесив голову, у кареты дремлет Нири.

Сегодня он одет на удивление опрятно и аккуратно: ни тебе жирных пятен, ни неровно застегнутых пуговиц. А еще будто бы не пил и успел протрезветь, отчего породистость лица не просто выделяется, а режет глаза. Посреди грязных, залитых помоями улочек Нири кажется совсем неуместным.

Надеясь так поднять себе настроение, Кайрис начинает подкрадываться к вентонцу. Но она не успевает даже подобраться на расстояние удара: Нири мгновенно просыпается и чутко вскидывает голову, будто дикий зверь. Он смеривает Кайрис оценивающим взглядом и растягивает губы в ухмылке.

— У-ля-ля, такая красotka — и одна, — тянет Нири. — Прогуляешься со мной?

Не сдержавшись, он начинает похрюкивать, мгновенно развеяв окружающий его флер благородства. Кайрис угрожающе улыбается.

— Иди в зад, осел.

Нири поджимает губы, будто обиделся, но долго не выдерживает, вновь заходясь гоготом. А потом вдруг его лицо принимает до гадкого ехидное выражение, и вентонец достает из карты какой-то сверток. Кайрис подозрительно прищуривается.

— Тебе тут кое-что передали, — почти пропевает Нири.

И протягивает непонятный предмет. Кайрис удается разглядеть какую-то мягкую ткань. Она присматривается к странной округлой форме, когда ее осеняет. Кайрис резко выхватывает сверток из рук Нири. Ну конечно, у женщины ведь должна быть грудь! Нири все не понимает — как бы внутренности от смеха не вывалились. Прежде чем забраться в карету, Кайрис поворачивается к запрыгнувшему на козлы Нири.

— Заткнись, или я тебе в глотку раскаленную кочергу «передам», — не сдержавшись, злобно говорит она.

Бросает оскорбление так, не целясь, но Нири, похоже, задевает. Он перестает смеяться и прищуривается.

— Знаешь, Варгал тоже едет, — с мстительным удовольствием говорит он, перехватив поводья. — Правда, Яррас просил не говорить тебе это, пока не выедем. Но старый хрен сам говорил, что у меня плохая память...

Кайрис будто обухом по голове получает.

— Но мне не нравится с ним работать.

Нири гадливо хмыкает.

— Яррас это предугадал и даже ответ заготовил.

— И какой?

— «Работа тебе не шлюха, чтобы нравиться», — пытаюсь повторить наставительный тон Ярраса, говорит Нири. — «Развлекайся».

Хочется выругаться, но Нири только этого и ждет, так что Кайрис молча захлопывает дверцу. Она была уверена, что все пойдет криво-косо — и оказалась права.

Карета едет, качаясь и чуть подсакивая на камнях. Кайрис сидит, широко расставив ноги, и запихивает ткань себе за ворот, пытаюсь соорудить из нее подобие груди. Получается так себе, в основном потому, что сидящий напротив Нири следит за всем с довольной ухмылкой. И почему она не занялась этим, пока вентонец правил лошадей? Но стоило им подобрать Варгала, как Нири тут же забрался в карету и лениво развалился на сиденьях.

Кайрис почти с ненавистью комкает ткань. Богиня продолжает над ней насмеяться, вынудив делать обманку, имея нормальную грудь.

— Под рубашку засунь, — лезет с непрошенными советами Нири. — А то твои «сиськи» во время танца вывалятся.

И ржет, запрокинув голову.

— Иди к Зилаю, — устало ругается Кайрис.

Больше возразить нечего — Нири-то прав. Кое-как отвернувшись, она пропихивает ткань в ворот, и, придав подобие ровного изгиба, выдыхает.

— Лучше бы просто отправили женщину, — раздраженно говорит она. — Ту же Птичку... И вообще, почему у нас ни одной нет?

Нири смотрит на нее, как на дуру.

— Кто ж бабам оружие даст? — удивляется он. — Девка с мечом — что бешеный волк. Или сама поранится, или своих покромсает. У них же в башке опилки.

Кайрис удается сохранить спокойное выражение лица — только желваки дергаются. Сказать бы Нири, с кем он сидит в одной карете, и посмотреть на его лицо. Но Кайрис же не бешеный волк, чтоб на меч кидаться. Интересно, кстати, что стало с настоящей танцовщицей?

Именно с ней должен был разобраться Варгал. В голове тут же всплывает видение окровавленного женского тела с замершей над ним гибкой фигурой зенийца. Кайрис

передергивает. Лучше об этом не думать. Отвернувшись, она смотрит в окно. Мимо проносятся деревья и кусты, превращаясь в смазанные зелено-коричневые пятна. Чуть прикрыв глаза, она откидывает голову на сиденье.

— Ну и кривая из тебя девка вышла, — ухмыляется Нири. — Ладно. Ты точно все запомнил?

Кайрис морщится.

— Да запомнил, я ж не ты.

— Ну это же не я «девственничек», — не упускает шанса поддеть ее Нири, напомнив о неопытности в убийствах. — Поэтому повторю. И только попробуй напортачить — кости переломаю.

Как будто в случае ошибки они все не будут тут же мертвы. Кайрис вздыхает и готовится слушать. Как бы она ни хорохорилась, Нири действительно опытнее. И заказов в одиночку выполнил достаточно, тогда как она — ни одного...

Об их цели Кайрис знала не то чтобы много, но достаточно. Земли Корвина ничем не выделялись. Получив их по наследству, Корвин продолжил дело отца — продавал дерево. Дела шли сносно, а потом вдруг что-то приключилось. Будто Зилай нашептал: Корвин стал поставлять древесину более хорошего качества, благодаря чему стал вхож в узкие круги. Шептались, что и до пожалования титула повыше недалеко. Менее суеверные говорили, что люди барона что-то нашли в лесу. Но это не меняет одного: чем тяжелее золото, на котором ты сидишь, тем больше желающих тебя спихнуть. А спихивать труп всяко легче.

— План такой, — начинает Нири, даже стерев с лица свою дурную ухмылочку. — Во время танца все будут стоять, раззявив рот. Как ты ногами будешь дрыгать, мне без разницы. Главное — как бы случайно приблизиться к барону и коснись его бокала кольцом.

Нири вынимает из внутреннего кармана упомянутую вещь. Кольцо оказывается темным, слабо мерцающим на свету и совсем простеньким. Тонкая полоска металла, а на ней маленький грязно-красный камень, похожий на засохшую каплю крови. Повертев кольцо в пальцах, Нири закидывает ногу на ногу и протягивает его Кайрис.

— А если у него не будет бокала? — с сомнением спрашивает Кайрис.

Да, детали они обговорили не раз, но волнение заставляет задавать новые и новые вопросы.

— Будет. Барон любит выпить и с бокалом не расстается, — отвечает Нири. — Главное, чтоб он умер во время церемонии. Поэтому слишком долго не держи. Чем дольше держишь...

— ...тем сильнее яд. Я помню, — перебивает его Кайрис.

— Может, и как уходить будем — тоже помнишь?

— Сразу после танца, сославшись на дурное самочувствие. Карету бросим, вещи утопим, пересядем на лошадей, спрятанных за холмом у первой развилки.

— Не у первой, а у второй. А говоришь, что помнишь.

— Да, второй. Помню я!

Они вновь замолкают. Кольцо оказывается неожиданно тяжелым, и Кайрис, померив его на разных пальцах, в итоге оставляет на среднем. Авось не соскользнет.

— Когда будут обыскивать, молчи. Говорить будем мы, — добавляет Нири и вдруг хмыкает. — Не зря все-таки барон так осторожничает. В общем, действуй по плану, а мы подстрахуем.

И проследим, ага. Впрочем, на такое дело одна идти она бы и так не рискнула. Карета,

резко качнувшись, останавливается. Похоже, приехали. Кайрис рвано выдыхает, собирая мысли в одну кучу. Нири подскакивает на ноги, придирчиво оглядев Кайрис напоследок.

— Смотри, не звезданись, когда танцевать будешь, — ехидно советует он. И, выскользнув наружу, придерживает дверь. — Прошу.

Тон голоса мгновенно меняется, становясь шелковым. Все-таки в актерском таланте Нири не попеняешь — столько почтения и угодливости появилось в голосе. Подхватив ненавистное платье, Кайрис выходит следом, не обратив внимания на почти глумливо протянутую руку.

Пока Варгал разбирается с подбежавшим мальчишкой-конюхом, она оглядывается по сторонам. Похоже, они успели проехать первые ворота. Кроме других карет и невзрачных строений — видимо, для слуг — ничего не видно. Наверное, сам барон живет за вторыми. Махнув конюху, Варгал бросает на Кайрис короткий взгляд и, дернув губой, движется к воротам. Они с Нири идут следом.

— Уже заметил, как много солдат? — говорит Нири одними губами. — Если не выпустят, придется туго.

Кайрис присматривается и понимает, что среди других гостей то тут, то там снуют крепкие мужчины в кольчуге и с качающимися на поясе мечами. На вторых воротах обнаруживается вереница ждущих гостей. Солдаты на входе пропускают по одному, внимательно досматривая каждого. Кайрис знала, что так будет, но все равно напрягается. Нири кидает на нее многозначительный взгляд.

Когда очередь доходит до них, вентонец идет первым. Подняв руки, он позволяет беспрепятственно себя обыскать — оружие все равно никто с собой не брал. Кроме Варгала — охране положено. Стражники проверяют даже сапоги. Этот обыск — одна из причин, почему идею просто прирезать барона сразу отмели. Кайрис с легкой завистью наблюдает за тем, как Нири спокойно перекидывается со стражниками парой слов. Те чему-то кивают и пропускают вентонца внутрь.

Варгал идет вторым, стелясь по земле, будто змея. Он ловко снимает с пояса невзрачный меч и бросает в ящик, стоящий у ног солдат. Следуя их плану, он специально взял тот, который не жалко. Если бы охранник был без оружия, это вызвало бы подозрения. Варгала проверяют тщательнее, но тоже запускают. Наступает очередь Кайрис.

Незаметно выдохнув, она приближается к солдатам. И эта разительная смена отношения просто поражает. Кайрис осматривают спустя рукава и слишком уж очевидно проходятся по бедрам. Вдох-выдох. Кайрис начинает считать про себя, чтобы не сорваться.

Нири, давящийся смехом по ту сторону ворот, хорошего настроения тоже не добавляет. На контрасте с ним Варгал, безразлично ожидающий рядом, кажется настоящей глыбой льда. Наконец, Кайрис отпускают, ничего не найдя. Передернув плечами, будто так можно стряхнуть чужие прикосновения, она проходит в широкий проем. Над головой проносится каменный свод, Кайрис оказывается внутри и невольно замирает от увиденного.

В первое мгновение кажется, что она попала в огромный сад. Раскидистые деревья, похожие на барашков шапки кустов, тяжелые гроздья цветов — это все завораживает. В воздухе стоит тяжелый медово-сладкий запах, от которого начинает кружиться голова. Только присмотревшись, Кайрис понимает, что растения располагаются только вдоль дорожки, ведущей к главному зданию.

Среди привычных глазу, хоть и не менее от этого красивых фруктовых деревьев явственно выделяется одно: его крепкий и гладкий с виду стол будто отливается черным, а

узкие светлые листья мягко шуршат на ветру. Задумавшись, Кайрис говорит вслух:

— Какое странное дерево...

Голос звучит как надо — действие настойки недавно прекратилось, а новую она не выпила, спрятав в кармане штанов под платьем. Правда, приходится делать его чуть более низким, чем обычно, чтоб не вызвать подозрений у Нири или Варгала. Впрочем, это дается на удивление легко и будто само собой. Услышав слова Кайрис, проходящий мимо гость останавливается и вежливо ей улыбается. Приходится состроить ответную улыбку.

— Его называют Черным, — говорит мужчина. — Главная драгоценность барона.

Ну и болтун. Кайрис продолжает вежливо улыбаться, пока не оставляет мужчину за спиной. И все-таки — откуда оно взялось? Они проходят еще чуть-чуть, когда будто из-под земли появляется слуга в серо-голубой одежде. Поклонившись, он предлагает идти следом. Петляя среди деревьев, слуга приводит их к небольшой пустой площадке. Вокруг снуют гости, собираясь в группы. На небольшом помосте стоят музыканты и настраивают инструменты. Как на самом помосте, так и вокруг все пестрит от украшений — лепестков, цветов, лент.

То тут, то там снуют слуги с бокалами темно-красного вина. Кайрис невольно провожает поднос взглядом, когда Нири едва заметно пихает ее в бок. Проследив за кивком его головы, Кайрис видит Корвина. И он ей сразу не нравится. Длинное, узкое лицо, приплюснутый нос, сам Корвин весь какой-то будто ссохшийся, начинающий лысеть. Зато глаза цепкие, живые. Наткнувшись на взгляд Кайрис, Корвин кивает и отворачивается.

Она тоже невольно отводит глаза и натывается на низенькую девушку рядом с бароном. Очень быстро доходит, что это невеста. По вентонскому обычаю она одета в пепельное платье с золотыми узорами на подоле, рукавах и вороте. Длинная тугая коса цвета спелой пшеницы лежит на плече, руки сложены на животе. Невеста выглядит совсем молодой, еще по-подростковому угловатой. И радостной она совсем не кажется — скорее покорной, как олененок. Кайрис прищуривается. Это знание дает ей опору, понимание, что все идет правильно. Нири чуть сжимает ее плечо, прежде чем отступить на пол шага. Кайрис кивает и движется к помосту, скрываясь за музыкантами. Было оговорено, что она выйдет, когда зазвучит барабан.

За помостом оказывается только притоптанная трава. Кое-как успокоив сбившееся дыхание, Кайрис прижимается грудью к помосту и осторожно из-за него выглядывает. Жених и невеста стоят перед жрецом Тенриса. Тот держит в руках медную чашу, а Корвин, подхватив длинную косу, отрезает ее блеснувшим на свету лезвием. Кайрис вздрагивает, но все остальные спокойны. Ну и обычаи. Остальные волосы распадаются, едва достигая плеч. Дикость. Кайрис отворачивается, не желая за этим наблюдать. Она даже успевает слегка расслабиться, когда раздаются первые отзвуки барабана.

Внутренности мгновенно скручивает узлом. Кажется, будто барабан дрожит в глубине груди. Ладони тут же потеют, и Кайрис вытирает их о подол. Кажется, все пережитое вновь взваливается на плечи, выливаясь сомнениями. А вдруг не выйдет? Вдруг она ошибется? Кайрис прикрывает глаза и выдыхает. Спина сама собой выпрямляется, ноги вновь твердо стоят на земле. Это закончится сейчас — раз и навсегда.

Стук барабана учащается, и, глубоко вдохнув, Кайрис выступает из-за помоста. До этого она боялась, что не вспомнит движений, но тело двигается само — даже приходится себя сдерживать. Это девушек учат танцу Чайки, а парень, даже видевший, как его танцуют другие, так идеально не повторит.

Однако, чем дольше она кружится, тем сильнее темнеет в глазах. К горлу подступает тошнота, и воспоминания вновь пробуждаются, затуманивая окружающий мир. Кайрис оступается раз, второй, а потом делает единственное, что может: закрывает глаза.

Кажется, будто она окунается в воду. Темнота смыкается, звуки, едва усилившись на мгновение, затихают. Кайрис вслушивается внутрь себя, как когда-то впервые прислушивалась к мечу — и поднимает в плавном взмахе руки. Длинные рукава трепещут на ветру и чуть дрожат. Сможет ли она? Наверное, ведь другого выбора нет.

Покачнувшись, руки расходятся в стороны, и Кайрис встает на носки. Стоит перестать думать, как эмоции успокаиваются, и сквозь шум в ушах просачивается мелодия. На первый взгляд знакомая, она все-таки оказывается разительно чужой, и это помогает окончательно взять себя в руки. Какими бы мастерами ни были музыканты, они все-таки не морийцы, и каждый изъян в мелодии придает Кайрис уверенности. И она окончательно позволяет музыке вести себя.

Движения воскресают в памяти сами собой, и узел в животе потихоньку разматывается, пока не тает вовсе. Кайрис распахивает глаза. Небо кажется ей ослепительно синим. Она кружится, и люди вокруг будто едва заметно качаются в такт. Волнение сменяет умиротворяющее спокойствие и чувство правильности и завершенности происходящего. Словно Кайрис наконец ответила на давно высказанный вопрос, довышивала картину, поставила точку.

Мир перед глазами будто меняется, и вот уже Кайрис танцует в родной деревне, под черным куполом ночного неба. Чудится, будто всего этого не было: конюшни, боли, кошмаров, только девушка-птица. Красивая, гордость семьи, покорная, воспитанная. Свободная?

Кайрис морщится, едва не оступившись. Еще совсем недавно она бы все отдала за то, чтоб вернуться к обычной жизни. Но разве этого Кайрис хочет теперь? Быть послушной овечкой, когда прорезались зубы... Нет, если бы Кайрис вернулась в день праздника, она просто бы сбежала еще до начала. Стоит это понять, — как наваждение блекнет, и Кайрис приходит в себя.

Она танцует прямо перед Корвином, а тот попивает вино из бокала. Бокал! Зилай, и как она могла забыть, зачем вообще здесь? Тонкости плана тут же всплывают в голове, и некстати вспоминается, что танец не бесконечный. Едва не выругавшись, Кайрис спешно оглядывается. Гости вокруг лениво переговариваются — невежественные ублюдки. Но момента лучше не найти. Надо только незаметно приблизиться.

Кайрис начинает незаметно расширять круг, по которому движется, все ближе и ближе проносясь мимо Корвина. Еще чуть-чуть. Она взмахивает руками, больше не следя за движениями, лишь за бокалом в чужих руках. Остается всего пара шагов, когда барабаны вдруг замолкают.

Кайрис понимает это не сразу, продолжая движение, когда над землей повисает молчание. Она запинаясь. Корвин, залпом допив вино, ставит бокал на поднос и начинает хлопать. Гости послушно вторят ему, пока Кайрис хлопает глазами.

Но как же...

— Празднование продолжится на торжественном банкете в честь моей свадьбы, который пройдет вечером, а сейчас вы все можете отдохнуть в комнатах для гостей. Слуга вас проводит, — объявляет Корвин и, подхватив невесту под руку, идет прочь.

Кайрис кажется, что земля под ногами просто исчезает. Она стоит, не в силах

сдвинуться с места, и смотрит вслед уходящей цели. Гости обходят ее стороной, кидая недоуменные взгляды. Кайрис приходит в себя, только когда на запястье сжимаются пальцы Нири, и тот, холодно улыбаясь, шепчет:

— Пойдем.

Даже дурак распознает в этом угрозу.

Кайрис мгновенно понимает, что они в ловушке. План включал в себя побег сразу после танца. Но с другой стороны — теперь и бежать не надо, ведь она, ха-ха, провалилась... Однако смеяться не хочется, а хочется плакать. Пока Нири тащит ее по коридору, почти дыша слуге в затылок и рассыпаясь в неискренних «ах, простите, ах, танцовщице так плохо», Кайрис успевает сто раз себя проклясть. Слуга подводит их к двум соседним дверям.

— Для гостыи и ее сопровождающих, — кланяется он.

— Благодарю, — так же вежливо, но будто свысока, говорит Нири и подбрасывает в воздух монетку.

Поймав ее, слуга тихо испаряется. Нири держит лицо, пока за ними не захлопывается дверь. Стоит этому произойти, как он с силой пихает Кайрис в сторону и начинает наматывать по комнате круги, будто запертый в клетке зверь. Варгал прислоняется к стене, похожий на гробовщика: мрачный, но непошибаемо спокойный.

Кайрис сглатывает.

— Я все исправлю, — неуверенно говорит она осипшим голосом.

— Заткнись, — шепчет Нири, нервно оглядываясь, — нас могут слушать.

От волнения тянет низ живота. Кайрис понижает голос.

— Я провалился, но...

Варгал поднимает голову.

— Но что? — ровным тоном, в котором сквозит презрение, спрашивает он. — Ты не смог справиться с самой легкой задачей, подставил всех остальных и теперь пытаешься оправдаться?

Чужие слова, будто стрелы, бьют прямо в цель. Нири шикает на Варгала. За дверью раздается шорох, и они тихо стоят пару мгновений, пока звук не удаляется. Кайрис упрямо вздергивает подбородок.

— Но я же прошел проверку Ярраса.

Нири громко смеется.

— Ха! Знаем мы, как ты ее прошел! — ехидно говорит он и тут же замолкает, напряженно вслушиваясь.

Но за дверью по-прежнему ни звука — только и слышно, что их дыхание. Кайрис поджимает губы. Обида впивается в грудь холодными иглами.

— Прощел, не прощел, — безразлично пожимает плечами Варгал. — Мы не в школе. Может, объяснишь про проверку заказчику?

— Да что он объяснит, если даже кольцом бокала коснуться не смог?

Кайрис не выдерживает.

— А ты вообще ничего не сделал, звереныш, — огрызается она. — Все делал я. В кого ты там превращаешься? В кролика? Ящерицу? Может, муравья? За это и держат?

Варгал многообещающе улыбается, не размыкая губ, будто змея. Но Кайрис уже не остановит.

— А может, ты превращаешься только в дерьм...

Окончание слова тонет, приглушенное чужой ладонью. Варгал, стремительно скользнув

вперед, выбрасывает вперед руку и зажимает ей рот. Кайрис дергается, но вырваться не успевает, когда в живот ударяют сложенные щепоткой пальцы. В глазах болью разливаются красные пятна, и Кайрис сгибается пополам, больше никем не удерживаемая. Красные пятна будто раскаляются и яростно пульсируют, на глазах выступают слезы. Кайрис не рискует разогнуться, пока боль окончательно не утихает. Она медленно поднимает глаза.

Варгал показательно отряхивает руки, и его пальцы подрагивают в воздухе, как лапки насекомого.

— Ты... — сипит Кайрис. — Ублю...док.

Варгал все с той же тонкой улыбкой на губах делает шаг вперед, вновь занося руку, но Нири останавливает его, схватив за плечо.

— Я, конечно, не особо против, — говорит он, кинув на Кайрис презрительный взгляд. — Но за этот труп нам не заплатят.

И как она могла забыть, что их волнуют только деньги? Откашлявшись, Кайрис поднимается на ноги и хватается Варгала за ворот.

— Еще можно успеть. Свадьба не считается состоявшейся до первой ночи. Дайте мне закончить дело. Если бы я не был способен, меня бы не отправили!

Самой становится противно, до чего отчаянно и жалко это звучит. Варгал с безразличным видом стряхивает ее руку в сторону.

— Тебя отправили, потому что не было выбора.

— Что?

Кайрис невольно отступает на шаг. Нири гадко ухмыляется и окидывает ее медленным долгим взглядом.

— Да тебя одного можно было в девку вырядить, — говорит он. — Да и Яррас попросил... в общем, ты один подходил, хоть и криворукый. У тебя под юбкой точно хер есть?

Нири как-то странно оговаривается, но все разумные мысли тут же вылетают у Кайрис из головы, потому что вентонец подхватывает край подола. Кайрис холодеет, застыв на месте и панически думая, бить или сразу бежать. Но Нири уже расслабляет пальцы, позволив ткани выскользнуть, и задумчиво чешет голову.

— А вообще-то — он прав. Невеста сможет претендовать на все эти хоромы только после первой брачной ночи. Так что время еще есть.

Кайрис вскидывает голову.

— Дайте мне...

— Нет, — спокойно, но твердо говорит Варгал. — В этот раз пойду я. Второй ошибки удача нам не простит. Пойду разведую, а ты тут посиди.

Плавнo и по-змеиному тихо он исчезает за дверью. Следом четко выверенной походкой уходит Нири. Повернув голову, Кайрис замечает в проеме любопытный взгляд слуги. От мыслей о том, что тот подумает, увидев двух мужчин, выходящих из ее спальни, и так отвратительное настроение окончательно портится.

Провалилась. Опять. Кайрис стискивает кулак и почти ударяет по стене, но в итоге просто опускает руку. Что уж теперь. Она проводит ладонью по взмокшему лицу и опускается на кровать, примяв заскользивший шелк.

Когда они вернутся, Вел, наверное, ухочется. Или вовсе выгонит. Хотя недавно Кайрис и сама бы этого хотела, теперь у исполнения желания оказывается какой-то горький привкус. Она тяжело вздыхает, потирая виски. А все эта Чайка и эта Кай. Миг промедления

— и Кайрис вне игры, сидит и ждет, как собачка. Горло сводит от обиды, и она сглатывает — и только тогда понимает, что невыносимо хочет пить. Из слуг кого позвать, что ли?

Кайрис подходит к двери и выглядывает в коридор. Пусто. Только звучит откуда-то снизу тихая мелодия скрипки. Наверное, надо подождать. Она приваливается к дверному косяку, но мгновения тянутся, а слуг все нет и нет. И где их носит, когда надо?

Кайрис раздраженно закусывает губу. Ладно, сама сходит и возьмет. Хоть Варгал и запретил, но не умирать же теперь о жажды? Она быстро, туда и обратно.

Оглядевшись по сторонам, Кайрис выходит, тихо прикрыв дверь. В воздухе пахнет нагретым солнцем досками. Она медленно движется к лестнице, глаза портреты на стенах. У одного из окон Кайрис останавливается, подставив солнцу лицо и прикрыв глаза.

— Хорошая погода, правда?

Кайрис вздрагивает и оборачивается. Корвин стоит за ее спиной, приветливо улыбаясь.

— Вам тоже нравятся деревья? — он кивает в сторону окна.

Кайрис прослеживает за его взглядом и понимает, что отсюда открывается неплохой вид на дорожку, ведущую к зданию. Густые кроны купаются в ярком свете.

— А, да, — отвечает Кайрис, неловко улыбаясь. — Я просто шла за... водой.

Она запинается, потому что в голове вдруг проносится мысль: вот он, шанс. Нири и Варгала нет, слуг — тоже. Корвин без охраны, на пальце Кайрис все еще кольцо, способное убить, наверное, даже медведя, что уж говорить о человеке. Нужно только как-то увести Корвина из коридора. Но как?

— Ах, понимаю, — отзывается Корвин, не заметив заминки. — Я сейчас позову слугу, чтоб вы не утруждали себя.

Вежливо улыбнувшись, он собирается уходить. Следующие слова вырываются у Кайрис сами собой.

— На самом деле, — она запинается и потупляет взгляд, чтобы Корвин не разглядел в ее глазах панику. — Я хотела бы выпить вина, но мои спутники куда-то ушли...

Она пытается призывно улыбнуться, хотя не представляет, как вообще это делать, потому что видела такое только со стороны. Корвин слегка удивленно приподнимает брови.

— Могу сопроводить вас вниз — там, кажется, несколько гостей прогуливаются на воздухе.

— Не люблю шумные компании, — поспешно отвечает Кайрис. И тут же добавляет, уже мягче: — То есть, какая компания может быть интереснее, чем ваша? Я бы с радостью посидела где-то подальше от суеты и слуг...

Звучит просто ужасно. Зилай, как же грубо и неумело, будто портовая шляха. Он просто не может на это повестись. Но Корвин вдруг расплывается в улыбке и подхватывает Кайрис под руку.

— Ну как я могу отказать? — шепчет он на ухо.

Кайрис будто в ледяную воду окунает, и она едва сдерживается, чтобы не вырваться. Это все для дела. Не по-настоящему. Корвин продолжает о чем-то щебетать, но она не слушает. Подведя Кайрис к двери, он что-то спрашивает и выжидающе смотрит на нее.

— А?

— Говорю, как вас зовут?

В голове каша.

— Кайрис.

Вот дура, ляпнула так ляпнула. Но Корвин только кивает и пропускает ее вперед. Его

комната оказывается на удивление опрятной и приятной глазу: зеленые тона, распахнутые шторы, раскрытая книга на кровати.

— Значит, вы действительно морийка, — говорит Корвин с интересом.

Он окидывает Кайрис взглядом, задержавшись на груди, а потом вдруг проводит рукой по ее волосам, выдернув из косы одно перышко. Кайрис напряженно улыбается, думая только о том, как бы парик выдержал. Повертев перышко в руках, Корвин отпускает его и глядит, как оно плавно падает на пол.

— Говорят, морийки все красивые, — не без явной лести произносит Корвин и, обхватив рукой талию, притягивает Кайрис ближе.

В его глазах пульсирует разгорающееся желание. Внутри все будто переворачивается, и Кайрис, рвано втянув воздух, упирается в чужую грудь ладонью. Корвин удивленно вздергивает брови.

— А хотите, я научу вас пить вино по-морийски?

Идея возникает сама собой. Корвин отстраняется и с легким снисхождением кивает. Он отходит к стеклянному столику и наливает вино в длинные узкие бокалы. Счастье, что оно у него вообще тут есть. Подхватив бокалы, Корвин возвращается и протягивает один Кайрис. Кольцо стучается о ножку, и в воздухе раздается тихий звон, когда Кайрис берет бокал.

— Показывайте, — с явным нетерпением просит Корвин.

Она улыбается и переплетает их руки: так, чтобы ее бокал оказался напротив чужих губ — и наоборот.

— Ваше здоровье.

Из-за позы они невольно соприкасаются, и Кайрис едва хватает воли спокойно наклонить бокал. Корвин щурится, явно довольный их близостью, и приникает к краю губами. Видно, как его кадык жадно дергается, когда мужчина глотает собственную смерть, сам об этом не зная.

Кайрис тоже отпивает, прикрыв глаза, и вино плещется ей в желудок огненным комком. Она продолжает пить, пока чужая рука, дрогнув, не роняет бокал на пол, расплескав остатки вина на платье.

Корвин отшатывается. Он медленно поднимает голову, стремительно белеющий и испуганный. Чужие глаза напоминают острие иголки. Корвин пытается что-то сказать, и Кайрис невольно наклоняется поближе, будто желая впитать этот момент, насладиться им сполна. От обуревающих чувств ее кровь будто бурлит. Но слов в итоге не следует. Схватившись рукой за горло, Корвин с глухим звуком падает на пол.

Глава 13. Только песня и струна

697 год, Жатник, 18

Когда барон ударяется об пол, это происходит так резко, что с ковра будто бы даже пыль поднимается. Кайрис, тут же потерявшая к жертве интерес, переворачивает бокал с остатками яда, и тонкая струйка льется на пол, исчезая среди ворса.

Корвин умер почти мгновенно, потому что бокал слишком долго касался кольца. И теперь тело с закатившимися глазами все быстрее захватывает смерть, оставляя свой уродливый отпечаток. За этим каждый раз интересно наблюдать — как за превращением гусеницы в бабочку. Только наоборот. Кайрис заторможенно переводит взгляд с неподвижного трупа на собственные пальцы, и до нее вдруг запоздало доходит, что дверь в спальню никто не закрывал.

Вот Зилай! Ступор как рукой снимает. Кайрис лихорадочно оглядывается, не зная, за что первым хвататься — надо быстрее заметать следы и уходить. Она бросает бокал и пихает барона под кровать. Его глаза успевают уже совершенно обесцветиться, стать прозрачными, как стекло. Полностью пропихнув окоченевшее тело, Кайрис расправляет покрывало так, чтобы оно касалось пола. Теперь труп не сразу обнаружат.

Поправив парик, она бросается к двери, но на полпути возвращается, подхватив один из бокалов — тот, с ядом — и прячет за шиворот. Пусть думают, что барон пил один. У самой двери Кайрис замирает и прислушивается, прижавшись ухом к теплему дереву. В коридоре тихо, только доносятся откуда-то снизу голоса слуг. Сердце в груди — и то стучит громче. Задержав дыхание, Кайрис приоткрывает дверь и выглядывает в щелочку. Вроде бы — пусто. Нельзя, чтобы кто-то видел, как танцовщица выходит из спальни барона.

Успокоив волнение в груди, Кайрис осторожно выходит наружу, готовая в любой момент заскочить обратно. Однако вокруг все так же никого. Стараясь не шуметь, она идет к лестнице. Наверное, стоило бы вернуться в свою комнату, но кто знает, когда эти двое вернутся. Может и стража переполошиться. Кайрис уже заносит ногу над первой ступенькой, когда натывается на бесшумно поднимающегося Варгала. Тот щурится и, стараясь не создавать шума, шепчет ей прямо в ухо:

— Что ты здесь делаешь?

От тона голоса ощутимо веет холодом. Но после произошедшего Кайрис это уже не пугает. Варгал может убить ее потом. А вот стража — сейчас.

— Барон мертв.

В лице зенийца ничего не меняется, только почти незаметно темнеют глаза.

— Что? Вот гадство, — он негромко ругается себе под нос и добавляет одними губами: — Уходим.

Они спускаются по лестнице, не глядя друг на друга. Верно, сейчас не до разговоров. Нири находится снаружи, прогуливающийся с бокалом в руке, но совершенно трезвый. Он понимает все без слов — раскланявшись с каким-то господином и его женой, присоединяется к Кайрис с Варгалом.

Стараясь не привлекать внимания, они движутся в сторону ворот. По пути приходится обмениваться вежливыми приветствиями с другими гостями, будто ударами меча. Это спокойствие напоминает затишье перед грозой. Здание все дальше и дальше остается за спиной, и вот уже впереди виднеются ворота. Сердце стучит в груди, будто бешенное.

Кайрис кажется, что все на них косятся, и как при этом Нири и Варгалу удастся оставаться такими спокойными — настоящая загадка.

Однако за ними никто не бежит, и Кайрис успевает расслабиться, когда громкий женский визг проносится над ухоженными деревьями. Она вздрагивает и порывается обернуться, но Нири подхватывает ее под руку, и, состроив угодливую улыбку, тащит дальше. Кайрис повинуется, чувствуя, как ее начинает медленно охватывать паника.

Как труп нашли так быстро? Она же прятала. Неужели какая-то горничная нашла?.. Гости вокруг начинают вертеть головами в поисках источника звука. У Кайрис дыхание перехватывает, а на лице Варгала не дрогнет ни один мускул. Нири так вообще умудряется рассыпаться в извинениях, если задевает кого-то плечом. Пугающее хладнокровие. В этот момент пропасть в виде опыта между Кайрис и остальными особенно глубокая. Похоже, они ожидали, что так будет, еще и пары шагов от двери не сделав.

Пытаясь поспевать за остальными, Кайрис придерживает колыхающийся подол. Хочется, чтобы все побыстрее закончилось. Радость убийства прошла, и теперь Кайрис опустошена. Она все-таки не выдерживает и оборачивается через плечо. У здания уже собирается толпа. Кайрис замечает там парочку стражников. Наверняка вот-вот закроют все двери и примутся искать убийцу.

Но до троих людей, неторопливо бредущих к воротам, никому дела нет. Поэтому они и не бегут, как бы сильно этого ни хотелось: гончая всегда догонит цель. Главное — не стать целью. От главного здания до внутренних ворот расстояние порядочное, так что стоящие на посту стражники лениво болтают, пожевывая соломинки.

— Простите за беспокойство, уважаемые, — мягко стелет Нири, поздоровавшись, — но танцовщице резко поплохело, еле на ногах держится.

И стискивает пальцы на талии, за которую придерживает Кайрис. Она терпит чужие прикосновения сквозь зубы, на грани, даже послушно подгибает колени, играя на публику. Наверное, она действительно выглядит не очень, потому что, стражник, поцокав, спрашивает:

— Позвать лекаря?

Нири машет рукой, искусно дозируя благодарность и отказ.

— Не стоит, право. Дама просто утомилась, — он чуть улыбается. — У артистов тонкая душевная организация, знаете ли.

Стражник понимающе кивает и поворачивается ко второму:

— Пропусти их.

Когда они проходят, Варгал не глядя подбирает свой меч. Ворота остаются за спиной, и Кайрис немного выдыхает, хотя самое сложное остается впереди. Оставив их ждать у кареты, Нири сворачивает к конюшне.

— Я за лошадьми, — бросает он с деланным спокойствием, но Кайрис видит, как нервно подрагивают его пальцы.

Она и сама напряжена, будто туго натянутая струна, готовая вот-вот порваться, поэтому не может молчать.

— Это слишком долго. Может, сбежим пешком? — говорит она, глядя вслед уходящему Нири.

Варгал, неподвижно стоящий, привалившись к карете, едва заметно качает головой. Он почти не шевелится, только глаза бегают туда-сюда и пальцы мелко подрагивают.

— У нас нет выбора, — шелестящим голосом говорит он. — Даже если нас выпустят без

кареты и ничего не заподозрят, далеко мы не убежим. Догонят на лошадях.

Он объясняет это таким тоном, будто говорит с ребенком. Кайрис становится стыдно за недогадливость, и она отводит глаза. Нири все нет и нет, и это заставляет ее вертеться на месте, будто уж на сковородке. Варгал следит за этим с легкой улыбкой на губах, чем бесит еще сильнее. Когда Нири наконец появляется, ведя лошадей за поводья, Кайрис чуть ли не бросается ему на встречу.

Варгал, все это время лениво смотрящий вдаль, переводит взгляд на Нири и вздергивает брови. Тот кивает, передавая лошадей, и быстро забирается в карету. Кайрис лезет следом, подхватив подол, который уже давно встал ей костью в горле. Она даже не успевает как следует усесться, когда карета, качнувшись, трогается с места.

— Сделай лицо похуже, — говорит Нири. — Хотя... оно и так страшное, как чума, забудь.

То, что он говорит эти слова с такой исключительно вежливой улыбкой, коробит от несоответствия. Кайрис демонстрирует Нири кулак, но не особо рьяно — и сама волнуется. Даже плавное покачивание и стук копыт не успокаивают: колени сводит дрожью от страха. Ну что ж. Сейчас или никогда. Их выпустят — или следующий рассвет Кайрис встретит в петле.

Путь до ворот как будто растягивается до бесконечности. Наконец, карета тормозит. Кайрис чуть откидывается назад, чтоб ее не было видно с улицы.

— В чем дело? — доносится снаружи.

Она прислушивается.

— Танцовщице стало плохо. Барон позволил нам отбыть до банкета, — четко и кратко, как солдат, докладывает Варгал.

Слышно, как стражник с сомнением мычит себе под нос. Кайрис на мгновение перестает дышать, застыв, как кролик перед змеей.

— Она внутри?

Нири тихо выдыхает сквозь зубы. Солнечный свет загораживает тень, и в окне появляется усталое лицо стражника. Они встречаются глазами. Кайрис представляет, как выхватывает из-под сиденья меч и вонзает в так предательски открытую шею. Как лезвие вспарывает кожу и кровь веером брызжет в стороны. Это бы решило проблему. Рука сама собой дергается вниз, но Кайрис только смотрит в чужие глаза и растягивает губы в улыбке.

— Простите, у нее жар. Нам нужно поспешить к врачу, — учтиво говорит Нири. — Прошу прощения за лишние хлопоты.

Рука Нири будто незаметно скользит мимо ладони стражника, и тот так же быстро подхватывает что-то и прячет в кулаке. Взятка? У Нири улыбка выходит одновременно непринужденной и смиренной. Чудеса, не иначе. Стражник кивает и отступает в сторону.

— Ладно. Езжайте.

Копыта приятно стучат по опущенному мосту, оставляя дом мертвого барона позади. Стоит им отъехать подальше от ворот, как Варгал подхлестывает лошадей, и те ускорятся. Нири высовывается в окно и принимается посылать их следы молотым перцевиком — чтобы сбить собак со следа. Два поворота — и они, сменив лошадей, унесутся прочь. Кайрис прикрывает глаза, надеясь хоть немного привести в порядок мысли перед дикой скачкой.

Кажется, она успевает заснуть и даже увидеть тревожный кошмар о том, как задыхается в гробу. Как раз умудряется пробить кулаком одну из досок, когда карета вдруг подскакивает. Вскрикнув, Кайрис с размаху впечатывается в потолок головой и распаивает

глаза. В этот же момент раздается треск, и, накренившись на бок, карета останавливается. Кайрис недоуменно вертит головой, пытаясь окончательно разорвать липкую паутину сна.

— Проклятье, — ругается Нири, высунувшись в окно по пояс. — Что случилось?

Нири не отвечает. Не выдержав, Кайрис выглядывает во второе окно. Варгал стоит, со скорбным видом обхватив подбородок пальцами и рассматривая что-то на уровне своих ног. Судя по окружающим просторам, они не успели отъехать достаточно далеко, чтобы окончательно оторваться от погони.

— Колесо лопнуло, — говорит Варгал необычайно спокойно. — Надо что-то с этим делать, иначе мы тут застрянем.

Он умудряется говорить так обыденно, что смысл слов доходит до Кайрис не сразу.

— Что?

Варгал не отвечает, только бросает долгий взгляд.

— Ты не только тупой, но еще и глухой? — говорит за него Нири. — Давай, залезай.

Карета всюду шатается, так что Кайрис слушается. Развернувшись, она натывается на раздевающегося Нири. Тот уже успевает сбросить всю верхнюю одежду, кроме обычной рубахи, которую теперь неряшливо заправляет в штаны. От неожиданности Кайрис так и замирает, уставившись, как корова.

— Что ты делаешь? — спрашивает она.

Голос сам собой обретает нужный тон, хотя времени выпить настойку не было. Неужели так привыкла, что голосовые связки подстроились? Нири фыркает.

— Думаю, погоня не будет смотреть на то, как хорошо я одет, — ехидно отвечает он. — Или, думаешь, ножку им покажешь, и они отвянут?

Кайрис морщится.

— Сними платье, — командует снаружи Варгал.

Спорить времени нет, поэтому приходится быстро скинуть платье и выкинуть накладную грудь, оставшись в штанах и рубахе. Парик тоже отправляется вон. Переобувается Кайрис уже снаружи, прыгая на одной ноге.

— Появляться... в ближайших деревнях... опасно, — тяжело дыша, говорит она. — О нас могли предупредить. Давайте просто ускачем на лошадях.

Нири ржет, поправляя меч на перевязи. Варгал неодобрительно качает головой.

— На лошадях? Может, вообще трое на одну сядем? — продолжает смеяться Нири. — А что, так, наверное, еще быстрее.

Кайрис закатывает глаза. Ну да, глупость сказала. Закончив с мечом, Нири опускается на колени и зачерпывает горстку земли. С легким сожалением вздохнув, он подносит землю к груди и припорошивает ткань, превращая рубашку из наряда богатого кроя в замызганную одежду путника. Следом Нири так же безжалостно пачкает штаны и обувь.

— Лошадь не выдержит двоих, — спокойно говорит Варгал, будто Кайрис и так это не поняла. — Может, лучше я пойду?

Это уже к Нири. Тот отмахивается.

— Ты договариваться умеешь не лучше змеи.

Нири проходится грязной ладонью по волосам, растрепав их и зачесав назад. Удивительно, как он умудряется за мгновение превратиться из аккуратного чопорного слуги в усталого странника.

— Жаль, кольчуги нет, — вздыхает Нири, — и седла. Спрячьте телегу и лошадь, я скоро. Отведя одного жеребца в сторону, Нири ловко вскакивает ему на спину.

— А если ты не вернешь...

Но Нири, ударив лошадь пятками, со свистом уносится прочь. Впрочем, на месте разберутся. Кайрис устало потирает переносицу. Краски на лице напоминают каменную маску, но времени ее смывать нет. Спрятав одежду и парик в небольшом углублении и укрыв куском мха, они забрасывают карету ветками. Лошадь приходится оставить — вокруг, как назло, простирается голое поле с редкими одиночками-деревьями.

— Нельзя здесь оставаться, — поглядев на результат их работы, говорит Варгал. Мы здесь, как на открытой ладони — всадник увидит издалека. Пошли.

Его обманчиво мягкий тон странно сочетается со звучащими приказами. Но, что уж поделать, Варгал прав. Вздохнув, Кайрис спешит следом, в сторону пастбища. Когда они подходят поближе, становится видно, что на пастбище лениво бродит стадо коров. У подножия дальнего холма спит, сдвинув шляпу на голову, босоногий пастух.

Кайрис присматривается, и ей становится понятен выбор Варгала. Траву на поле скосили, и теперь поодаль высится огромный стог недавно скошенного сена. Пахнет так сильно, что на мгновение сжимается сердце — навевает домом.

Обойдя стог так, чтобы не было видно ни со стороны дороги, ни с лежбища пастуха, они садятся на землю. Варгал еще какое-то время выбирает такую позицию, чтобы было удобно выглядывать на дорогу, тогда как Кайрис просто устало приваливается к стогу и прикрывает глаза. Это дело уже вытянуло из нее все силы, а ведь ничего еще не кончено. И все-таки, откинувшись на мягкое сено и подставив лицо солнцу, Кайрис невольно начинает расслабляться. Вот бы заснуть — и чтоб все проблемы решились сами собой, когда она проснется. Но, увы, так не бывает.

Раздается вздох и тихий шелест. Кайрис скашивает глаза. Похоже, устав разглядывать дорогу, Варгал тоже откидывается на стог. Видно, как пара соломинок падает ему за шиворот, но зениец даже не вздрагивает, будто превратившись в статую. Кайрис отворачивается, вглядываясь в красноватый горизонт, на фоне которого колышется трава. Веки вновь тяжелеют, и она начинает то и дело закрывать глаза, каждый раз открывая их все позже и позже. Тело обволакивает дурманящая дрема.

Ветер гонит по траве волны. Темнота. Облака тягуче медленно плывут по небу. Темнота. Мимо пролетает бабочка. Темнота. Сквозь шелест ветра доносится едва различимый стук копыт.

— Варгал, — шепчет Кайрис, тут же стряхнув сонливость. — Кто-то едет.

Тот сразу же открывает глаза, собранный и спокойный, и выглядывает из-за стога. Чуть помедлив, Кайрис делает то же самое. Вдали обнаруживается два черных пятна, которые оказываются крепкими всадниками в кольчугах и с мечами на поясах. А еще они держат в руках что-то странное.

Кайрис прищуривается, стараясь разглядеть непонятный предмет, но тот слишком далеко. Копыта тем временем звучат все отчетливее. Всадники приближаются, и то, каким плотным и тяжелым облаком висит дорожная пыль, начинает напрягать. Едва удается различить серо-голубые цвета одежд всадников.

— Это стража барона, — негромко говорит Кайрис.

Ответа не следует. Ну и ладно, принц нашелся. Стража все приближается, и становится понятно, что у них в руках. Каждый стражник держит длинную тонкую палку, на конце которой висит что-то отдаленно напоминающее фонарь. Гладкие металлические бока блестят на солнце, а из узких прорезей просачивается дым. Он расползается по воздуху

зеленоватой дымкой, опускаясь к земле, будто языки пламени. Ветер заставляет его тревожно колыхаться.

— Варгал, что они делают? — удивленно шепчет Кайрис. Вновь нет ответа. — Сколько можно дурака валять, Варгал?

Вновь спрятавшись за стог, Кайрис оборачивается, и в этот момент всадники оказываются так близко, что в нос ударяет острый пряный запах — как возле лавки со специями. Но то, что она видит, заставляет подвинуть все остальное на второй план.

Варгал стоит во весь рост и не шевелится. Благодаря стогу его пока не видно, но надолго ли? Тихо выругавшись, Кайрис вытягивается и хватается Варгала за плечо, но почти сразу отдергивает руку. Мышцы его оказываются напряжены, как туго скрученные канаты. А еще... они постоянно сокращаются, пульсируя, как от легкой судороги. Это становится заметно, стоит немного понаблюдать. Чужое лицо блестит от пота так, будто натерли маслом. Кайрис заглядывает в глаза Варгала и вздрагивает: зрачки успели полностью затопить радужку, и теперь подрагивают, выдавая панику, охватившую владельца.

Под кожей пробегают мурашки. Видеть спокойного Варгала таким пугает. Стук копыт усиливается, и от запаха начинает свербить в носу. У них почти не остается времени.

— Варгал, что с тобой? — быстро спрашивает Кайрис. — Да очнись же!

Она вновь хватается зеница за плечи и грубо встряхивает. Это дает такой же успех, как если бы Кайрис вздумала потряхнуть скалу. Да что с ним такое? Всадники совсем близко, уже слышно отголоски их разговора. Зилай! Выругавшись, Кайрис делает единственное, что может: навалившись, она сбивает Варгала с ног и роняет в стог, сама падая сверху. Раздается шелест и глухой звук удара, травинки взметаются в воздух и опадают. Остается только надеяться, что стражники ничего не услышали.

Сердце стучит так сильно, что становится почти больно. Вынужденная упереться в чужую грудь ладонями, Кайрис чувствует, как мышцы Варгала все сильнее сокращаются. Но падение, похоже, немного приводит его в себя: зеница моргает, и его взгляд проясняется.

— Ублюдки, — сдавленно произносит Варгал и слабо дергается под ней. — Слезь с меня, козлина.

Хоть чужой голос и такой тихий, что даже шепотом не назовешь, Кайрис лишь сильнее вдавливается сверху.

— Заткнись, — бормочет она. — Ты что, больной?

Между стогом и всадниками остается где-то пятнадцать шагов. Варгал полусидит, наполовину утопленный в стог. Его грудь тяжело вздымается, а воздух выходит из легких с присвистом. Из-за того, что они буквально прижимаются друг к другу, становится видно, как его глаза опять подергивает лихорадочная дымка. В любой другой момент Кайрис бы не преминула воспользоваться слабостью ненавистного зеница, но сейчас это может погубить их обоих.

Кайрис напряженно вглядывается в чужое лицо. До этого она избегала смотреть на Варгала, так что сейчас вдруг понимает: этот зеница и тот, кто разрушил всю ее жизнь, похожи ровно настолько, насколько могут быть похожи случайные люди одной земли. То есть, почти не похожи вовсе.

— Н-не важно. Забудь, — говорит Варгал, отчаянно морщась — каждое слово причиняет ему боль. — Быстро, зажми мне рот. И ни за что не отпускай.

— Зачем?

Варгал уже полулежит, откинувшись на стог, и должен бы быть расслаблен, но его тело

напряжено так сильно, будто он висит над пропастью. Мутные глаза бегают из стороны в сторону, словно пытаются разглядеть что-то за спиной Кайрис.

— Я... буду... кричать, — почти стонет Варгал. Очередная судорога сводит мышцы лица, будто пробежавшая по нему молния. — Быс...трее!

Стук копыт, резкий запах, страх — все перемешивается. Кайрис порывисто вытягивается, уперевшись в грудь зенийца коленом, и зажимает искривленный судорогой рот обеими ладонями. Варгал крупно вздрагивает, и в этот момент его зрачки резко сужаются до точек. Зениец дергается и обмякает, закатив глаза. Кайрис не успевает расслабиться, как вдруг тело Варгала вновь напрягается, а конечности нечеловечески выгибаются в суставах. Зилай! Если так продолжится...

И тут это случается. Как бывает, что ливень начинается с одной капли, так и Варгал после очередной судороги принимается биться в конвульсиях. Кайрис едва не падает, чудом удерживаясь. Кое-как стиснув руки Варгала ногами и навалившись сверху, она с силой прижимает к чужим губам ладони и просит всех богов лишь об одном: не отпустить их. Пот заливает глаза, рубаха липнет к спине, а мышцы почти сразу начинают ныть. Кайрис заставляет себя терпеть. Даже когда Варгал кусает ладонь зубами, она только сильнее вжимает его голову в землю, не давая крику ни шанса вырваться наружу. Сейчас это не вопрос гордости или выбора. Она или сможет — или умрет.

Стук копыт тем временем достигает стога сена. В другой момент Кайрис бы испугалась, но сейчас на это не остается сил. Сердце замирает. Она стремительно выдыхается. Варгал извивается, будто дикий зверь в силках, и один Зилай знает, как долго она сможет его удерживать. Стиснув зубы, Кайрис прижимается к груди зенийца лбом и вслушивается. Стража проезжает так близко, что удастся различить их разговор.

— А эта дрянь точно работает? — говорит первый.

Второй хмыкает.

— Сработает, сработает. Ее на войне каршанцы использовали, пока люди конунга противоядие не нашли.

— И все-таки дурасть это, — вновь заводит явно старую песню первый. — Мало ли тут зениец? Каждого теперь ловить?

— Мало. Одни деревни кругом, — снисходительно отзывается второй. — Раз они карету бросили — значит, далеко не ушли.

— Будут они тебе посреди дороги ждать. Спрячутся, и пусть хоть сто раз превращается.

— Поверь мне, он так орать будет — издали услышим.

Капли пота затекают за шиворот. От дыма начинает першить в горле, и Кайрис едва сдерживается.

— А вдруг не закричит? — не унимается первый.

Раздается смешок, потом кашель и звук плевка.

— Еще как закричит, — говорит стражник. — Боль такая, будто заживо режут. Даже предупредить своих не успеет. Ладно, хватит лясы точить, шевелись быстрее. Хочу до темна вернуться.

Значит, не успеет? А Варгал успел. Насколько же сильна его воля? Голоса понемногу отдаляются. Кайрис невольно расслабляется.

— Подожди. Может, за стогом проверим?

Сердце екает. Кайрис замирает, чувствуя, как от волнения сводит живот. Второй стражник медлит, и она успевает уже попрощаться с жизнью, когда тот отвечает:

— Да ну, только время тратить. Слышишь, как тихо?

Первый согласно мычит, и стук копыт удаляется, пока не затихает вовсе. Вскоре от стражников не остается ни следа, кроме запаха, повисшего в воздухе. Кайрис выдыхает и вдруг понимает, что уже давно упирается лбом не в твердую грудь, а в мягкий стог. Вздрогнув, она разгибается, потирая одеревеневшие мышцы и озираясь по сторонам.

Варгала нигде нет, только валяется на земле пустая одежда. Что за... И тут Кайрис осеняет. Стражники говорили что-то про превращение, а зенийцы, говорят, умеют принимать облик животных. Сама Кайрис не видела, но слышала про это много раз. Она принимается обшаривать землю глазами, но никаких зверей вокруг не видно. Вот будет весело, когда вернется Нири, а Варгала не обнаружит. Вздохнув, Кайрис начинает перекидывать одежду — не особо надеясь там что-то найти, а больше чтобы себя занять.

Рубашка, штаны... Кайрис вздрагивает, и те выпадают из рук от неожиданности. На земле сидит что-то черное. Приглядевшись, Кайрис узнает в непонятной твари кивсяка. Черное продолговатое тело, состоящее из сегментов, множество лапок. В деревне таких еще звали многоножками. Правда, Кайрис впервые видит такую здоровую: кивсяк длиннее ладони и толщиной минимум в два пальца. Ну и мерзость.

Погодите-ка. В одно мгновение Кайрис осеняет: сейчас она сильнее. Достаточно просто наступить, и жизнь ублюдка оборвется навсегда. Даже Нири ничего не узнает. Ну, убежал Варгал из-за превращения, бывает, сам вернется. А не вернулся — ну так мир место опасное. Будто почуяв, о чем она думает, кивсяк отползает в сторону стога, свернувшись в спираль. Да он же боится!

От осознания все внутри сжимается в сладком предвкушении. Варгал явно не восстановил силы и далеко не убежит. Такой шанс отомстить и избавиться от него раз и навсегда. Соблазн так высок, что Кайрис невольно тянется к сапогу, но в итоге останавливается. Прямо сейчас она может отомстить, но эта месть ведь будет не настоящей, верно? Да и какая слава в том, чтобы раздавить букашку? Кайрис вздыхает и протягивает вперед руку.

— Залезай. Да хватит трястись: если б я захотел, ты бы уже был мертв.

Кивсяк, чуть поколебавшись, неохотно забирается на палец. Кайрис устало откидывается на стог сена — мышцы ноют так, будто камни таскала.

— Это все ради дела, не лести себе, — объясняет она кивсяку и прикрывает глаза.

К тому моменту, когда возвращается Нири, Варгал уже опять превращается в человека. О произошедшем они не говорят, но, кажется, что пропасть между ними становится немного уже.

Нири приводит еще одну лошадь. Общими усилиями с Кайрис кое-как сдирают маску, в которую превратился макияж, и, наконец, отправляются в путь. Кайрис думала, что когда они покинут владения барона, она испытает облегчение, но в итоге произошедшее полностью опустошает. Она бы даже заснула, если бы не ноющий копчик: ездить без седла оказывается той еще задачей.

В конце концов оставив попытки вздремнуть, она ударяет жеребца по бокам и нагоняет Варгала. Не то чтобы его вид располагает к разговорам, но выбирая из него и Нири... Пожалуй, Кайрис просто хочет занять себя чем-то, чтобы отвлечься от спутанных мыслей. Впереди маячит прямая, как палка, спина Варгала. Пятна света наползают на усталое лицо зенийца, еще сильнее подчеркивая, насколько холодный оттенок имеет его смуглая кожа. А еще случившееся на поле явно вытянуло из Варгала последние силы. Какое-то время они

едут молча, пока Кайрис не решается подать голос.

— Я знаю, что мы не должны говорить об этом, — осторожно начинает она. — Но кто заказчик?

Варгал сощуривает глаза, глядя на нее, но ничего не отвечает, только тонко улыбается. Теперь его сходство с многоножкой становится очевидным: каждое движение плавное, будто скользящие друг за другом сегменты.

— Да мне просто интересно, почему так важно было, чтоб на свадьбе, — тушует Кайрис, не выдержав чужого взгляда.

Варгал отворачивается.

— Знаешь, за такие вопросы можно лишиться языка.

Кайрис хмурится, скрипнув зубами. Запах сухой земли и выжженной солнцем травы густой завесой стоит в воздухе.

— Но я же выполнил это дело. Я имею право знать.

Вновь молчание. Только мерный стук копыт раздается в воздухе.

— Это же первый раз, когда я кого-то убил, — предпринимает еще одну попытку Кайрис, добавив настойчивости в голос. — Ну пожалуйста.

И пусть на самом деле это не совсем так, правду им знать не обязательно. Тем более, Кайрис и сама не знает, зачем упорствует: убить время? Удостовериться, что — ха! — поступает правильно? Варгал лишь качает головой, глядя на закатное небо.

— Первый, десятый — какая разница, — шелестящим голосом тянет он. — Потом все равно перестанешь считать. Это в первые разы пьянит, как вино. Но ты привыкнешь.

Почему-то эти слова отзываются неожиданно остро, заставив сердце ухнуть куда-то вниз. Привыкать к подобным вещам... Где-то в глубине души это все еще ощущается неправильным. Да и пока убийства — единственное, что заставляет Кайрис чувствовать себя живой. Что будет, если и это станет ей безразличным? Она упрямо мотает головой, отгоняя неприятные мысли.

Позади раздается топот, и рядом пристраивается конь Нири. По виду вентонца не скажешь, что тому хоть немного неудобно: усталость выдают только залегшие под глазами темные круги.

— Все ноешь, Варгал? — влезает он в разговор. — Ты еще заплачь. Не слушай его, Голдан. Вон, старый хрен все еще каждым выстрелом наслаждается.

Нири подмигивает ей, выглядя при этом весьма довольным собой. То ли это действительно правда, то ли ляпнул, лишь бы позлить Варгала. Кайрис с деланным равнодушием пожимает плечами. Варгал вообще глядит на горизонт, и это явно уязвляет Нири.

— С заказчиком история — обхохочешься, — вдруг говорит тот. — Это младший брат барона. Губа не дура — и невесту отхватил, и земли.

Варгал только неодобрительно качает головой. Кайрис невольно дергает за поводья, заставив лошадь замедлить шаг.

— Что?

Нири оборачивается, вздернув бровь. На его губах все еще играет широкая ухмылка, которая теперь кажется Кайрис одурающе неуместной. Хотя с чего бы? Их работа изначально не может быть чистой и правильной. Но почему-то казалось, что барон заслужил свою смерть. Или ей просто нравилось так думать.

— Чего глаза вылупил? Не вчера родился. Обычное дело, даже скучно, — Нири

зевает. — Он же прямой наследник, у барона ни детей, ни жены не было. А невеста не может претендовать на земли до первой брачной ночи, тут ты прав.

— Но зачем ждать свадьбы, если он любил ее...

Нири прикрывает рот рукой, явно силясь сдержать смех, но в итоге раздражается совсем не благородным гоготом. Кайрис мрачно наблюдает за тем, как он хохочет, чуть не падая при этом с коня.

— Любил, вот умора, — отсмеявшись, Нири утирает невидимые слезы. — Да просто хотел обставить брата во всем. И не оставить девке выбора, конечно. С обрезанными волосами, но так и не прошедшая церемонию до конца... кому она еще нужна теперь?

Краем сознания Кайрис понимает, что ее лошадь уже давно стоит на месте, и ударяет ту пятками в бока. Какое-то время они с Нири едут молча.

— Может, брат эти деревья сам нашел. Или вместе с бароном. А тот все себе прибрал, — неуверенно говорит Кайрис. Она и сама не знает, почему так хочет оправдать заказчика. — Люди говорили...

— Люди говорят, что у всех убийц красные глаза. Ну как, не врут? — Нири уже откровенно издевается. — Барон сам эти деревья вырастил. Я когда к делу готовился, узнал. Один Зилай поймет, зачем он это скрывал: стыдился или боялся, что выпытывать станут. Да и хрен с ним. Кстати, хочешь поставить, сколько девка его протянет?

Кайрис хмурится.

— Что?

— Ну, она же болезненная. Барон с ней возился, как с золотой, — будто непонятливому ребёнку, объясняет Нири. — А его брат явно не станет. Слышал, его прощая жена...

Остаток фразы тонет в шуме, все нарастающем и нарастающем в ушах. До этого момента Кайрис нравилось верить, что она не только идет на поводу своих желаний и жажды мести, но еще и делает благое дело. Та, жена купца, была изменщицей. Вентонец, чью бочку с вином Кайрис отравила, наживался на людях. Барон предстал перед ней как тиран и сластолюбец. Как легко было надеть на них маски вины, чтобы снять таковую с себя. Кайрис и сама не заметила, как начала это делать, как стала оправдывать совершенные убийства. Хотя совершала их, честно признаться, только потому, что сама того хотела. Не для других — для себя.

А что барон? Кайрис ведь сама заверила себя в том, что он плохой человек. Обманом завела в ловушку, воспользовалась доверием и проявленной слабостью. Барон не был чудовищем, как и все остальные до него — обычные, по сути, люди, совершающие ошибки. Чудовищем была сама Кайрис.

Солнце садится за горизонтом, распаяя на небе алые костры. Нири о чем-то болтает, Варгал с легкой улыбкой на губах смотрит вдаль, в одном ему видимую пустоту. Кайрис запрокидывает голову, чувствуя, как ветер щекочет голую шею. В горле на мгновение встает ком, но почти сразу же тает. Не по чему скорбеть. Невозможно удержать в одной руке и меч и иглу, верно? Свой выбор она сделала.

Осознание понемногу разжимает стальные когти, в которых стиснуто сердце, оставляя только легкое горчащее послевкусие. Может, Кайрис и нравилось воображать, что по ту сторону меча будут стоять только ублюдки. Но на самом-то деле ублюдов держит меч. Неожиданно эта мысль приносит умиротворение. Где-то рядом вскрикивает птица. Ветер пригибает траву, кажущуюся в лучах заходящего солнца черной.

— Ну что, как тебе вкус крови? — спрашивает Нири, пихнув Кайрис в плечо.

Та только хмыкает.

— Мало.

— Мало, ну-ну! Да у тебя такое лицо было, будто обделался, кому ты заливаешь? — ехидно ухмыляется он. — Помнишь, Варгал? Эй?

— Такое забудешь, — тонко улыбается тот.

Похоже, напряжение наконец-то всех отпускает. Кайрис щурится, с наслаждением вдыхая свежий воздух. Да, она не герой — ну и пусть. Уж самой себе врать не стоит. И отмотай боги время назад — Кайрис все равно бы поднесла к губам барона отравленный бокал.

С дороги, на которую она шагнула, не сворачивают. И если это цена за возможность чувствовать себя живой и за шанс отомстить — Кайрис ее заплатит. И станет худшим ублюдком, чем кто бы то ни было.

Когда они добираются до родного города, из чувств остается только полное оупение. Поэтому все, не прощаясь, расползаются в разные стороны, как сонные змеи. Правда, остаток пути приходится проделать поодиночке, запутывая следы. Кайрис не знает, как справились остальные: сама она продает коня за гроши одному из путников на встреченном по пути постоялом дворе и проходит городские ворота пешком.

Город встречает ее безразлично: еще один странник, очередная капля в море. Кайрис плетется по утренним знакомым улицам, и они кажутся ей чужими, да и сама она кажется себе чужой. Но пережитое дает о себе знать: в голове гудит, как в пустом котелке, и мысли ворочаются совсем неохотно. Остаток пути до «Яблока» Кайрис преодолевает почти что с закрытыми глазами и заваливается спать, даже не раздевшись.

Следующим утром она обнаруживает на полу скомканный в шарик клочок бумаги. С пожелтевшего листа щерит зубы улыбающийся кабан. Кайрис хмыкает, хотя от напоминания, что кто-то знает не просто нужное здание, но и окно, ей становится не по себе. Повесив на пояс Швею, Кайрис пытается улизнуть так, чтобы не попасться на глаза Мелирассу. Спустившись вниз, она тихо юркает к двери и уже тянет на себя ручку, когда ее окликают.

— Голдан?

Кайрис замирает и со вздохом прикрывает дверь. Еще рано, но Мелирасс сидит на стуле посреди пустого зала, пронизанного солнцем, и хмуро глядит ей в глаза.

— Да?

— Где ты был?

Вопрос Кайрис ничуть не удивляет. Раньше она пропадала от силы на сутки, заранее просила день на «гульнуть» и вовремя возвращалась. Сейчас же она пропустила работу несколько раз подряд, ничего не сказав, и заявила спать, как ни в чем не бывало. Даже странно, что Мелирасс не выкинул ее, как котенка, еще вчера.

— Я... э-э-э... — Кайрис замолкает, дернув плечом.

Сказать ей по большей части нечего. «Простите, я была занята, потому что убивала барона»? Глупость. Соврать, что ушла в загул и пьянствовала? Все это резко теряет смысл.

— Спрошу прямо: ты будешь дальше работать? — Мелирасс смеривает ее прозорливым взглядом. — Мне нахлебники не нужны.

— Нет.

Кайрис сама поражается спокойствию в своем голосе. Мелирасс кивает.

— Тогда собирай вещи и проваливай.

Удивительно, но все нажитое добро помещается в один наплечный мешок. Сграбастав его и окинув комнатку последним взглядом, Кайрис покидает ее навсегда. Вот и еще одна страница перевернута. Внизу Мелирасс сидит все в той же позе. Когда Кайрис спускается, он провожает ее взглядом, в котором кроется понимание. В дверях Кайрис задерживается.

— Спасибо за все, — бросает она через плечо, прежде чем выйти вон.

Только тихий хмык летит ей в спину.

Улица пахнет нагретой на солнце землей. Все вокруг залито золотистым светом, и кажется, что в таком мире нет места злу. Но Кайрис-то знает, что это не так. Ноги сами приводят ее к «Кабанчику». В уже ставшем привычным логове обнаруживается только Яррас, подтягивающий на луке тетиву. Завидев Кайрис, он машет ей рукой.

— Собрался куда?

Кайрис вздергивает бровь и только потом понимает, что это Яррас про мешок. Она качает головой.

— Хозяин трактира выгнал — за то, что на работу не явился.

— Ну и Зилай с ним. Все равно сам бы ушел, поверь моему опыту, — Яррас потирает бороду и хлопает по стулу. — Садись, разговор есть.

Бросив мешок на пол, Кайрис неохотно плюхается на скрипнувший стул. Под внимательным взглядом Ярраса она чувствует себя нашкодившим щенком: так и тянет упасть на спину и задрать лапы, оправдываясь. А тот не спешит, продолжая скользить по Кайрис внимательным взглядом.

— Я слышал, все пошло не по плану, — наконец, говорит Яррас, сощурившись.

— Да, я немного ошибся, — мямлит Кайрис, пряча глаза. — Но я все исправил, вот.

— Немного?

По спине пробегают мурашки, и Кайрис съеживается еще сильнее.

— Ну, на самом деле сильно, но... такого больше не повторится.

Напряжение все усиливается, и когда оно достигает пика, Кайрис уже всю кусает губы, не зная, что еще выдумать. Она уже поняла, что Яррас обладает властью не меньше Вела, а может и больше: именно старый вентонец занимается самими заказами, а не ее бывший учитель. А значит, одно его слово и... Что именно «и» — Кайрис додумать не успевает, потому что Яррас вдруг откидывается на спинку стула, залиvisto хохоча. Кайрис неверяще поднимает голову.

— Ну что ты смотришь, будто в угол поставлю? — добродушно говорит Яррас, и в его глазах проскакивают веселые искры. — В конце концов, ты справился. Не совсем чисто, да, можно было лучше. Я бы тело лучше спрятал: например, в шкафу, хотя... О чем это я?

Яррас задумчиво потирает подбородок.

— В шкаф, — подсказывает Кайрис.

— Да что шкаф? — отмахивается Яррас, явно забыв о своих нотациях. — В общем, для первого раза неплохо: все пожелания гостя выполнены, страже не попались, даже след запутали. На вот, держи.

Что-то вытащив из-под стола, Яррас швыряет это в сторону Кайрис. Та машинально ловит и уже потом с легким удивлением разглядывает тяжеленький мешочек.

— Что это?

— Твое жалование, — как само собой разумеющееся объясняет Яррас. — Идиними себе какую конуру подальше от любопытных глаз. А вечером возвращайся.

Кайрис поднимается, задвинув стул, и кидает на Ярраса вопросительный взгляд. Тот

хитро улыбается:

— Будем праздновать твою потерю невинности.

Лишь бы напиться. Кайрис старается не показывать радости, но улыбка сама собой появляется на губах. Она всем доказала, что может быть частью этой стаи.

— И, это, Голдан... — окликает ее Яррас у самой двери.

— А?

— Отдохни сегодня как следует, — советует Яррас. — Потому что с завтрашнего дня я крепко возьму тебя в оборот.

Кайрис кивает с деланным безразличием — а сердце ее так и трепещет от предвкушения. А еще теплится слабая надежда: может, она наконец-то узнает ответы на интересующие ее вопросы.

Подходящая комнатка в бедной части города находится быстро. На одном из постоянных дворов, таком побитом жизнью с виду, что им можно пугать непослушных детей, хозяйка соглашается за небольшую плату предоставить одну из комнат «на подольше». Старуха подслеповата, а других жильцов, кроме какого-то заплывшего пьяницы, Кайрис не замечает — то, что надо.

Остальную часть дня она тратит на обновление гардероба — сапоги успели прохудиться, да и рубашка на смену не помешает. Хранить остатки денег в комнате кажется не особо безопасным, но выбора у Кайрис все равно нет, поэтому она изобретает маленький тайник, поддев расшатавшуюся доску под кроватью.

Закат она встречает, стоя у окна, подернутого драной занавеской. Приходить слишком рано не хочется, поэтому Кайрис просто нежится, разглядывая красноватые лучи, подсвечивающие края дырок в ткани. Ее не покидает чувство, что она в очередной раз стоит на пороге новой жизни. Вдруг смутная дрожь проникает в умиротворенное сознание — будто колокольчик, звякнувший где-то в глубине. Кайрис ловит странное чувство раньше, чем определяет, что это Швея.

«Значит, вот что ты решила».

В этот раз настроиться на связь с мечом получается совсем просто, как по щелчку. Кажется, Кайрис окончательно приноровилась.

— О чем ты?

«Сначала пропадаешь надолго, потом обсуждаешь с этим, бородатым, как бы стоило прятать тело, тьфу, — в голосе Швей отчетливо слышится осуждение. — Я помогала тебе с разбойниками, девочка. Но эта грязная работа...».

Кайрис поджимает губы.

— Ты знаешь, что у меня нет выбора. Вел...

«Тогда зачем ты так стараешься? — прерывает ее Швея. Чужие чувства бурлят, будто кипящая смола, обжигая изнутри. — Вдруг стоит провалиться — и выгонят сами? А может, ты этого не хочешь?»

Рука сама собой опускается на рукоять и стискивает ее, будто желая укрепить и так прочную связь, чтобы не упустить ни слова. Кайрис в возмущении открывает рот, но говорит совсем не то, что собиралась:

— А если и не хочу? — с вызовом спрашивает она. — Я все равно собиралась наняться в армию, так какая разница?

Ведь только это заставляет почувствовать себя живой. Кайрис не договаривает, но Швея как будто бы чувствует. Словно мысли тоже текут к ней по этой невидимой нити,

протянутой между человеком и мечом. Швея вздыхает.

«Этот голод невозможно утолить».

— Что?

Пальцы, поглаживающие рукоять, останавливаются.

«Та пустота внутри тебя, девочка. Мечь не заполнит ее, и кровь тоже».

Кайрис рвано вздыхает и тут же кривится, как от боли.

— Да что ты можешь знать о пустоте? — выпаливает она, разозленная нравочениями.

В первое мгновение кажется, что боль усиливается, но потом Кайрис понимает, что это чувство ей не принадлежит. Боль возвращается, отраженная, как зеркалом, во сто крат сильнее. Это невольно охлаждает пыл.

«Однажды тебе станет мало, как ты не понимаешь? — Связь между ними дрожит и стонет, как старое дерево на ветру. — Невозможно заполнить треснувший кувшин, пока не заделаешь дыру...»

— Хватит, — отрывисто останавливает чужую речь Кайрис.

Ей вдруг становится неприятно это слышать, настолько, что выворачивает изнутри — почти до тошноты. Только когда Швея замолкает, Кайрис понимает, что уже какое-то время держится за шершавую раму, стискивая пальцы до белеющих костяшек. Она разжимает пальцы, и вверх по кисти волной проносится покалывание.

— И что ты будешь делать? Опять примешься падать из рук? — говорит Кайрис, пытаясь отвлечься от неприятных мыслей и взять себя в руки. — Тогда я просто меч сменю.

Швея тоже ее бросит? Это невольно вертится на языке, потому что Кайрис уже давно одна против мира, и воображать, что их двое, было так соблазнительно приятно, что она заигралась. Кайрис прислушивается к мечу, заглядывая вглубь себя. Она ожидает чего угодно: колебаний, неприятия, неодобрения, но никак не смиренного спокойствия.

«И оставлю тебя, дурную девку? Нет уж. Хочешь плясать на граблях — пляши, ни помогать, ни мешать не буду. Но если в лоб прилетят — скажу, что предупреждала».

Кайрис не может сдержать облегченного смешка.

— И как бы я без этого жила, — бурчит она.

Но в груди само собой разрастается тепло, на фоне которого тяжелые мысли хоть и не исчезают, но становятся немного легче.

Когда Кайрис вновь добирается до «Кабанчика», на улицу уже опускается густая чернильная темнота. Потому тем страннее оказывается обнаружить трактир столь мертвецки тихим: ни света в окнах, ни пьяных криков и драк. Даже дверь оказывается закрыта. Кайрис дергает ручку пару раз и врезает по дереву кулаком. Легкое беспокойство поселяется нервной дрожью на затылке.

Спустя минуту молчания за дверью раздается тихий шорох, а потом щелчок.

— Эй? — окликает Кайрис в пустоту.

Ответа не следует, но дверь, вдруг протяжно скрипнув, открывается. Рука сама собой выхватывает меч, но удара не следует. Стиснув Швею, Кайрис долго вглядывается в черный непроглядный квадратик и вслушивается. Ни звука. Ни тени. Он напряжения сводит мышцы. Толкнув дверь ногой и держа меч наготове, Кайрис осторожно шагает внутрь.

Темнота обволакивает ее, будто кокон. Кайрис замирает, давая привыкнуть глазам, как вдруг тихий шорох раздается уже за спиной. Громко хлопнув, дверь отсекает ее от улицы.

— Кто здесь?

Кайрис выставляет вперед меч, крутясь в разные стороны, как волчок, чтобы не дать

невидимому врагу зайти за спину. Вновь слышится шорох, а потом хихиканье — в этот раз за левым плечом. Кайрис резко разворачивается.

— Выходи, а то я тебе меч знаешь куда засуну?! — обещает она, надеясь лишь, что голос не дрожит.

И тут горла вдруг касается что-то острое и холодное. Мгновения хватает, чтобы Кайрис отшатнулась назад, уходя от невидимого лезвия, и врезала локтем, метя в солнечное сплетение невидимки. Раздается вскрик, звяканье, а потом в глаза ударяет свет. Кайрис жмурится, полностью дезориентированная и лихорадочно крутящая мечом.

— Тихо, тихо! — раздается знакомый голос. — Свои.

Кайрис замирает. На мгновение полностью ослепленные, глаза начинают подмечать очертания Ярраса с масляным фонарем в руках. Кайрис непонимающе щурится, но меч опускать не спешит.

— Зажгите уже проклятый свет, — стонет где-то за спиной Нири. — Зилай, он мне по селезенке попал...

— А нечего было этой дуростью страдать. Как дети малые, — отмахивается от его жалоб Яррас. — Святой, метнись кабанчиком, пока они друг другу глаза не повыцарапывали.

— Будет сделано! — отзывается веселый бодрый голос, и маленькая тень с зажженной лучиной в руках спешит к светильникам.

— Что здесь происходит? — кое-как придя в себя, хмуро спрашивает Кайрис.

— Традиция, — снисходительно поясняет Яррас. — Вот в мое время мы таким не страдали — если нож к горлу приставляли, то чтобы прирезать, а не поиграться...

— Заткнись, старый хрен, и помоги мне встать, — ругается Нири откуда-то снизу.

— Вот сам тогда и вставай, — беззлобно усмехается Яррас.

Подхватив фонарь, он отходит к столу. Светильники на стенах тем временем медленно начинают разгораться — воздух наполняется запахом жженого жира и дыма. И Кайрис наконец-то удается оглядеться. Таверна будто вымерла — ни посетителей, ни самого трактирщика. За стоящим по центру столом сидит, развалившись, Яррас. Рядом обнаруживается Варгал, невесть как не подававший признаков жизни до этого момента. Поймав взгляд Кайрис, он тонко улыбается.

— Ты проиграл, Нири.

— И сам знаю, — бурчит тот, наконец поднявшийся на ноги и теперь яростно отряхивающийся. — Но зато Голдан оплатит нам всю выпивку. Так ведь, дружище?

Он вдруг приобнимает Кайрис за плечи, почти наваливаясь сверху. По стойкой завесе алкоголя становится понятно, что Нири уже начал «дегустировать».

— Чего?

Кайрис отпихивает вентонца, обводя всех непонимающим взглядом. Монах громко смеется — будто колокольчики звенят. Он успевает разобраться со светильниками и теперь тоже плюхается за стол. Туда же плетется, обиженно поджав губы, Нири.

— Да придумывает он все, — сдает того Яррас, улыбаясь, и даже шанса возмутиться не дает. — Садись уже. Не пропадать же из-за глупой шутки вину?

— Тоже мне шутки, — бурчит Кайрис, но все-таки прячет меч и присаживается за стол.

Рядом с ним обнаруживается бочка с чем-то темно-красным, откуда все черпают ковшом, заполняя высокие кружки. Одну протягивают Кайрис. Так странно находиться в огромном пустом трактире такой маленькой компанией. Кайрис невольно вертит по сторонам головой.

— Сегодня у тебя, считай, посвящение. В такие дни хозяин «Кабанчика» закрывается пораньше и уходит, оставив ключ кому-то из нас. Вел бурчит, но традиция, — Яррас разводит руками. — Тем более, хозяину за это монета перепадает. У тебя из жалования я уже вычел.

Значит, не даром. Ну что ж, даром, как говорится, бывает только сыр известно где. Кайрис поднимает кружку, и та оказывается неожиданно тяжелой. Вино пахнет тягуче и дурманит одним своим ароматом.

— Что ж, добро пожаловать. Теперь уже по-настоящему, — продолжает Яррас явно по праву главного. — С первой кровью.

Все остальные поднимают кружки.

— С первой кровью, — вторят они хором.

Кайрис подносит свою к рту и приникает губами. Вино оказывается сладким и обжигающим, как жидкий огонь. На глазах выступают слезы, но, когда Кайрис пытается отстраниться, остальные начинают кричать: «До дна! До дна!» Резко вдохнув, она приканчивает остатки вина парой крупных глотков. Огненный комок падает в желудок, тут же охватив жаром грудь и живот. Хмель ударяет в голову. С громким стуком поставив кружку на стол, Кайрис откидывается на спинку. Голова кружится, как ярморочная карусель.

Все вокруг смеются — кто просто весело, кто почти злорадно, — но почему-то это ощущается хорошо. Кайрис улыбается. Она справилась. Она смогла. Радость мешается с вином, все усиливая и усиливая головокружение.

— А теперь давайте нашу, — вдруг выдает Нири. — С-споем.

Да он уже готов. Впрочем, не факт, что Кайрис смогла бы лучше. Яррас добродушно улыбается.

— Да что ты споешь, язык уже в бантик завязан, — хмыкает он, но, противореча собственным словам, вдруг запеваёт. — Разбегаемся как мыши. Нас заметили? Никто-о-о. Даже стража не услышит — кто-то стал, как решето.

Сжав руки в кулаки, Яррас начинает в ритм настучивать по дереву. Кружки подпрыгивают на столе, будто танцуют. Нири подхватывает, хлопнув рукой так, что часть вина расплескивается в стороны. Никто не обращает на это внимания.

— За тебя мы, если платишь. Стыд нам просто невдоме-е-ек, — голосит Нири. Голос у него выходит охрипшим, нескладным, скорее крик, чем музыка. Но это кажется правильным. — Кто-то больше даст, а зна-а-ачит будет полон кошелек!

Кайрис и сама не замечает, как начинает покачиваться в такт, будто змея под дудку измовского заклинателя. Монах — если подумать, она так и не знает его имени, — все это время по-детски ерзавший на стуле, вклинивается в пение, словно просто ждал своей очереди.

— Ходи-и-ит парень кислый вечно и мозолит людям глаз, — на контрасте с Нири голос монаха звучит звонко и чисто, как горный ручей. — Мы улыбкой безупречно горло вырежем для ва-а-ас!

Эти слова так странно слышать от молодого и невинного с виду паренька. Но Кайрис знает — даже маленькая ядовитая змея остается ядовитой. Вино несется по крови, заставляя голову гудеть, а в глазах двоится, но Кайрис не хочется, чтобы это прекращалось. Нири подпихивает в бок пытающегося отмолчаться Варгала. Да ну, этот точно не станет. Но, на удивление Кайрис, едва заметно покачав головой, зениец присоединяется:

— Или кто-то пьет по бочке, обещая долг отда-а-ать. Тут легко поставить точку и

кинжалом почеса-а-ать.

Варгал поет негромко, но слышно его чуть ли не четче путающегося в буквах Нири. Голоса сливаются в один, строчки повторяются. Поразительно, но этот нестройный хор звучит по-своему хорошо. Так что думающая отсидеться тихо Кайрис в итоге поет вместе со всеми.

— Мы бродяги, и не важно — пир зовет нас иль война-а-а, ведь останется однажды только песня и струна-а-а.

Слова гремят, будто бы сотрясая воздух, — кажется, даже таверна подскакивает вместе со столом, отрываясь от земли. Они останавливаются, только чтобы промочить глотки, и хмель вновь и вновь бьет в голову, закручивая в веселом вихре. Кайрис не знает, сколько это продолжается. Похоже, в какой-то момент она забывается, но даже там, в темноте, звучат веселые, отчаянные строчки:

— Только песня и струна, только песня и струна.

И Кайрис горланит их, забыв о стеснении. Ей хорошо — и она наконец-то на своем месте.

Глава 14. Особый заказ

698 год, Оттепельник, 25

Раньше Кайрис никогда не задумывалась, зачем люди убивают друг друга. Достаточно было знать, зачем это делает она сама. Но стоило начать работать наравне с остальными, как оказалось, что зачастую люди желают своим ближним смерти из-за сущих пустяков. Чтобы не отдавать долг, отомстить за проигрыш в скачках, заново жениться... Виконта заказали из-за рыбы.

Кайрис стоит, скрывшись в тени и почти слившись с темнотой, и разглядывает неподвижную водную гладь. В этом здании без окон с потолком, уходящим вверх ровным куполом, ужасно душно. Горячий влажный воздух будто бы липнет к коже плотной пленкой. Говорят, виконт потратил состояние, чтобы построить все так, чтобы можно было прогревать бассейн. Впрочем, кроме него и небольшого стула в помещении больше ничего нет. Прямоугольное каменное углубление в полу занимает почти всю поверхность, оставляя только узкие полосы «суши» по краям. Кайрис стоит у одной из стен и вглядывается.

Казалось бы, внутри должно быть темно, но вода источает мягкое сияние, будто бы блуждающее из одного угла в другой. В тишине раздается тихий плеск, и воду на мгновение рассекает огромный ярко-розовый плавник, чтобы вновь уйти на дно. Кайрис отчетливо видит, как там, под водой, неторопливо разворачивается гигантское продолговатое тело, все покрытое сиренево-желтыми полосами. Цвета такие насыщенные, что даже при слабом свете глазам становится больно. Говорят, в Малии все твари такие, так что глубия не исключение.

Рыба делает круг, вновь выныривая — в этот раз над водой показывается голова. Массивные челюсти, пасть, полная тонких иглистых зубов, мутно-белые глаза — малийская тварь похожа на чудище из детских сказок. А еще ее чешуя источает слабый, даже притягательный свет, будто гнилушка. Все-таки у богачей не все в порядке с головой. Только безумец станет тратить кучу денег, чтобы привезти такую тварь с другого конца света.

Дверь тихо скрипит, и Кайрис мгновенно отступает в угол, за одну из колонн, обвитую плавными выпуклыми линиями. Ее сердце невольно подскакивает и ухает вниз, словно сделав кувырок. Мгновение, и дверь впускает внутрь виконта, прежде чем мягко закрыться за его спиной.

Виконт Зеррас, помедлив, неторопливо шествует к бассейну, подсвечивая себе маслянистым фонарем. Он напоминает старое, узловатое дерево: дряхлые, сгорбленный, с копной седых волос. Свет фонаря падает на сморщенное лицо, похожее на запеченное яблоко. Кажется, жизнь едва теплится в виконте — как остывающие угли — и хватит мелочи, чтобы ее задуть. Но старый хрен держится так уже долго, не желая вставать с места хозяина этих земель. Так что его смерть заказали его собственные дети, уже давно видевшие отца в гробу. Ну и рыба, конечно. Неясно, была ли она последней каплей или просто под руку подвернулась, но, судя по просьбе гостя, экзотический питомец виконта нервы всем изрядно потрепал.

Старик подходит совсем близко, на расстояние вытянутой руки и садится на стул. Чуть поерзав, он с кряхтением откидывается на спинку и ставит фонарь на пол. Тот мигает, пустив по каменному полу оранжевые отблески. Тварь выныривает, будто почуяв близость

добычи, и подплывает вплотную к высокому кованному бортику, уткнувшись в тот мордой. Они молча разглядывают друг друга, рыба и человек. По коже невольно бегут мурашки.

— Ну что, красавица моя, скучала? — ломким и надтреснутым голосом, будто сухой лист, спрашивает виконт.

Кайрис невольно вздрагивает в своем углу, но, ясное дело, старик обращается к рыбе. Та щерит острые зубы. Жабры на боку заметно трепещут.

— Ну-ну, дорогая, не надо, — продолжает старик. — Надеюсь, эти лодыри тебя хорошо покормили?

От этого странного разговора становится не по себе. Словно бы подглядываешь за тем, как кто-то рыдает. От него веет одиночеством и ослабевшим разумом. Впрочем, о кормежке... Кайрис бесшумно отлипает от стены и скользит вперед, стараясь не издавать ни звука.

Чудище вдруг наваливается на решетку, заставив ту задолжать и будто бы накрениться. Сияние вокруг рыбы становится тревожным. Кайрис замирает.

— Что с тобой, рыбонька? — удивленно привстает виконт.

Зилай. Наследники должны были оставить рыбу голодной, но это вскрывается слишком рано. Если решетка не выдержит сейчас... Надо ускориться, пока Зеррас не поднял тревогу. Кайрис пользуется замешательством и приближается вплотную, безмолвной тенью застыв за сгорбленной спиной. Тварь, явно почуяв второго человека, начинает бесноваться, поднимая фонтан брызг и заставляя воду бурлить, будто котелок на огне.

— Да что за...

Виконт оборачивается. Они с Кайрис сталкиваются взглядами, будто два зверя, идущих с разных сторон одной и той же тропы. Какое-то мгновение оба цепенеют от неожиданности.

— Стра... — начинает виконт, но слишком медленно и тихо. Закончить он не успевает.

Кайрис приходит в себя раньше, и, схватив старика за шиворот, толкает его спиной прямо на решетку.

Тот не успевает ни вскрикнуть, ни даже взмахнуть рукой. Иссошенное тело, оказавшееся неожиданно легким, отлетает назад, словно тряпичная кукла. Натужно заскрежетав, заранее подпиленные прутья обламываются, и виконт падает вниз. Раздается громкий плюх, и вода поглощает оборвавшийся крик.

Всплыть Зеррасу уже не удастся. Рыба, сверкнув зубами, мгновенно накидывается на добычу, и старик исчезает в бездонной пасти. Раз — и все заканчивается, только расходится по воде, расплываясь, красное пятно. Плавник, вспоров алую гладь, исчезает на дне, и все затихает. Только медленно успокаивается рябь и гуляет над кровавой водой тревожное сияние.

Кайрис дрогнувшей рукой вытирает пот. Фух, чуть не сорвалось. Пора уходить — если кто-то слышал шум, то может заглянуть. Безмолвная черная тень выскользывает из здания, и, избегая патрулей, перебирается через стену, чтобы исчезнуть в ближайшем лесу.

До «Кабанчика» Кайрис добирается рано утром. В такое время обычно никого из посетителей нет, и этот раз — не исключение. Перед крыльцом она застаёт редкое зрелище: Нири, Варгала и Монаха, не пытающихся перегрызть друг другу глотки. Они даже колкостями не обмениваются, что вообще возводит происходящее в разряд невозможного. Однако Кайрис почти сразу понимает, что происходит: они играют в кошачьи салочки. Она останавливается на приличном, расстоянии, наблюдая.

На ступеньках, спиной к дороге, сидит большая пушистая кошка и вылизывает толстый хвост. Кажется, она полностью увлечена процессом. Варгал и Монах расположились на деревянных ящиках неподалеку и шепотом переговариваются. Нири же медленно и осторожно крадется по земле, чуть согнув колени. Его грудная клетка еле шевелится, а ноги переступают с места на место мягко и почти бесшумно. До кошки остается всего пара шагов. Кайрис наклоняется, и, подобрал с земли камушек, запускает тот в стену таверны. Мрякнув и подпрыгнув на месте, кошка исчезает в переплетении улиц.

— Проклятье. Кто это сделал? — гневно озирается по сторонам Нири. — Хватит ржать!

Монах заливисто хохочет, чуть ли не падая с ящика. Варгал рядом с ним сдержанно улыбается.

— Угадай.

Повертев головой, Нири натывается взглядом на Кайрис. Он обиженно поджимает губы.

— Я тебе это еще припомню, Голдан.

— Ты должен мне двадцатку, — радостно заявляет Монах.

Нири с возмущением поворачивается к нему.

— Ты что, опух, Святой? Вы же видели, это Голдан ее спугнул.

— Голдан — не Голдан, а подкрасться ты не смог, — пожав плечами, спокойно подмечает Варгал.

— Но он вмешался!

— «Я подкрадусь к кошке, и она не заметит». Ни слова про Голдана.

— Да идите вы.

— Мы то пойдем, но за твой счет, — задорно смеется Монах.

Поняв, что спор разгорается похлеще костра на сухих поленьях, Кайрис, хмыкнув, проходит мимо, в уже привычную дверь. Удивительно, но в их логове никого не оказывается. Осмотревшись по сторонам и с удовольствием потянувшись, Кайрис подходит к большой деревянной доске, прибитой к стене у стола.

Та разделена кривыми росчерками от ножа на четыре части. Кайрис вырывает вогнанный рядом кинжал и склоняется над полоской, помеченной именем «Голдан». Поудобнее перехватив рукоять, она вырезает на дереве перечеркнутый глаз, галочку, сломанное колесо и корону. Не попалась страже, выполнила пожелания гостя, подстроила несчастный случай и убила благородную цель. Тянет на все десять баллов. Кайрис улыбается и присматривается к тому, как идут дела у остальных.

Нири обзавелся двумя коронами с перечеркнутыми глазами и одним шлемом — стражник, значит. Хорошо идет, паршивец. У Варгала несколько капель — работа, выполненная с ядом — и одна сломанная стрела. Похоже, жертва умерла до исполнения приговора. Монах, видно, ленился, потому что разжился только одним мешком — всего то купец. Кайрис довольно цокает языком. Что ж, она неплохо идет.

Такое развлечение придумал Нири, наверное, самый большой любитель споров и соревнований во всем городе. И сумел заинтересовать всех, кроме Ярраса, обозвавшего затею «балаганом». Кайрис неторопливо вгоняет нож на место, раздумывая, дожидаться ли Ярраса или просмотреть ждущие выполнения задания самой. Именно в этот момент раздается мягкий звон колокольчика. Кайрис замирает и медленно поворачивается. Колокольчик, висящий над дверью в исповедальню, вновь вздрагивает в воздухе. Проклятье. И, как назло, никого нет. Кайрис лихорадочно оглядывается по сторонам. Что делать? Позвать кого-то? А вдруг гость уйдет? Она вдруг отчетливо понимает, что никогда не

принимала заказы сама и даже не уверена, что делать. Тренькнув в третий раз, колокольчик замолкает.

Кайрис сглатывает и быстро подходит к двери. Помедлив, как перед прыжком в глубокое озеро, она решительно нажимает на ручку. Дверь поддается, пропустив ее в тесное темное помещение. Быстро чиркнув огнем, Кайрис зажигает слабо светящийся фонарик с опускается на скамью.

— Я... вас слушаю, — чуть запнувшись, говорит Кайрис. Руки некуда девать, и они сцепляет их в замок.

Тишина. Кайрис неловко ерзает на стуле, пытаясь взять себя в руки. Ей начинает казаться, что все это шутка и по ту сторону стены никого нет. Или вообще тот же Нири.

— Граф Велийский.

Голос звучит так внезапно и оказывается таким низким и тяжелым, что Кайрис вздрагивает. Кажется, будто незнакомец не просто произносит слова, а лязгает металлом по металлу.

— Что?

Вот дурья башка. Само вылетело. Кайрис запускает пальцы в волосы и стискивает их от стыда.

— Цель — граф Велийский, — повторяет гость чуть более раздраженно, отчего к металлу прибавляется зимняя стужа.

Тут Кайрис наконец осеняет. Граф Велийский, владелец самой большой коллекции драгоценностей во всей стране. Его имя настолько на слуху благодаря роскошным нарядам и неприличным выходкам, что о графе знают даже портовые моряки и шляхи — особенно шляхи. А еще Велийский — дальний родственник короля.

— Это очень сложный заказ... я... э... это будет дорого стоить, — окончательно выбитая из равновесия, лепечет Кайрис.

По ту сторону раздается шуршание, и в прорезь падает тяжелый мешочек, громко звякнув.

— Я знаю расценки, — небрежно бросает гость.

Кайрис незаметно выдыхает. Хорошо, ведь она не имеет ни малейшего понятия. Чиркнув имя цели на листе, Кайрис берет в руки мешок, и тот приятно оттягивает ладонь.

— Какие-то пожелания? — стараясь не звучать взволнованно, спрашивает она.

— Пусть он умрет на балу герцога Керского. Ах да, мое тайное имя — Лилия.

От услышанного у Кайрис пропадает дар речи, а когда появляется вновь, гостя уже нет — лишь тишина. Бал герцога, на землях которого они находятся — губа не дура. Кайрис еще какое-то время сидит и прислушивается, а потом выходит наружу, совершенно озадаченная. Герцог, граф, имя какое-то... Ее тут же встречают три пары любопытных глаз.

— Вы посмотрите, трусишка Голдан принял заказ, — не упустив шанса поддеть, ехидно протягивает Нири. — Штанишки не промочил?

— А по-моему, он язык проглотил от счастья, — смеется Монах.

Яррас, успевший прийти и даже расположиться на своем любимом стуле с широкой спинкой, смеривает Кайрис пронизательным взглядом.

— А ну-ка оба замолчите, — беззлобно командует он. — На кого заказ?

Яррас достает из-под одной из досок толстенную книгу учета, куда они вписывают заказы, и макает неясно, когда вынутое перо в чернильницу. Тепло тут же пропадает из чужих глаз, оставив только сосредоточенность. Кайрис невольно ежится. А что, если она

допустила ошибку? Но что уж теперь поделать.

— На графа Велийского, — не сумев скрыть волнения, говорит Кайрис. Раздается смешок, но Нири тут же замолкает, видно, осознав, что она не шутит. — На балу герцога Керского.

Она даже ждет хохота, но никто не смеется. Нири с Яррасом многозначительно переглядываются.

— Надо связываться с главой, — как непреложную истину, говорит Яррас.

Нири с кислым видом кивает.

— Значит, надо проклятого Вела искать. Один

Зилай знает, где он сегодня обкуривается.

— Смотри, услышит, и как в прошлый раз тебе фингал поставит.

Монах хихикает.

— Да я специально не увернулся, хер бы он в меня попал.

— Ну-ну.

Кайрис, все время, пока длится перепалка, пытающаяся собраться с мыслями, наконец отмирает.

— Подождите! — прерывает она поток оскорблений, повысив голос. — Разве глава не Яррас? Да чего смешного?

Последняя фраза тонет в громком гоготе. Даже Яррас не сдерживается и похохатывает, держась за бока. Кайрис угрюмо проходит к столу и садится, бросив мешок с оплатой на стол. Монеты громко звякают. Чужое веселье продолжается еще какое-то время, пока все не успокаиваются. Нири плюхается на стул, заложив руки за голову.

— Яррас, а я и не знал, что тебя повысили. То-то ты задницу Велу лижешь. Словечко замолвил?

— Стал бы я тогда тебя терпеть, — усмехается Яррас, поглаживая бороду. — Тем более, это ты у нас по задницам специалист, куда уж мне.

— А кто тогда ты? — спрашивает Кайрис.

— Коорбинатор, — с довольным видом выпаливает Монах, решивший сесть прямо на столе.

— Координатор, — поправляет Яррас. — Сядь нормально, Святой.

Тот печально вздыхает, но слушается. Яррас степенно кивает и продолжает:

— У нашей гильдии много ячеек по всей стране. Каждая имеет своего главу. Рядовые члены ячеек друг друга не знают, между собой знакомы только главы. Но даже они никогда не встречаются с Королем, хозяином всей гильдии, напрямую — только связываются через посредников.

От переизбытка информации в висках начинает давить, и Кайрис трет их, пытаясь ничего не забыть.

— Зачем такие сложности?

Нири пренебрежительно фыркает.

— Ну ты и дурак, — высокомерно заявляет он. — Чтоб всех разом не перебили.

— На случай предательства, — поясняет Яррас. — Если посадить только одно, хоть и очень большое, и крепкое, дерево — срубят его и конец. Зато, когда много небольших саженцев...

Стоит признать, в этом есть здравая мысль.

— Так. Значит, ты координатор нашей, эм, ячейки. Решаешь, кто, куда и зачем. Зилай

его знает, что делает глава, но мне все равно не ответят, — начинает перечислять Кайрис. — А Вел...

— Вербовщик твой любимый дымолоб, — перебивает ее Нири. — Ищет, у кого зубы поострее, и тащит сюда. Да в наморднике, чтоб своих не кусал. Ну и посредничает между нами и главой, да.

На словах про намордник Нири рисует в воздухе что-то, очень уж похожее на паутину. Кайрис ежится. Значит, у других тоже этот невидимый ошейник на шее. Неужели тут все не по своей воле? Или процедура обязательная?

— Да, Вел ищет таланты. Мало мечом махать. Нири в высшем обществе, как рыба в воде, и самый ученый из нас, Варгал везде проникнет и яды делать мастер, Монах вообще особенный.

— А ты?

— В глаз белки со ста шагов.

Яррас хитро усмехается. Смутное чувство крепнет где-то на задворках сознания. Если все такие мастера, то она то среди них почему? Вел не дурак, это Кайрис уже успела понять. А все остальные — тоже удивляются или знают, в чем дело? Кайрис прищуривается, но в итоге решает не спрашивать.

— А как она называется? — задумавшись, она ляпает первое, что пришло в голову.

— Кто?

— Ну, гильдия. Или ячейка.

Яррас пожимает плечами.

— Никак.

— В смысле? — не понимает Кайрис.

Нири смеривает ее ехидным взглядом.

— А ты чего ждал? Наверное, какого-то

пафосного дерьма вроде «Длани ночи» или «Кровавой розы». Может, нам еще и форму носить, чтоб каждая собака узнала? Одинаковые пуговики, как в гимназии.

Он кривится, явно вспомнив что-то неприятное из прошлого. Несмотря на неодобрительный взгляд, Яррас согласно кивает.

— Когда не знаешь, кого ловить, намного сложнее поймать.

Кайрис замолкает, пытаясь уложить полученные знания в голову. Нири откидывается назад, покачиваясь на стуле взад-вперед.

— Ты ему, что, ничего не объяснял, старик? А весь из себя такая важная курица.

— Я был занят, — с легкой задержкой уходит от ответа Яррас. — В общем, передадим главе весточку и начнем готовиться.

Даже от Кайрис не укрывается, как спешно от перескакивает на другую тему. Она приглядывается и только сейчас замечает, что лицо Ярраса какое-то осунувшееся, а под глазами пролегают черные круги. Вентонец выглядит очень изможденный и будто выжатый насухо. Чего это он? Заказ был сложным?

— И все-таки, зачем дергать главу? До этого и сами справлялись.

— До этого заказов такого уровня не было. Надо оповестить верхушку, вдруг у кого-то с графом договор. Тогда придется отказать гостю. Он же называл тебе тайное имя?

Точно. Совсем запамятовала. Кайрис произносит странное прозвище, и Яррас кивает, делая пометку в книге учета.

— Когда выйдет срок, придет и произнесет его, если захочет свою плату назад.

Монах, успевший задремать от скуки, вдруг встрепенувшись, резко распахивает глаза. Проходит всего мгновение, и он вновь выглядит бодрым, будто бы вообще не засыпал.

— Особенный заказ? Опять переезжа-ать, — уныло тянет он, зевнув. Но дурное настроение долго не задерживается: взмахнув рукой, парнишка оживляется. — Зато, может, это будет второй этаж. Или подвал! Вот бы подвал, да, Яррас?

Старый вентонец добродушно треплет Монаха по голове.

— Переезжать... — задумчиво тянет Кайрис, оглядывая уже ставшие привычными чучела и доску с достижениями.

— Тебе не об этом надо думать, а о том, как вы с Нири убьете этого графа, когда глава достанет вам приглашения.

Услышанное заставляет Кайрис поперхнуться. Она так резко поворачивается в сторону Ярраса, что шея неприятно хрустит. Кайрис потирает ее ладонью, мысленно ругаясь на Ярраса и весь мир вместе взятый.

— Чего это я должен работать с этим дураком? — не остается в стороне Нири. — В прошлый раз нас чуть не загребли из-за него.

— Потому, что я так сказал.

Удивительно, как Яррас умудряется сочетать в голосе полное отсутствие угрозы и благожелательность с воистину стальной твердостью. Нири, не впечатленный, вздергивает подбородок.

— Это не тебе от стражи потом бегать, — сварливо говорит он.

Кажется, Нири спорит просто ради самого спора. Кайрис поджимает губы.

— Пусть тогда Нири сам идет, раз такой умный.

Яррас вздыхает, глядя на них, как на неразумных детей.

— Голдан, нельзя на такое дело одному идти. Кто-то должен страховать и, если что, внимание перетягивать.

— А остальные...

Яррас веско качает головой.

— Варгал — зениец, Святой — тут и объяснят не надо, а я светился.

— И все равно... — не успокаивается Нири.

Яррас, в этот момент скребущий подбородок ногтями, опускает руку и поворачивается в сторону вентонца.

— Наклонись-ка, кое-что на ухо скажу, — размеренно зовет Яррас.

Нири фыркает и с самоуверенным видом наклоняется. Но чем дольше Яррас говорит, тем меньше от этого бахвальства остается. Под конец Нири уже смотрит вниз, пряча глаза. Кайрис с удивлением следит за этой переменной, не веря тому, что видит. Но что еще более поразительно — Яррас при этом остается все таким же доброжелательным и расслабленным.

— Понял? — спрашивает он.

— Понял, — хмуро цедит Нири и садится обратно.

— Вот и прекрасно.

Яррас с кряхтением откидывается на спинку стула, и только тогда на его лице вновь проступает усталость и что-то, отдаленно напоминающее тревогу. Чего это он?

— А меня не узнают? — поколебавшись, вдруг спрашивает Нири.

Кайрис удивляется еще больше. А должны? Остальные воспринимают вопрос, как само собой разумеющееся. Впрочем, если Яррас говорил, что Нири в высших кругах, как рыба в

воде, этому должны быть причины. Яррас, успевший прикрыть глаза, отмахивается от чужого беспокойства.

— Не должны. На балу все будут в масках. Правда, они закрывают только глаза и нос, но... — Яррас медлит. Когда он продолжает, Кайрис слышится в его тоне отголосок печали. — Тебя сейчас сложно узнать.

По лицу Нири пробегает мрачная тень, прежде чем он хмыкает — а потом резко становится собранным и серьезным, как пес, взявший след.

— Мы с Монахом пойдем уши погреем, — говорит он, поднимаясь. — Дай отмашку побыстрее, до бала всего две недели.

Они исчезают в проходе — прямой, как струна, Нири и скачущий, как мячик, Монах. Яррас нехотя поднимается тоже, хрустя коленями. Прежде чем уйти, он хлопает Кайрис по плечу.

— Не обращай внимания на Нири, Голдан, — говорит он. — Все ошибаются. Хотя если будешь делать это слишком часто, придется прикопать.

Он беззлобно улыбается и тоже уходит. Кайрис остается одна посреди пустого помещения.

— Нет-нет-нет, еще раз! — останавливает ее Нири, замахав рукой в воздухе.

Кайрис раздраженно разгибается, так и не доведя поклон до конца, и ее терпение лопают. Она резко поворачивается к вентонцу, впившись в того взглядом. Нири сидит на стуле, закинув ногу на ногу и уперев руку в лоб так, что половина лица скрывается в ладони. Указательный и большой пальцы трут виски. Нири сидит так уже значительное время и не меняет позы, даже когда Кайрис срывается.

— Сколько можно? Это уже десятый раз! — злится Кайрис.

— Двенадцатый, — со вздохом поправляет ее Нири, отнимая руку от лица и зачесывая волосы назад. — Кто виноват, что ты двигаешься, как мешок картошки. Хотя, если подумать, это оскорбляет картошку...

— Я тебя сейчас сам в картошку превращу.

— И она все равно справится лучше, чем ты, — ехидно отвечает Нири. — Ладно. Смотри еще раз. Чем дольше я тут торчу, тем меньше партий смогу сыграть.

И тем меньше денег просадишь. Конечно, Кайрис этого не говорит, а лишь мрачно готовится наблюдать за поклоном. Они начали готовится спустя пару дней от появления заказа, получив отмашку от Ярраса. Но, Зилай его побери, кто мог знать, что у благородных все так сложно?

Даже весь их план похож на чудную измовскую игрушку. Чтобы проникнуть на бал, Нири и Кайрис придется притвориться мелкими баронами и по поддельным приглашениям пройти внутрь. Благо, всех титулованных особ не помнят, да и то, что это будет маскарад, играет на руку. Уже внутри, пользуясь примерными планами замка, одному придется заманить графа в укромный уголок, пока второй перетягивает на себя внимание гостей. Роль отвлекающего Кайрис легко отдает Нири, и тот обещает устроить скандал или еще что-либо подобное.

Одно грустно: придется действовать без клинков и яда. Первые не пропустят, как и что-то вроде кольца, использованного на свадьбе, а вторые не подмешать незаметно. Приходится остановиться на специальном шелковом шнуре, который легко спрятать под одеждой. Однако, чтоб притвориться благородным, надо вести себя, как они, и это

оказывается настоящим проклятьем. И вот, они здесь.

Нири легко поднимается со стула и встает напротив, вытянувшись так, будто проглотил палку. Заложив одну руку за спину, он плавно наклоняется, описав правой ногой полукруг, а руку выгнув, будто крыло. Это все выходит так легко и естественно, как дыхание. В такие моменты все синяки, царапины, ушибы и неряшливость будто исчезают, и Нири преобразается так кардинально, что все сомнения в его благородном происхождении пропадают.

Невольно приободренная этим, Кайрис пытается повторить движения, но Нири почти сразу же прерывает ее, хлопнув в ладони.

— Ну нет, неправильно. Зилай, зачем ты горбишься, как бабка? — вентонец с разочарованным стоном падает на стул. — Это невозможно. Если бы учитель это увидел, он бы повесился.

— Учитель?

Нири откидывает голову на спинку, прикрыв глаза. Свет от ламп и чёрные тени делают черты его лица тяжелыми и будто высеченными из камня, но улыбка смягчает впечатление.

— Да, тот, который меня этикету учил. За каждую ошибку лупил по рукам розгой, ублюдок. Обязательно смоченной в воде, чтобы больнее. Потом я ходил с красными полосами на ладонях и ронял перо. Еще и от мастера по каллиграфии доставалось... — Нири морщится, а потом растягивает губы, и улыбка превращается в ухмылку. — Так радовался, когда на сукина сына заказ появился, что подчистую все жалование продул. Да и Зилай с ним.

Кайрис удивленно вытаращивается на вентонца. Тот никогда не рассказывал про прошлое и уж тем более про свое детство. Почему-то Кайрис казалось, что оно было беззаботным, но, с другой стороны, разве счастливычики оказываются тут?

— А родители его не уволили?

Нири резко садится, будто был очень далеко и теперь вдруг вернулся. Кайрис успеваешь пожалеть, что подала голос.

— Ты, что, дурак? — досадливо спрашивает он. — Отец сам приказ меня лупить. Ему были нужны лучшие результаты.

Нири коверкает последнюю фразу, явно подражая чужому голосу. Становится видно, что он опять закрывается, словно захлопнувшаяся раковина, а значит, больше ничего не расскажет. Поняв это, Кайрис неохотно возвращается к поклонам. И тут дверь хлопает, впустив внутрь Ярраса с Велом.

— Как идет подготовка? — с любопытством спрашивает первый, поздоровавшись кратким кивком.

Нири тут же кривится, будто ему под нос сунули засохшее дерьмо и предложили понюхать.

— Да легче валенок в карты играть научить.

Яррас усмехается, поглаживая усы.

— А ну ка покажи, Голдан.

После всех попыток делать этого решительно не хочется. Вел, внимательно наблюдающий из-за спины Ярраса, радости не добавляет. Кайрис, уже порядком измученная, мрачно выпрямляется, повторяя очередность движений в голове. Наклон, правая нога, рука. Может, если сделать все правильно, ее оставят в покое? Кайрис глубоко вздыхает и кланяется, стараясь скопировать движения Нири. Судя по тому, как он цыкает, выходит

так себе. Закончив, она вздергивает голову, с вызовом уставившись на Ярраса. Этот дурацкий этикет уже в печенках сидит. Пусть хоть слово скажет.

— Сойдет, — неожиданно для нее самой говорит Яррас и поворачивается к изумленному Нири. — Он кем едет? Мелким бароном из тех, кому титул за заслуги пожаловали? Ну вот и все. А как с танцам успех?

— С танцами? — восклицает Кайрис, услышавшая про них впервые.

Нири окидывает ее быстрым взглядом, и, явно прикинув, что убивать Кайрис сейчас — только меч тупить, скрещивает руки на груди.

— Скажет, что не танцует, — отрезает он, сдавшись. — Если и этому учить придется, я сам на его могиле станцюю.

— Вот и ладно, — Яррас примирительно хлопает Нири по плечу. — Пойдем-ка пропустим по кружечке.

— Ты угощаешь? — тут же оживляется Нири, падкий на бесплатную выпивку.

Яррас благодушно кивает, подхватив вентонца под руку, и конец разговора услышать не удается. Кайрис провожает их сперва недоуменным, а потом задумчивым взглядом. Когда две тени, одна длиннее, другая короче, исчезают за дверью вслед за хозяевами, она переводит взгляд на скучающего Вела.

— Что надо?

Тот хмыкает.

— Ты стал умнее. Жаль.

Вел вальяжно проходит к столу, приглашающе поманив следом Кайрис. Она не противится: несмотря на то, что пол дня только кланялась, как заводная измовская игрушка, ноги гудят от усталости, а голова — от переизбытка информации. Кайрис падает на стул, и тот издает протяжный скрип, будто живой. Она утирает рукавом лицо и выжидающе смотрит на Вела. Тот снимает с пояса ножны, и Кайрис сразу их узнает по контуру в виде шипастых обвивающихся стеблей. Прямо как человека, чье лицо уже видела. Она вздергивает бровь, едва сдержавшись, чтобы не вздрогнуть. Воспоминания о встреченном отпоре все еще свежие, и даже находиться в одном помещении с мечом не хочется.

— Опять? — спрашивает Кайрис напряженно. — Вел, что происходит?

Выматывающее обучение не добавило ей терпения, которое и так давно на исходе. Вел молча пододвигает меч ближе.

— Осмотри его, — просто говорит он.

Гнев становится физически ощутимым, будто тяжелый дым, обжигающий легкие. Кайрис кратко выдыхает сквозь зубы и одним пальцем отпихивает меч подальше.

— Объясни, что происходит, — напирает она.

— Тебе, что, так сложно сделать то, о чем просят, щенок? — Вел тоже начинает злиться. — Я ведь могу просто тебя заставить.

По холодку, скользнувшему по спине, Кайрис понимает — действительно может. Но, против обыкновения, это не охлаждает ее пыл, скорее наоборот — дым в груди поднимается выше, опаяя горло. Она получит ответы сегодня. Кайрис фыркает и откидывается на спинку стула, сложив руки на груди. Показное безразличие дается ей с трудом — аж виски заламывает.

— Ну и валяй, — бросает она, глядя на Вела в упор. — Я этого меча не коснусь. Хотел узнать, буду ли я им сражаться — нет, не буду. Можешь проваливать.

Конечно же она блефует, не уверенная даже, что это сработает. Ставит все или ничего,

как принято в картах. Вел окидывает ее новым взглядом, заинтересованным, и вдруг кивает.

— Даже слишком умнее. Ладно. Все равно придется рассказать, — хмыкает он, постукивая по столу пальцами. — Думаю, ты уже знаешь, что кого попало я не вербую. Зачем мне слабые и беспородные щенки? А ты, уж поверь мне, без своего таланта немногим ценнее камня. Главе очень нужно, чтобы ты поговорил с этим мечом. Как понимаешь, такие приказы не обсуждаются.

— Что бы я... поговорил? — и тут до Кайрис доходит. Таланта. Ну конечно! Сердце екает от страха и волнения, птицей затрепетав в груди. — Откуда ты знаешь? Есть еще такие, как я? Кто?

— А-па-па! — прерывает поток вопросов Вел. — Сначала меч.

Кайрис поспешно кивает и хватает холодную как лед рукоять. Картина наконец то начинает складываться, словно кто-то собирает ее из обрывков, которые по отдельности кажутся непонятными, зато соединившись... встают на место. Новые вопросы жгут ей язык, и от нетерпения меч чуть не вываливается из пальцев. Кайрис делает глубокий вдох, заставив себя успокоиться.

Вел наблюдает за ней с уже нескрываемым любопытством, будто ребенок за ярмочным фокусником. Чужие глаза блестят, ловя отблески ламп. Ладно. Если что-то пойдет не так, Кайрис просто сразу же вынырнет. Она прикрывает глаза, отгораживаясь от остального мира. С трудом уняв внутреннюю дрожь, Кайрис тянет вглубь, туда, где теплится отголосок чужого сознания.

Все звуки вокруг мгновенно пропадают, будто Кайрис ныряет в воду. В первое мгновение она вся напрягается — крупная дрожь проходит по телу, мышцы сводит. Хочется вынырнуть, бросить меч, разорвать контакт. Но Кайрис медлит, и страх постепенно утихает, разжимая стиснутые вокруг сердца пальцы. Только тогда она начинает действовать. Нащупав слабую, едва заметную нить связи, Кайрис касается ее и мягко поглаживает. Та отзывается слабой сердитой вибрацией, чем дольше касание продолжается, тем более усиливающейся. Кайрис сглатывает, заставляя себя подавить вновь разрастающийся страх, и не отстраняется. Загудев громче, нить, как и в прошлый раз, пытается дернуть Кайрис на себя. Но та напрягается, с трудом оставшись на месте. К чужому гневу примешивается удивление.

И оно срабатывает, как мелкая трещинка на толстой ледяной корке. Кайрис тут же ввинчивается в появившуюся брешь.

На сознание тут же наваливается невыносимая тяжесть. Давление все усиливается, не давая вдохнуть. Но вместе с этим Кайрис начинает видеть. В этот раз все не похоже на диалог — скорее подсматривание. Обрывки чужих воспоминаний мелькают в голове Кайрис одновременно с доносящимися будто сквозь шум ветра словами.

«Отстань... уйди... не трогай!»

— Кто... ты? — говорит Кайрис, едва проталкивая звуки сквозь зубы.

Сознание будто двоится, и сохранять концентрацию с каждым мгновением все сложнее и сложнее.

«Ненавижу».

Будто бы огненной волной окатывает. Зашипев, Кайрис из последних сил удерживает связь — та так и норовит выскользнуть из рук, словно угорь.

— И-м-я.

Каждая буква ощущается, как тысяча слов. В море чужого гнева мелькают искры злорадства, но в ответ раздается лишь

молчание.

— Трус, — выплевывает Кайрис.

Очередной горячий всплеск — и, внезапно, ответ.

«Кровавый шип».

Связь натягивается до предела — и будто лопаает, ударной волной выкинув Кайрис обратно.

— Ха-а-а.

Воздух вырывается из легких с хрипом и присвистом. Кайрис широко распахивает глаза и понимает, что меч лежит на столе, а ее пальцы стискивают край стола. Одежда насквозь пропиталась потом, и он продолжает тонкими струйками стекать по лбу и спине. Очертания предметов расплываются, то тут, то там скачут черные и красные пятна. Проходит несколько тягучих мгновений, пока Кайрис не приходит в себя.

— Ну тебя и приложило, — мелодично присвистнув, говорит Вел.

В его голосе нет ни намека на сочувствие. Ну конечно же. Кайрис облизывает губы и вдруг ощущает стальной привкус во рту. Поморщившись, она сплевывает кровь на пол.

— Его зовут Кровавый шип, — Кайрис кивает в сторону меча и добавляет с легким упреком. — И это — меч герцога.

Обрывков воспоминаний хватает, чтобы это понять. Вел кивает, не выглядя удивленным, что злит еще сильнее. Значит, и так знал. Получается, все усилия — зря? В голове Кайрис полная каша, так что она решает смолчать, и вместо обвинений просто трет затылок.

— Так и есть. Мало, очень мало. Похоже, ты еще недостаточно силен, — Вел качает головой и вдруг становится очень серьезным. — Не важно. Теперь слушай внимательно. На балу у тебя будет особое задание, про которое Нири знать не стоит. Зайдешь в личную оружейную герцога и поговоришь с его мечами о Кровавом шипе.

Кайрис смотрит на него со смесью непонимания и раздражения.

— Что за чушь. Когда мне этим заниматься, до того, как буду прятать труп, или после?

Вел прищуривается.

— Ты, кажется, не понял, Голдан. Это задание важнее смерти графа. В узел завернись, в кровавую лепешку расшибись, но сделай.

Опять тайны, опять Кайрис внутри паутины, о которой не имеет ни малейшего понятия, но завязла по самую глотку. Она запускает пальцы в волосы, сильно их растрепав.

— Расшибиться, завернуться — хорошо, если мне доплатят, — Кайрис ухмыляется. — Что именно спрашивать?

Вел отражает ее ухмылку, будто зеркало.

— Все.

Они замолкают, каждый думая о своем. А потом Вел поднимается и подбирает меч, явно собираясь уходить. Кайрис тоже подскакивает на ноги, чуть не опрокинув стул.

— Эй!

Вел хмыкает.

— Ждешь ответов? Их не будет, — он кидает на нее хитрый взгляд. — Собаки лучше учатся командам, если давать награду. Вернись с информацией, и мы поговорим.

Кайрис падает обратно, еле удержавшись, чтобы не врезать по столу кулаком. Ну уж нет, она не доставит ублюдку удовольствия.

Когда Вел по-кошачьи тихо исчезает за дверью, Кайрис подпирает подбородок кулаком,

пряча там самодовольную улыбку.

Она сказала Велу про имя и про хозяина, но кое-что умолчала. Одну мельком понесшуюся картинку. Заполненная теплым оранжевым светом богато обставленная комната: тяжелые бархатные шторы, резная мебель из морийского дерева, золотые подсвечники, песочный измовский ковер. И — тело мертвой женщины в шелковой ночнушке. Ткань насквозь пропитана кровью, синие глаза пустые, лицо искажено болью. Шип воткнут прямо в ее грудь, и кто-то, кто держит меч, отпускает рукоять, оставляя его там.

Кем была эта женщина? Кайрис не понимает, но вместо с воспоминанием приходит знание: незнакомка была важна, очень важна — и теперь она мертва. Женщина, этот меч и гильдия прочно связаны. В чью же опасную игру втянули Кайрис?

698 год, Оттепельник, 31

Карета медленно и плавно едет вперед. В ней особо нет смысла — замок герцога находится прямо в центре города — но благородные и два шага не пройдут пешком. Кайрис поправляет завязки у маски. В дорогом костюме непривычно: ворот давит, рукава слишком объемные и собираются складками. Одежда такая пестрая и так сильно топорщится, что Кайрис постоянно хочется ее пригладить. Нири, увидев ее жест, тоже тянется подтянуть узел. На нем бальный костюм сидит, как влитой, только подчеркивая точеную фигуру. Изогнутая на висках матово черная маска с золотыми узорами скрадывает синяки под глазами, отчего Нири кажется принцем, сошедшим с картины. Кайрис кривится. Когда она в последний раз гляделась в зеркало, то была похожа на шута.

Вздыхнув, она выглядывает в окно, отодвинув занавеску. Замок высится впереди, величественный и прекрасный: прямоугольные зубрины на башнях блестят золотистым в свете заходящего солнца, темно-серые стены кажутся мягкими и невесомыми, словно туман. По краям дрожки, по которой они едут, виднеются ровно стриженные кусты, сажающие зеленый коридор.

Карета проезжает сквозь последние ворота и мягко останавливается. К ней тут же подскакивает слуга и приоткрывает дверь. Удостоив того лишь кратким кивком, Нири с царственным видом выскальзывает на землю. Ровная спина, гордо вздернутый подбородок — не человек, а статуя. Кайрис выбирается следом, с трудом заставив себя держать руки неподвижными. Слуга низко кланяется и приглашает следовать за собой.

Все-таки не удержавшись, Кайрис начинает вертеть головой по сторонам.

Посреди небольшого садика стоит белый фонтан. Струя вьется в воздухе, падая вниз серебристым водопадом. Вокруг виднеются небольшие кустики, стриженные в виде животных: оленя, жеребца, птицы. Слуга ведет их мимо, к роскошной двухстворчатой двери с золотистыми узорами на красном дереве. Там уже небольшая очередь из таких же пестрых и разодетых людей. В воздухе стоит гул множества голосов, смех и шелест листьев, которые треплет ветер. Они с Нири пристраиваются в конце, и слуга, вновь поклонившись, исчезает, словно тень.

— Барон, прошу вас достать приглашения заранее, — небрежно говорит вентонец, изящно взмахнув рукой. — Я хочу как можно быстрее отведать вина, не задерживаясь.

Кайрис усмехается. Нири всегда хорошо играет на публику. Она отворачивается, проигнорировав протянутую руку. Молчание вдруг становится напряженным. Нири медленно вздергивает бровь в немом вопросе.

— Барон?

В этот раз приходит черед Кайрис недоумевать. Она чуть склоняет голову набок.

— У меня их нет, — тщательно подбирая слова и стараясь звучать безразлично, говорит Кайрис, но в голос невольно просачивается волнение.

От становящегося все более осязаемым дурного предчувствия внутренности завязываются узлом. Глаза Нири распахиваются чуть шире — едва заметно, но Кайрис слишком внимательно всматривается в его лицо, чтобы это упустить. Вентонец тонко улыбается, и уголки его губ нервно дергаются.

— А вы все шутите, барон. Вам их разве не передали? — с нажимом спрашивает Нири, хохотнув.

Они обмениваются взглядами. Видно, что-то прочитав в ее лице, Нири перестает улыбаться и с заговорщицким видом наклоняется к уху Кайрис. Со стороны это выглядит так, будто вентонец собирается рассказать свежую сплетню.

— Яррас должен был отдать их тебе, — шипит Нири.

— Когда? — попытавшись состроить подходящее ситуации шокировано-любопытное лицо, шепчет в ответ Кайрис.

— Вчера. Вел сказал, что направил его к тебе.

Сердце, сжавшись, ухает вниз. Все внутри Кайрис холодеет, и притворная эмоция застывает на ее лице, будто чудовищная гримаса.

— Я не видел его уже три дня.

Нири бледнеет, резко отшатнувшись, и в неверии вперивается в Кайрис взглядом.

— Ты шутишь? — дрогнувшим голосом спрашивает вентонец, прежде чем ему удастся вновь овладеть собой. — Ты же шутишь?

Кайрис медленно качает головой, чувствуя, как ужас стягивается на ее шее удавкой. В бессильном порыве она оборачивается. Кареты не видно за длинной колонной гостей. Отступить поздно. А толпа все движется, приближая их к дверям — и к готовой вот-вот захлопнуться ловушке.

Щелк.

Больше книг на сайте - Knigoed.net